

МИХАИЛ МОНДИЧ

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Экз. № 21

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК

АГЕНТОВ ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК, ИЗМЕННИКОВ
РОДИНЫ, УЧАСТНИКОВ АНТИСОВЕТСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ, КАРАТЕЛЕЙ И ДРУГИХ
ПРЕСТУПНИКОВ, ПОДЛЕЖАЩИХ РОЗЫСКУ

МОНДИЧ Михаил Дмитриевич, 1923 года рождения, урож. с. Нанково Хустского р-на Закарпатской обл., украинец, образование среднее. Среднего роста, брюнет, лицо овальное, глаза карие, на правой щеке шрам. Отец Мондич Дмитрий Георгиевич, мать Мондич Филип Анна Васильевна проживают в с. Нанково; братья Мондич Георгий (Юрий) Дмитриевич — в г. Соколов (Чехословакия) Мондич Николай Дмитриевич — в с. Стеблівка Хустского р-на.

До войны проживал в г. Праге (Чехословакия). В 1941 г. центром «НТС» направился в г. Гомель для вербовки новых членов в «НТС». В 1943 г. был арестован в г. Ирагу. В 1945 г. принят на работу в Укр. «Смерш» 4 Украинского фронта в качестве переводчика венгерского и чешского языков. В июне 1945 г. приезжал в родоселье в Закарпатье, откуда бежал в Чехословакию. В 1947 г. прибыл в г. Франкфурт-на-Майне, где установил связь с руководителями «НТС» и американской контрразведкой «Си-Ай-Си». По предложению руководителя «НТС» Трушновича написал антисоветскую книгу «Смерш». В 1952 г. проживал в г. Праге, учился на медфаке Пражского университета. В 1953 г. в Западной Германии являлся резидентом американской разведки. Затем выехал в Америку, где работал личным секретарем председателя исполнительного бюро «НТС» Байдалакова. С 1960 г. по 1968 г. проживал в г. Мюнхене, работал на радиостанции «Свобода». По имеющимся данным в 1968 г. выехал в США. Имеется фотокарточка 1945 г. и образец почерка.

Розыскное дело в УКГБ при СМ УССР по Закарпатской обл.

(Ранее объявлен в розыск КГБ при СМ СССР алфавитным списком за 1963 г., стр. 854, сверху второй).

МИХАИЛ МОНДИЧ · СМЕРШ

Розыскное дело
№ 104

Список

Михаил Мондич

СМЕРШ

(Год в стане врага)

ПОСЕВ

© Possev-Verlag, V. Gorachek KG, 1948
Frankfurt a. M.
2. Auflage 1984

*„Кровавые зори свет поведают”
Слово о Полку Игоре*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я писал дневник только до середины декабря 1944 года. С момента вступления в ряды Красной Армии пришлось переменить форму дневника на отдельные короткие заметки, так как увеличилась опасность моего разоблачения.

Поскольку на основании этих заметок мне удалось восстановить изложение событий, я счел возможным сохранить форму дневника и в дальнейшем.

Автор

1944

27 сентября 1944 года

В Хуст я прибыл в 7 часов утра. Ярко светило солнце. В воздухе была та свежесть, которой так не достаёт в больших городах. Маленькие домики словно улыбались мне, утопая в море сочной, буйной зелени.

По улицам торопливо скользили машины с венгерскими полевыми жандармами. На каждом шагу встречались гонвейды*. Но это были уже не те гонвейды, которые два года тому назад с песнями уходили на фронт, гордо крича: „A kis magyar nem fe'l a nagy oraszto'l” — „малый венгр не боится большого русского”. Нет, это были люди, измученные войной, не раз смотревшие смерти в глаза.

Я видел, как они проходили мимо щегольски одетых офицеров, как бы не замечая их. Случись это раньше — не миновать бы им строгого взыскания.

---

* Гонвейд — венгерский солдат.

В центре города, в окнах большого магазина обуви, красовались плакаты, изображавшие венгерский кулак, громящий Советский Союз. Кучка гонимых, стоявшая перед плакатами, ругала все на свете: и свое правительство, и немцев, и русских.

Коренные жители Хуста, наполовину денационализированные русины, хитро улыбались, покручивая черные усищи.

Хуст мне определенно не понравился. А ведь, сколько светлых воспоминаний связывало меня с этим городком: гимназические годы, прогулки к развалинам старинного замка, первая любовь...

Я торопился как можно скорее выбраться из Хуста, оказавшегося в непосредственной близости фронта, — полного солдат, суматохи и страха перед приходом русских.

Родное село встретило меня очень приветливо. Крестьяне останавливали меня, расспрашивали о последних фронтовых новостях, и, радушно улыбаясь, рассказывали мне про свое: кто в селе умер, кто с кем поссорился, кто на ком женился.

Отец не ожидал моего прихода. Я нашел его, измазанного дегтем, возле разобранной телеги за оборогами*.

— Пришел? — коротко спросил он меня.

Мы расцеловались. Он осмотрел меня долгим взглядом.

— Возмужал ты, переменился.

— Еще бы! Мне уже 25.

— Школу окончил?

— Да. Я — инженер.

— Ну, иди в хату. Покажись мамке.

---

* Оборог — своеобразный карпатский сеновал.

Это было лишнее. Мамка уже сама подходила ко мне. В глазах ее блестели слезы.

— Никола, — с трудом выговорила она и осыпала меня поцелуями.

Я до сих пор не опомнился от всего пережитого. Столько впечатлений в один день! С кем я ни говорил, все с нетерпением ожидают прихода русских. О положении на фронтах село осведомлено лучше меня. Тут что-то не в порядке. Есть люди, которые умышленно предупреждают события.

Почему не пришла Вера? Она, наверное, сердится на меня. Если бы она знала, как мне больно. „Крутит любовь с Андреем Кралицким”, — как бы мимоходом сказал мне Петька. Я не верю ему. После всего, что было между нами, она не могла, у нее не хватило бы сил, — глупости! Она гордая. Хочет, чтобы я пришел первый. Кто этот Кралицкий? Жаль, что я не спросил у Петьки. Постыдился. Что же, зайду к ней завтра. Может быть, лучше не торопиться? Сначала нужно узнать, прав ли Петька. Должно быть, прав. В его словах были нотки такой обыденности, как будто он говорил о факте, всем давно и хорошо известном и надоевшем.

Однако я слишком люблю Веру. С тех пор, как узнал от Петьки про ее новую любовь, не могу отогнать чувства ревности. А отогнать нужно будет. Слава Богу, — не маленький! Последние годы жизни так основательно изменили мои взгляды на жизнь, были полны такими событиями, что мне ли не побороть и ревность. Прага, Берлин, Варшава, Россия. Тюрьмы, допросы СД и Гестапо. Венгрия, Будапешт.

Допросы в Кеймелгарито*. И все же я на свободе, я цел, невредим и, не будь Веры, чувствовал бы себя счастливым. Я успел окончить школу в Будапеште, получить диплом инженера, повстречаться с друзьями. Инструкции. Специальное задание. Что же. Вся жизнь моя до сих пор была борьбой с коммунизмом. Шансов на успех у меня много. Я коренной житель Карпатской Руси. Здесь жили мой прадед, дед и отец. Я никогда не был эмигрантом. У меня есть знакомые между местными руководящими коммунистами. Им-то незачем знать мое прошлое. Кому какое дело до него?! Главное, совесть моя чиста. России и русскому народу я никогда не изменял и изменять не собираюсь. Венгров и немцев ненавижу так же, как и все мои друзья, все жители моего родного села, начиная с отца и кончая полунищим овчаром**.

Завтра я спрошу у Петьки, кто такой Андрей Кралицкий. Должно быть, парень что ни на есть во всех отношениях, если Вера „крутит с ним любовь”.

28 сентября

Отец разбудил меня в три часа утра.

— Может, поможешь мне... косить отаву.

Прибежала мамка.

— Старый черт! Фу! Зачем ты разбудил его? Я тебя проучу, ты у меня будешь помнить...

Чтобы прекратить спор, я поспешил уверить мам-

---

* Кеймелгарито — венгерская контрразведка.

** Овчар — полонинский пастух.

ку, что еще вчера договорился с отцом относительно отавы и что я сам предложил ему свою помощь.

Мамка не особенно поверила мне.

— Я тебя знаю не первый день... Но, если так, пожалуйста...

И все же она еще долго ворчала и упрекала отца.

На дворе отец остановился и начал прислушиваться.

— Слышишь? Это русские пушки.

Его морщинистое лицо, впалые глаза, весь он дышал радостью.

Я тоже слышал глухие выстрелы, но определить, чьи пушки стреляют, русские или венгерские, — не решался.

В поле нас остановил Петро Гаврилюк.

— Слышите? — оглядываясь во все стороны, таинственно спросил Гаврилюк. — Это — русские пушки.

Гаврилюк тоже радовался приходу русских.

В этот миг мне так отчетливо и ясно показалось, что все село, вся Карпатская Русь, эта последняя Русь, с благоговением прислушивается к глухим выстрелам и ждет прихода русских.

Во время обеда отец рассказал мне, как его допрашивали венгерские жандармы. Они били его прикладами, мучили, спрашивали, мяли на полу сапогами и опять спрашивали.

— Я ничего не знаю про сына. Я не знаю, куда ушел Иван.

— Знаешь, русинская морда, все знаешь и все нам скажешь!

И удары сыпались со всех сторон.

Отец никогда не любил много говорить, и я был удивлен его длинным рассказом. После долгого

молчания он устремил глаза на восток и как бы про себя произнес:

— А сын мой в России. Он скоро придет и рассчитается с жандармами. Как ты думаешь, — обратился он ко мне, — Иван уже, наверное, лейтенант?

— Не знаю, няньку!

— Ничего ты не знаешь, а еще инженер, — рассердился на меня отец и уже до самого вечера не промолвил ни слова.

Я действительно ничего не знаю о судьбе брата. Больше того, в Советский Союз убежал не только мой брат, убежали тысячи наших лучших людей. И что известно хотя бы про одного из них? — Ничего. Слухи ходят самые разные. Достоверно же известно одно: в СССР существует армия какого-то генерала Свободы. Иногда Москва сообщает имена чинов этой армии, награжденных медалями и орденами. Я и сам слушал не раз такие передачи, но среди героев знакомых фамилий почти не встречал, все какие-то не то чешские, не то еврейские. Если же изредка и встречались знакомые, то они могли быть с таким же успехом украинские, как и карпатские.

Нет, я не могу ничего сказать ни отцу о брате Иване, ни сотне знакомых об их близких. Только с приходом Красной армии узнает Карпатская Русь о судьбе своих лучших сынов.

Вера не пришла и сегодня. Гордая, слишком гордая она. Не был и Петя. Зайду-ка я завтра к нему.

29 сентября

С утра до самого вечера я работал на поле. После ужина пришел ко мне Петя.

— Пойдем к Линтуру? — предложил он.

Я немного удивился. Что он делает в нашем селе? Зачем приехал? Поговорить с популярным и умным Линтуром я не прочь.

Мы нашли Линтура в хате его родственников. Он встретил нас по своему обыкновению: не то с искренней, не то с напускной улыбкой. В глазах его играли огоньки тоже весьма неопределенного характера. Можно было подумать, что огоньки эти с затаенной злобой смеются над всем, но можно было их принять и за доброжелательные. В общем же, годы не изменили Линтура. Он дышал такой же бодростью, как и раньше.

— Вы за присоединение к Советскому Союзу? — спросил он нас как-то неожиданно.

Петя кивнул головой в знак согласия.

— Молодцы! Распространяйте эту мысль во всех слоях нашего народа.

В течение довольно длинного разговора я выяснил следующее: русские круги карпатской интеллигенции уже организованы и ведут пропаганду за присоединение Карпатской Руси к Советскому Союзу. Приближается время, ожидаемое карпатороссами почти тысячу лет. Нельзя упустить удобный случай. Пусть, наконец, чаяния народа превратятся в действительность.

Признаться, я был разочарован в великом уме Линтура. Он говорил так несвязно и путанно, словно считал нас дураками. Это заставило меня поспешно распрощаться с ним. Моему примеру последовал и Петя.

Чудесная тихая ночь развеяла тяжелое впечатление, оставленное разговором с Линтуром. Я решил

узнать у Пети интересующие меня подробности о Вере.

— Все ерунда, Коля. Вера не любит Кралицкого. Да и не стоит он ее любви. Вера — натура глубокая, Кралицкий же — весьма обыкновенный человек. Он коммунист, умеет петь, рисовать, разводить демагогию. Но толком он ничего не умеет. Зайди завтра к Вере, сам убедишься... Да, чуть было не забыл. Вчера Вера спрашивала меня, почему ты не заходишь.

Последние слова Пети обрадовали меня.

Помолчав немного, Петя продолжал:

— Линтур подкачал. Я думал, что узнаю от него что-нибудь интересное, и жестоко ошибся. Он рассуждает точно так, как и крестьяне.

— В этом его сила, Петя. Если бы он рассуждал иначе, то ничего не добился бы. В таких делах, как присоединение, нельзя мудрствовать. Нужно действовать без лишних рассуждений.

— Пожалуй, с крестьянами иначе и нельзя, но с нами-то мог бы он говорить более основательно.

— А если не умеет?

— Вот мне так и кажется, что не умеет.

С восточной стороны доносились крики людей и грохот телег. В село въезжал батальон гонвейдов.

— Никак, наши „кровные братья”, — с глубоким презрением произнес Петя, подавая мне на прощанье руку.

Зайти мне завтра к Вере или нет? — Пожалуй, не стоит. Я все перенесу, — перенесет ли она?

30 сентября

В два часа ночи я проснулся от стука в окно.

— Кто там?

— Чижмар!

Я подошел к окну.

— Чего тебе?

Чижмар возглавляет в наших краях партизанское движение. Весной венгры поймали его старшего брата Василия. На допросах Василий признался во всем. Выдал всех, с кем встречался, всех, кто помогал партизанам. Около 300 человек из соседних сел и городов было тогда арестовано. Василия венгры расстреляли в Марамороше. Там же были расстреляны и мои хорошие знакомые — Василий Жупан и Серко.

— Открой дверь!

Я впустил Чижмара в комнату.

— Передай всем своим знакомым, у кого есть оружие, чтобы уходили к нам в лес.

В темноте я не видел выражения лица Чижмара, но, судя по голосу, оно должно было быть суровым.

— Ладно, передам. Чего еще хочешь? Не голодаете?

— Нет.

— Когда мне прийти к вам?

Чижмар не сразу ответил. Должно быть, мой вопрос озадачил его.

— Когда найдешь нужным.

Чижмар ушел. Я пролежал до утра, обдумывая создавшееся положение.

Связываться с партизанами — опасно. Хотя бы Чижмар. Не мог прийти вчера или позавчера? Нет, пришел сегодня, когда в селе целый батальон гонвейдов. С такими людьми немудрено засыпаться.

Не помогать партизанам — тоже опасно. Когда придет Красная армия, все они начнут кричать о своих геройских подвигах. Им, конечно, будут верить.

Я пойду к ним, но немного позже. Пойду обязательно, должен буду пойти.

Правда мое отсутствие заметят жандармы. Сделают они что-нибудь моим родителям? Судя по их настроению, они не интересуются партизанами.

Для меня же партизанская легитимация — огромная ценность. С ней мне будут открыты все дороги.

1 октября

С утра дождь. Кругом такая грязь, такие лужи, что можно утонуть. В лесах в такую непогоду весьма неприятно.

2 октября

Дождь не перестает ни на минуту. Земля раскисла невероятно. Из хаты выйти нельзя.

3 октября

Все дождь и дождь. Отец ворчит. Работы много, а в поле нельзя выйти.

К вечеру немного прояснилось. Я бросил чертежи (все равно толка от них никакого не будет. Разве фирма теперь заплатит?) и стал одеваться. Думал

навестить Петю, но неожиданное посещение помешало: пришли Вера с Андреем.

Я давно не видел ее. Сначала она показалась мне такой же, как раньше: жизнерадостной, милой всепонимающей. Но я ошибся, что-то переменялось в ней.

Одета она была безукоризненно: в сапожках, в черном пальто, вокруг шеи черная шаль, на голове черная меховая папаха гуцульского образца. Вера — блондинка. Ее золотые волосы, мягкие, пушистые, ее голубые глаза, розовые, свежие щеки, светлая улыбка — все так странно гармонировало с черной шалью, небрежно переброшенной одним концом через плечо, и с черной папахой, так же небрежно надетой на голову.

— Садись, Вера! Садитесь! — обратился я к Андрею.

— Ты все работаешь? — спросила Вера звонким голосом.

Мне показалось, что вместе с Верой в комнату вошло еще что-то, что не знало никаких забот, никаких переживаний, никакой печали.

Андрей — красивый парень, высокого роста — богатырь.

— Да, Вера, работаю. В такую погоду можно только сидеть дома и работать.

— Почему ты не заходишь? Я ждала, ждала — и напрасно.

— Почему не захожу? Скажу тебе правду: не хотел тревожить тебя.

— Глупости. Тебе, наверно, наговорили всяких небылиц?

— Наговорили.

— И ты поверил?

— Да.

Вера задумалась. Лицо ее стало серьезным, улыбка исчезла.

— Я это знала. Потому и зашла к тебе.

— Спасибо.

— Не верь слухам.

— Хотелось бы, да не могу.

Андрей пристально смотрел на Веру. Она, заметив его взгляд, нахмурилась.

Я решил переменить тему и засыпал Веру десятком вопросов: как она жила, в кого влюблялась, часто ли скучала, вспоминала ли меня.

Вера со своими вопросами тоже не отставала. Я должен был рассказать ей о своих приключениях, увлечениях, работе и, главное, о планах на будущее.

— Планов у меня нет. Я никогда не буду выдающимся человеком, да и не хочу им быть. Мой идеал — человек-труженик. И, поверь мне, именно для таких людей у нас больше всего работы. Нас слишком мало, чтобы мы решали свою политическую судьбу. Это всегда за нас делали, делают и будут делать другие. Нам же нужно создавать хорошие школы, строить заводы, дороги, электростанции, одним словом, — строить жизнь. У нас до сих пор ничего нет. А сколько можно было бы сделать, если бы у нас были люди-труженики! Возьмем, к примеру, Тереблянскую электростанцию. Представь себе, построить электростанцию мощностью в 200 000 киловатт. Нам хватило бы этой энергии для всей нашей промышленности, — десятки заводов получили бы даровую энергию, в каждой хате горела бы электрическая лампочка, все поезда двигались бы этой энергией.

— Это все можно будет сделать только, когда власть будет в руках коммунистов, — перебил меня Андрей.

— Все это могут сделать люди-труженики, — продолжал я, как бы не замечая его слов, — так как это серая и неинтересная работа. Сколько богатств таится в наших горах, сколько соли, угля, железа, нефти! Нужны только люди-труженики, а не дешевенькие демагоги, не умеющие ничего другого, как кричать и ругаться, голосовать то за Украину, то за Венгрию, то еще Бог знает за кого. Причины нашей трагедии именно в отсутствии этих людей-тружеников.

— И в отсутствии свободы, равенства и братства, — вторично перебил меня Андрей.

— Этих вещей, господин учитель, не существует в мире.

— Но в Советском Союзе они существуют!

— В этом мы скоро убедимся, — вмешалась в разговор Вера.

Я слишком хорошо знал участь свободы, равенства и братства в Советском Союзе. Мне стоило большого усилия побороть в себе желание доказать этому лентяю всю ложь его слов.

— Ты права, Вера! Мы в этом скоро убедимся. Вы, господин учитель, не собираетесь к партизанам?

— Не-ет. Почему?

— Я только так спросил. Думал приобрести в вас компаньона.

— Ты шутишь, Коля?! — встревожилась Вера.

— Нет, не шучу. Я — не коммунист, а к партизанам пойду.

— Это лишнее, господин инженер, — присоединился к возражениям Веры Кралицкий.

— Лишнее для трусов и лентяев, а для сереньких людей, по-настоящему любящих свой народ, это совсем даже не лишнее.

Кралицкий обиделся.

— Что же, Коля, желаю тебе счастья и удачи... перед уходом обязательно заходи проститься.

— Зайду, Вера, зайду непременно.

После их ухода я долго не мог успокоиться. Вера любила меня так же, как и раньше. В этом я теперь вполне уверен. Кралицкому я отомстил. Пусть не зазнается.

Когда же мне идти к партизанам? Завтра? Пожалуй так. Фронт быстро приближается. Выстрелы с каждым днем слышны яснее и ближе. Венгры отступают по всей линии фронта.

Отступают. Это скрип их телег.

В окна стучат капли холодного дождя.

5 октября

Под вечер я переоделся. Галифе, сапоги, свитер, непромокаемое пальто были единственной защитой от непогоды.

Родителям я сказал, что уезжаю в Мукачево по неотложному делу. Мама, как и всегда, разгадала мои замыслы. Не поверила мне, но и не останавливала.

Вера была дома. Она, должно быть, ждала меня.

— Садись, поговорим.

Я повиновался.

— Меня удивляет твое решение. Зачем нужны тебе эти партизаны, право, не понимаю.

В голосе ее слышался упрек.

— Я скоро вернусь, Вера.

Наступило молчание. Мне хотелось многое сказать Вере, но я молчал. Вера тоже не находила слов для выражения своих подлинных чувств.

— Возвращайся как можно скорее. Буду ждать... Кралицкого я просила вчера не заходить больше.

— Напрасно. Я не хочу быть твоим тираном.

— Не говори глупостей. Скажи лучше, где с тобой можно будет встретиться? Ты же погибнешь от голода в лесах со своими партизанами.

Напускное душевное равновесие, с которым Вера меня встретила, исчезло. Она поцеловала меня и упрекала в ненужном решении. Такой милой, откровенной и любящей я ее видел впервые.

— Да сбережет тебя Бог, — сказала она на прощанье.

8 октября

Наконец-то судьба улыбнулась мне. Я отдыхаю в лесной избе. Тепло, уютно.

Три дня я бродил с партизанами по лесам и кустарникам. Зачем все это нужно было, не понимаю до сих пор. Чижмар говорил, что партизаны должны быть постоянно в движении, только тогда они неуловимы. По моему же мнению, в наших условиях — это совершенно ненужное правило партизанской войны.

Если бы венгры хотели нас уничтожить — уничтожили бы очень легко. Но они нами просто не интересуются. Чижмару это известно. Он избе-

гает встречи с венграми даже в тех случаях, когда перевес явно на нашей стороне. За это я его уважаю.

Проклятый дождь. Когда же он пройдет? Если бы не он, моя партизанщина была бы приятной прогулкой в лесах. Но дождь замучил меня. Сырость пронизывает до костей. Холодно. Даже присесть отдохнуть невозможно.

9 октября

Сегодня мы сделали полезное дело. Несколько гонвейдов гнали по дороге захваченный в Польше скот. Черета насчитывала голов 300. Я предложил Чижмару напасть на венгров и угнать скот в лес.

— Добре, — согласился Чижмар.

Операция удалась нам блестяще. Старики венгры, более уставшие, чем угоняемый ими скот, разбежались при первом выстреле. Партизаны угнали стадо в леса.

— Травы еще много, не подохнут, — потирая руки от удовольствия, говорил Чижмар. — Потом можно будет все стадо выловить.

Венгры даже и не пытались преследовать нас. Станные они. Отступают без боев, днем и ночью тянутся их телеги. Вид у них усталый, в глазах — безнадежность. Наши села не грабят. До сих пор ни одного случая грабежа или насилия. Боятся ли партизан, или действительно считают русинов своими кровными братьями? Не знаю. Но ведут себя безукоризненно.

Вера сдержала слово. Пришла, принесла хлеба, солонины и много других вещей.

— Что нового в селе?

— Суматоха неслыханная. Венгры, боясь окружения, поспешно отступают. Меняют оружие на хлеб, одеяла, шинели, ботинки. Прямо толкучка какая-то. Староста прочитал приказ окружного начальника: „Все мужчины в возрасте от 16-ти до 52-х лет должны оставить свои села и города и уходить в глубь Венгрии”. Крестьяне смеются над приказом. Жандармы ушли из села. Староста отказался от своей должности. Коммунисты собираются по ночам у Кралицкого и обсуждают захват власти в свои руки. Я удивляюсь тебе! Почему ты не бросишь своих партизан и не вернешься в село? Чего доброго, простудишься в такую погоду. Зачем тебе это нужно?

Вера буквально забросала меня упреками. Хотя я в душе и соглашался с ней, но оставлять партизан все же не собирался. Русские должны застать меня с оружием в руках и с красной звездочкой на шапке.

— Родители твои страшно беспокоятся. Все меня спрашивают, не знаю ли я, что с тобой.

— Передай им, Вера, привет и скажи — скоро вернусь.

Вера ушла разочарованной. Ей не удалось уговорить меня возвратиться в село. Бедная Вера! Если бы она знала, сколько горя придется ей пережить со мной. Вернее, из-за меня. Хотя, — глупости! — все будет хорошо, если я буду действовать решительно и осторожно.

В 12 часов из села ушла последняя сотня венгров. Она взрывала за собой все мосты. Гонвейды, в грязи с ног до головы, недоверчиво оглядываясь, поспешно отступали.

Чижмар занял удобные позиции на лесистом холме за селом. С восточной стороны слышались одинокие выстрелы винтовок и короткие очереди пулеметов. Выстрелы все приближались.

Я всматривался в даль, но никого не видел. Вдруг, за поворотом под горкой я заметил группу солдат. Это были русские. Они быстро шли к селу. По временам они останавливались и выпускали из автоматов короткие очереди.

— Ур-а-а-а! — закричали партизаны.

— Ур-а-а-а! — эхом отозвались дремучие, неприветливые леса.

— Смотрите, вон они! Боже, сколько их! — восторженно заговорил Чижмар.

Действительно, русские приближались, как неудержимые тучи, быстро, стихийно, со всех сторон.

Я с партизанами спешил в село.

Крестьяне приветливо жали руки красноармейцам, зазывали их в хаты, угощали водкой, салом, папиросами и фруктами. Бабы плакали от радости.

Кралицкий вывесил на школе красное полотнище с серпом и молотом.

-- Ур-а-а-а! — слышалось со всех сторон.

Группы русской разведки быстро прошли через село и исчезли за поворотом.

Начали подъезжать телеги с боеприпасами. Связисты суетились с проводами. С грохотом пролетали тяжелые грузовики с пушками на прицепе.

Я побежал к Вере.

— Коля! — с трудом проговорила Вера и бросилась меня целовать. В глазах у нее блеснули слезы.

Во двор въехала телега с группой пьяных офицеров.

Высокого роста капитан с обезумевшими глазами сполз с телеги и вошел в комнату.

— Здравству-уйте!

— Здравствуйте, — ответил я, сжав в руках автомат.

— Ты-ы кто такой?

— Партизан.

— А-а! Водка есть?

— Есть.

Капитан устремил глаза на Веру.

— Это моя жена, — предупредил я капитана.

— Мать ее так... жена так жена.

Вера покраснела от стыда.

— Ты, капитан, не ругайся! — проговорил я строго.

— А ты кто та-а-кой?

— А тебе какое дело?

Вошел майор: не то еврей, не то кавказец. Капитан попробовал было вытянуться, но это ему не удалось, и он безнадежно махнул рукой.

— Хозяин вот, — и капитан показал в мою сторону рукой, — пригласил выпить по-о стаканчику.

— Я вам покажу! На свое место!

Капитан послушно удалился. Майор попросил меня переселиться в другую комнату.

— Здесь будут жить наши офицеры, — как бы извиняясь добавил он.

По дороге все еще мчались грузовики с пушками на прицепе. Бойцы, прижавшись к стволам, махали крестьянам шапками.

— Ура-а! — не было человека в селе, который не встречал бы своих освободителей с восторженной радостью в глазах.

— Заходите к нам!

— У меня водка есть!

— Заходите пообедать!

— Берите яблоки!

— Бедняжки, устали!

Карпатская Русь встречала Красную армию более чем по-братски. Все двери были открыты для красноармейцев.

— Чем богаты, тем и рады, — говорил отец веснушчатому капитану, ставя на стол большую корзину с яблоками.

— Вы про наших ничего не слыхали? — как-то нерешительно спросил отец. Капитан удивился. Я объяснил капитану, кто эти „наши”.

— Слышал, как же. Это чехи!

— Нет, не чехи, а наши, русские, — запротестовал отец.

Капитан недоумевающе покачал головой и принялся за яблоки. Я счел лишним посвящать капитана в наши запутанные карпатские проблемы. Откуда ему знать, кто мы такие?

24 октября

Братство всегда останется братством, но красноармейцы подкачали. Ночью украли у Петра Гаври-

люка двух волов. Это происшествие было первым тревожным сигналом. Крестьяне начали закрывать конюшни, сараи, амбары и хаты. „Береженого Бог бережет”.

29 октября

Был я в Хусте. Что там творится! Идет неслыханный грабеж. Кто-то взламывает ночью магазины, погреба, кто-то в кого-то стреляет. Украинцы пытаются захватить власть в свои руки. Русские относятся к их начинаниям равнодушно. Местные коммунисты ругают всех и вся и создают какие-то комитеты. Ходят слухи, что Карпатская Русь будет возвращена Чехословакии. Приезжие из Рахова рассказывают, что у них уже чехословацкое правительство с каким-то министром-немцем.

Бедный народ! Напрасно он так радовался приходу русских и ждал перемены в своей злополучной судьбе.

Мост на реке взорван венграми. Поезда не ходят. Что творится в остальных уголках Карпатской Руси — никому не известно. Должно быть везде такой же хаос, как и в Хусте.

Погода скверная. Идут дожди. Такой плохой осени не помнят и седые старики.

Нигде ничего нельзя купить. До конца войны еще далеко, а до зимы рукой подать.

Красноармейцы пьянствуют, грабят, воруют.

Ходят слухи, что в Хусте орудует НКВД. Для меня это очень интересная новость — НКВД!

4 ноября

В Хуст прибыло чехословацкое правительство. Заняло здание суда. Местные коммунисты смотрят на чехов недружелюбно. Должно быть, помнят нагайки чешских полицейских и жандармов. Петя говорил мне, что виделся с Мишей.

9 ноября

Судьба Карпатской Руси решена! Мне до сих пор не верится, что это так.

Вечером я встретился с поручиком чехословацкой армии, Мишкой П. Он работает в штабе генерала Свободы.

— Я спешу на собрание. Извини, что даже поговорить с тобой не могу.

— Я иду туда же. Меня пригласил Линтур.

Мы пошли вместе. Мишка бегло рассказывал мне про свои подвиги в армии.

— Я боюсь одного. На собрании будет присутствовать и поручик Туряница. Это отчаянный карьерист, и, как ни странно, коммунист!

После этих слов Мишка отпустил по адресу Туряницы такую уличную брань, что я только уши развешил.

В большом зале стояли облака дыма. Мы с Мишкой с трудом протолкались к передним рядам. Кого только я не увидел, — и Туряницу, и Линтура, и Сикору, и Волощука, и Поповича и десятки других знакомых.

Председательствовал Туряница. Собрание затянулось. Говорили десятки ораторов.

Слово „присоединение” стало магическим. От частого упоминания оно как будто повисло в воздухе над толпой.

Я сознавал всю важность собрания и потому старался быть внимательным.

Поздно ночью собрание единодушно вынесло резолюцию: Карпатскую Русь надо присоединить к СССР.

На этом же собрании были даны инструкции всем коммунистическим ячейкам вести среди широких масс населения усиленную агитацию за присоединение.

— Сволочи! — прошептал Мишка, сжав кулаки.

Коммунисты добьются своего. Власть везде в их руках.

Я тоже за присоединение к Советскому Союзу. Но мною руководят иные соображения. Я знаю, что ждет мой народ в рамках Советского Союза. Сначала беспощадная чистка. Потом болезненный переход к социализму. Вполне возможно, что большевики переселят нас и уничтожат, как бытовую единицу. Для меня это было бы страшным ударом. Я люблю родной карпатский быт, нравы, обычаи, люблю полонины, Тису и Реку, люблю эти разбросанные по склонам гор хаты, люблю звуки трембит...

Но пусть сбудется веление судьбы.

Возможно, что, если Карпатская Русь не воспользуется предоставленной ей возможностью, ей придется в иностранном рабстве ждать еще тысячу лет второго такого случая. Я знаю, что в Советском Союзе нам придется перенести много горя. Страдает вся Россия, будем страдать и мы, но будем страдать вместе.

Приехал мой лучший друг Федя. Он — поручик чехословацкой армии. На груди у него красная ленточка.

— За ранение, — с легким презрением ответил он на мой вопрос.

Выражение лица у него жесткое, глаза строгие и холодные, движения нервные, говорит мало, на вопросы отвечает неохотно. От моего внимания не ускользнула появившаяся у него новая манера — говорить неискренне.

Вечером мы остались с ним наедине. Он облегченно вздохнул.

— Так ты уже инженер? — в его голосе звучала обида.

— Да, — ответил я сухо.

— Ерунда! Диплом в жизни не играет никакой роли.

— Почему?

— Ты бы это понял и сам, если бы побывал в тех условиях, в которых довелось бывать мне.

— Говори яснее.

Федя окинул меня взглядом с ног до головы, сел на стул и опустил голову.

— Останешься дома или уедешь? — спросил он неожиданно.

— Останусь дома.

Мне надоело загадочное поведение Феде, и я попросил его быть со мной более откровенным.

— Ладно, буду откровенным. — Он откашлялся. — Ты знаешь, когда я убежал в Советский Союз?

— Знаю.

— Границу удалось мне перейти легко. На той стороне я почувствовал себя вне опасности и сам пошел к пограничникам. Они встретили меня дружелюбно: накормили, угостили папиросой, дали стакан водки. Я уже думал, что моим приключениям конец и что в будущем заживу настоящей свободной жизнью, — но... Пограничники передали меня в районный НКВД. Вот здесь-то и началась моя трагедия. После предварительного допроса меня отправили с сотней других перебежчиков в тюрьму в Станислав...

Феда смолк. На его лице отразился ужас.

— Три месяца длились допросы, — продолжал он. — В камере — голод, вши, грязь, воровство, ругань, драки. А на допросах — один и тот же вопрос: со знайся, ты шпион? Веришь или нет, слово „шпион” мне тогда так опротивело, что и теперь, когда я его слышу, мною овладевает неудержимое бешенство, такое бешенство, что, может быть, я близок к настоящему безумию. Не помогли ни доводы, ни заверения, ни просьбы. Мне кажется теперь, что я был тогда совсем помешанным. Меня присудили на пять лет принудительного труда в лагерях специального назначения. Нет таких слов в мире, которыми можно передать то, что я пережил тогда, слушая приговор. За что меня судили? За то, что, оплеванный и избитый до полусмерти венгерскими жандармами, решил убежать в самое свободное, самое передовое государство в мире? Венгры били меня за то, что я был русским, — за что же судили меня русские? За то, что я перешел к ним с светлой верой в их правду? Если бы я был преступником, убийцей, вором или взломщиком, я не страдал бы так. Но я чувствовал себя невиновным. В станиславской тюрьме у ме-

ня украли ботинки. Бывалые заключенные посоветовали мне порвать рубашку и замотать ноги тряпками. Я послушался совета и хорошо сделал. Из Харькова пришлось идти пешком. Снег, мороз, ветер, — а у меня на ногах тряпки. Смотришь вперед конца не видно серой массе. Смотришь назад — то же самое. Кто отстал — тот распрощался с жизнью. На первом этапе нас стали пересчитывать. Двух не хватает. Пересчитали вторично. Не хватает. Как раз в это время проходили мимо двое рабочих. Лягавые* бросились на них и прикладами втолкнули в наши ряды, угрожая расстрелом в случае попытки сделать хотя бы шаг в сторону... Сначала я не понял, в чем дело, и сообразил только позже. Если бы лягавые не сдали точно принятое ими количество людей, — не миновать бы им строжайшего взыскания. Поэтому они, не задумываясь, заменили двух убежавших этими рабочими. Пока разберут и выяснят, в чем дело, пройдут года. Кто поверит рабочим, что они не осужденные? Если бы мне раньше кто-нибудь рассказал подобный случай, я плюнул бы ему в глаза. Но своим глазам я верю... Путешествие мое окончилось Колымой. Я медленно умирал. Из колымских лагерей почти никому не удавалось выбраться живым, и я был уверен, что меня постигнет та же участь. Если бы я не связался с урками, я бы погиб с голода. Урки воровали пайки у румын и разных нацменов и, таким образом, спасали себя от смерти. Зато румыны и нацмены гибли сотнями. Вместе с урками я сделал много преступлений, но считаю, что за эти преступления недостой-

---

* Лягавые — охранные войска НКВД, по лексикону заключенных.

ны судить меня даже самые безупречные судьи. Только один Бог понимал меня тогда, — пусть Он меня и судит.

Я был потрясен рассказом Феде. Доводилось мне и раньше слышать подобные истории, но я им не особенно верил. Феде же я не мог не верить.

— Про Маруську ничего не знаешь?

— А как же! Погибла от чахотки в Туркестане.

— В лагере?

— Да... Эх, выпить бы...

Я достал из шкафа бутылку водки. Федя выпил стакан, потом второй. Мне было понятно его душевное состояние. Он хотел отогнать тяжелые воспоминания.

— Ты, Коля, не сердись на меня... Я не пьяница. Это я только так.

— Ладно.

— Советую тебе записаться добровольцем в чехословацкую армию.

— Нет, я останусь дома.

— А я — так ни за что на свете.

— Твое дело.

— Я, Коля, и национальность переменял... Не сердись, прошу тебя, и не осуждай меня. Если бы знал, как в Станиславе издевались надо мной за то, что я считал себя русским. „Какой ты, мать твою так-рас-так... русский! Ты венгр, шпион, подлец!“ Глупости, я вру. Я хотел бы быть не русским, но не могу. В душе я остался тем же, кем был раньше. Только никому об этом не говорю.

Федя выпил еще стакан водки и, распрощавшись со мной, ушел. Мною овладело, не покидающее меня до сих пор, жгучее негодование. Как могли большевики быть такими близорукими? Ведь к ним убежали наши русины тысячами, а они видели в них — шпионов!

Впрочем, это их принцип: пусть лучше погибнут тысячи невинных, чем останется в живых один виновный.

В мире нет ничего вечного. Не вечными будут и большевики. Пройдут годы, и карпатская история отметит еще одну темную страницу в жизни своего народа.

С 1939 по 1941 год убежали в Советский Союз тысячи наших людей. По тем неопределенным сведениям, какими я располагаю сейчас, две трети из них погибло в концлагерях. Иными словами, Советы замучили тысячами наших невинных людей.

Такого нам даже венгры никогда не устраивали.

18 ноября

Я приехал с Верой в Мукачево. На базаре шел митинг. Какой-то новоиспеченный комсомолец агитировал среди молодежи. „Красная армия, лучшая армия в мире, принесла нам свободу на штыках” — кричал комсомолец. „Вступайте в комсомол, вступайте в ряды Красной армии. Враг еще не добит, нам нужно добить его в его собственной берлоге”.

Толпа слушала молодого оратора скорее по привычке, чем из интереса. Митингов развелось у нас за последнее время неисчислимое количество. Чехи

агитируют вступать добровольцами в ряды чехословацкой армии; русские — в Красную армию; рабочие пропагандируют свои требования: отнять все предприятия у собственников и передать их в руки государства, сократить десятичасовой рабочий день до восьмичасового, увеличить зарплату рабочих в два раза.

Новоиспеченный комсомолец старается говорить по-русски, но это ему не удается.

„Хай живе батько Сталин! Хай живе Красная армия! Хай живе великая партия большевиков!“

Как раз в этот момент внимание толпы отвлекли громкие ругательства красноармейца, схватившего за горло гражданина с меховым воротником. Второй красноармеец, сев на велосипед, поспешно удалялся.

— Ловите его, ловите! Это мой велосипед, — кричал гражданин с меховым воротником.

Милиционеры подняли стрельбу. Кто-то завизжал, барахтаясь на мостовой.

Новоиспеченный комсомолец спрыгнул с прилавка и скрылся в соседнем дворе.

Вера схватила меня за руку.

— Уйдем поскорее. Это черт знает что!

— Еще не то будет, — утешил я ее.

Тетя Веры, очень милая старушка, встретила нас как родных, угостила чаем с хлебом.

— Не знаю, как мы будем жить дальше. Магазины пустые, на рынке все дорого. Дров нет, соли нет, сахара нет. Русские платят рублями или кронами. Торговцы берут только пенго. Везде грабежи, убийства. Солдаты ничего не делают, только взламывают погреба и пьянствуют. Скажи мне, Коля, неужели у них и дома такой беспорядок.

Я начал уверять тетю, что у русских образцовый порядок и что такой же порядок они в скором времени наведут и у нас.

— Не верю я этому, Коля. Мы ждали не таких русских.

— Нельзя всех мерить одним аршином. И между русскими много хороших людей.

Мои доводы не повлияли на тетю. Она осталась при своем мнении.

Начинается то, чего я так сильно боялся, — простые люди, не вникая в суть вещей, начинают ненавидеть русских. Они не различают большевиков, воров, убийц и всякого рода других преступников, действия которых бросаются в глаза, и все валят на русских.

Коммунисты торопятся как можно больше собрать подписей за присоединение к Советскому Союзу. Сегодня я уже в третий раз подписывался под манифестом Н. Р. З. У. (Народной Рады Закарпатской Украины).

21 ноября

Сегодня вечером я присутствовал на совещании росвиговского комитета компартии. Путрашова, жена о. Гавриила, секретарь росвиговского комитета компартии, выдвинула мою кандидатуру в секретари росвиговского комсомола. Я отказался, ссылаясь на свою профессию.

Путрашова рассердилась на меня. Пусть! Я ее презираю. Отец Гавриил рассказывал мне про нее интересные вещи. Как только могла эта добрая матушка так радикально переменить свои взгляды в такое

короткое время? Бедный о. Гавриил! Развестись с ней ему не позволяет его духовное звание, и он, горько сознавая неизбежность трагедии, принужден сносить все действия матушки. „Тяжело разобратся в душе женщины, — говорит о. Гавриил. — В религии много сложных и непонятных догм, но они — яркие звезды в сравнении с душой женщины”.

На обратном пути я встретился с Андреем Горняком.

— Пойдем выпить?

Все мои знакомые говорят, что Андрей работает в НКВД. Мне хотелось узнать более подробно об НКВД, и потому я принял его приглашение.

В просторных залах „Короны”, несмотря на позднее время, было многолюдно. Густой табачный дым ел глаза; противный запах прокисшего пива и вина, смешанный с резким запахом водки и пота, наполнял все уголки ярко освещенных помещений.

Здесь были люди самых разных профессий — офицеры, добродушные пьяницы, воры, убийцы, поставщики черного рынка, проститутки и интеллигенты. Официанты, знакомые Андрея, с трудом отыскали для нас место.

К Андрею подошла красивая венгерка и похлопала его по спине.

— Уйди! — бросил ей Андрей, нахмутив брови.

Женщина сделала обиженную мину и ушла. На нашем столике появились бутылки вина и стаканы.

— Почему ты до сих пор нигде не работаешь? — спросил меня Андрей.

Я нерешительно повел плечами.

— Хочешь, я найду тебе хорошее место?

— В НКВД?

— Ты — как и все остальные! — с обидой сказал Андрей. — НКВД это одни слухи. Его в Мукачево нет. То есть, как бы тебе объяснить? — Андрей подозрительно обвел глазами окружающих нас пьяниц. — К нам, в милицию, часто приходят какие-то военные, справляются о некоторых людях. Кто они, эти военные, мы не знаем. Ни своих фамилий, ни места жительства они никогда не говорят. Я подозреваю, что они не НКВД, а что-то совсем другое.

На этом наш разговор об НКВД кончился. Андрей подозвал к себе красивую венгерку и начал угощать ее вином.

Сведения, полученные от Андрея, разрушили во мне представление об НКВД, которое у меня было до сих пор. Когда-то я изучал структуру НКВД по весьма определенным и достойным доверия материалам. Я знал всю административную сторону этого учреждения, знал, как оно работает и кто руководит им. НКВД никогда не маскировал себя.

Кто же эти люди, не доверяющие даже начальству милиции? Ведь сотни известных мне арестов — их рук дело. „Какие-то военные”. Какие? Этот вопрос меня чрезвычайно интересует.

Надо действовать более решительно. Я до сих пор не выбрал даже линии, где бы легче всего можно было выдвинуться. Не результат ли это моей неспособности?

Выбрать подходящую линию трудно. Наши коммунисты действуют на свой риск. Если бы я записался в компартию, — меня бы нагрузили пропагандной работой и у меня не осталось бы свободного времени. Известные мне секретари компартии не имеют никакой связи с русской компартией, — это значит, что я утонул бы в будничной работе, не выполнив

задания. Где искать исходную точку? Лучше всего было бы, если бы мне удалось попасть в Москву, но это невозможно. Между Карпатской Русью и Советским Союзом существует граница, — настоящая граница, с собаками и конными патрулями.

Будет ли Карпатская Русь присоединена к Советскому Союзу или останется в рамках Чехословакии — вопрос пока не решен. Чехи в некоторых районах проводят частичную мобилизацию. Русские ограничиваются пропагандой добровольного вступления в Красную армию. Большинство идет к чехам. Свободовцы*, побывавшие дома, своими рассказами о советских концлагерях сильно подорвали коммунистическую пропаганду за присоединение. Наблюдается расслоение населения на две части — за русских и за чехов.

По моему мнению, хотя сторонники чехов и составляют большинство, — выиграют коммунисты. Власть везде у них в руках.

Что же мне делать? Ждать случая? Глупости. Надо действовать. Но как действовать без определенных возможностей?

25 ноября

Вера рассердилась на меня. В сердцах наговорила мне много лишнего. Почему я не женюсь на ней? Для нее это очень простой вопрос, для меня же это сложная проблема. Я понимаю Веру, понимаю очень хорошо, потому мне и жаль ее. Она была так деликатна, что до сих пор ни разу, даже намеком, не за-

---

* Свободовцы — солдаты генерала Свободы.

трагивала этого вопроса. Но сегодня высказалась определенно. „Или ты женишься на мне, или я тебя больше знать не хочу”. Пылкий характер Веры может привести к серьезным осложнениям в наших отношениях.

Я сознаю свою вину. У Веры, как и у подавляющего большинства женщин, одна цель в жизни — выйти замуж.

Если бы я был честным человеком, я не морочил бы ей голову. Сказал бы: „Наши пути расходятся, и потому устраивай свою жизнь без меня”. Я этого не сделал, потому что люблю ее, люблю беззаветно. В этой любви расплываются все мои решения. Из-за Веры я до сих пор ничего не сделал. Мои друзья высмеяли бы меня, узнав, до какой степени я бессилён в своих чувствах.

Нет, Вере никогда не понять, почему я не женюсь на ней.

Большевики заморили в концлагерях тысячи наших невинных людей. Что бы они сделали со мной, если бы узнали, кто я такой? Правда, мало данных, что они докопаются до истины, — у меня партизанское удостоверение и рекомендации от видных коммунистов. Но могут быть случайные срывы. Вере нельзя знать, что я близок к смертельной опасности. Пусть лучше порвутся наши отношения, пусть на смену любви придет ненависть.

Борьба за Россию — не эмигрантская игра в политиков. Нет, это серьезная борьба не на жизнь, а на смерть.

Я не один. Нас много. Победит тот, кто выдержит до конца. В руках большевиков огромные средства и легионы преданных исполнителей, не знающих ни пощады, ни милости. С нами же миллионы террори-

зованных, обнищавших, обездоленных и обманутых простых русских людей.

Кто-то должен вести с угнетателями борьбу. Кто-то должен рисковать своей жизнью. Мне поздно отказываться от борьбы. В немецких тюрьмах СД я понял, что сильная и благоустроенная Россия не нужна иностранцам, и что они готовы на все, лишь бы растерзать, раздробить и раздавить Россию. С большевиками должны бороться сами русские, любящие и понимающие Россию.

В глазах большевиков я был бы несравненно меньшим преступником, если бы они меня поймали в форме гонвейда, с винтовкой в руках, а не таким, какой я теперь.

Вера, не понимающая всего этого, не должна из-за меня попасть им в руки. Пусть она натворит еще больше глупостей, пусть, чтобы заставить меня страдать, она изменяет мне. У меня слишком много решимости и силы, чтобы перенести все это, хотя бы и с болью в сердце.

28 ноября

„С каждым днем все радостнее жить”. Вербую добровольцев в Красную армию.

Градоначальник Мукачева, товарищ Драгула, мною доволен. Не знаю, какими судьбами этот старый преподаватель гимназии оказался в должности градоначальника. Его замучили разные собрания. Говорить он не умеет ни по-русски, ни по-украински, ни по-местному, хотя он и не венгр.

Коммунисты, окружившие его плотной стеной, смеются над ним, Георгий С. рассказывал мне вчера интересный случай из жизни Драгулы.

— Представьте себе, в большом зале кинотеатра, в присутствии тысячи учеников, мой Драгула выступил с речью: „Вступайте в ряд Красной армии и да хранит вась Господь Бог. Хай живет компартия России, хай живет Червенна армия, хай живет товарищ... майор Сталин!“ Весь зал рычал от удовольствия, а мой Драгула даже не смутился...

Мне легко работать с этим стариком, таким же далеким от понимания окружающей его действительности, как Красная Москва от мировой революции.

Завтра мне исполнится 25 лет. Нужно будет пригласить знакомых и распить с ними токайское, подарок Мишки Котрича.

Придет ли Вера? Сомневаюсь. Упрямства в ней больше, чем настоящей любви.

29 ноября

Я старался угодить гостям. Жаль, что не присутствовала Вера. С ней было бы веселее.

Никита М. ругал русских. С возмущением рассказывал про случай с о. Иоанном Мучичкой.

— Ты знаешь, как любил Мучичка русских во время господства венгров. Слушая его, можно было подумать, что русские не люди, а ангелы. И вот эти ангелы нагрянули ночью на Мучичку. Раздели его донага, избили до потери сознания и ушли, оставив лежать на улице. Чёрт знает, что творится вокруг.

Я рассказал своим гостям про историю с Федей: про допросы в Станиславской тюрьме, про Колыму, про голод и неслыханные условия жизни в советских концлагерях.

Гости слушали меня внимательно. Никита то и дело хмурился и качал головой.

В одиннадцать часов ночи гости мои стали расходиться. Я проводил Никиту, — с ним мне нужно было поговорить наедине.

На обратном пути, у ресторана „Звезда”, я встретил Веру. Она шла под руку с полупьяным лейтенантом.

Увидев меня, она смутилась, но смущение ее быстро прошло. Поравнявшись со мною, она прошла, не ответив даже на мое приветствие. Полупьяный лейтенант навалился на нее всем телом и сыпал матерной бранью.

Мною овладело жгучее презрение и к лейтенанту, и к самому себе. Грош мне цена, а весь мир и ломаного гроша не стоит! Выпить надо, да не так, как принято в приличных домах, а по-настоящему, так, как пьют в „Короне”, как пьет Андрей Горняк со своей красивой венгеркой. Я-то, дурак, молился, глядя на Верку, а этот лейтенант через полчаса разденет ее донага... Прав Андрей Горняк. С женщинами нельзя церемониться. Какая разница между Веркой и венгеркой Андрея? Никакой. Венгерка даже во многом лучше Верки. Не притворяется, не разыгрывает святую.

Я медленно приближался к „Короне”. Пьяные рожи подозрительно смотрели на меня. Запах блевотины, пота и разлитого вина перекинулся на другую сторону улицы.

Огромными усилиями воли я прогнал от себя и образ лейтенанта, раздевающего Верку, и образ красивой венгерки, плутовски оглядывающей свои жертвы.

Пусть грязные люди валяются в этих вонючих ямах. Сколько горя пришлось бы мне перенести, если б я женился на Верке. Надо благодарить судьбу, что показала мне подлинную, без маски гаденькую, подленькую Верку.

И я хорош! Столько лет возился с девчонкой и не мог разгадать ее.

11 декабря

Мне смертельно надоели все эти собрания, совещания, постановления, решения, резолюции, инструкции и директивы.

Погода не меняется. Дождь идет и днем и ночью. Улицы превратились в непроходимые лужи. Люди ходят сгорбленные, хмурые и молчаливые.

С приходом русских цены возросли в десять раз. Если б не рынок, полгорода погибло бы от голода. Уже в пять часов утра на базаре стоят кучки баб из соседних сел, предлагают мукачевцам молоко, яйца, сыр, сало, сливки и другие продукты сельского хозяйства. Цены ломают такие, что верить не хочется. Где только совесть у людей?

В десять часов начинается самый живой товарообмен. Голодные жители города меняют платья, ботинки, костюмы и другие вещи на продукты питания.

Лейтенант пограничных войск говорит, что точно такие же рынки и в Советской России. „Особый вид

социалистической торговли” — добавляет он, двусмысленно улыбаясь.

Мне кажется, что лейтенант не любит советскую власть не потому, что она творит столько вопиющей несправедливости всем народам России, а потому, что ему „дали по шее”. Когда-то он работал в НКВД. За „небольшой срыв” его перевели в пограничные войска.

Впрочем, он точно такой же, как и тысячи других советских граждан: молчаливый, осторожный в суждениях, изворотливый.

Про жизнь в Советском Союзе рассказывает в светлых красках, но, судя по его голосу и хитрой улыбке, нетрудно догадаться, что он говорит неправду. Он даже не требует, чтобы ему верили.

*

Вечером пришел ко мне Никита М. Его хмурый вид, ненависть в глазах и нервные движения сразу удивили меня.

— В чем дело?

Никита стал ругаться самыми постыдными словами.

— Ты пойми меня, чёрт их возьми... Эх, почему я, дурак, не остался дома!.. Изнасиловали сестру. Отца чуть не пристрелили. Мать избили прикладами...

Никита сильно волновался.

— Я, подлец, тем временем развлекался... Слушай! Пойдем в эту их распроклятую Москву и закидаем бомбами и Сталина, и компартию, и...

— Да тише ты! Рядом живет лейтенант пограничных войск.

— Чёрт с ними и с лейтенантом! Коля, пойми меня. Если бы ты знал, как мне больно. Стыд и срам на всю жизнь!..

Никита ожесточенно потряс сжатыми кулаками в воздухе.

— Это не дело, Никита. Прежде всего, в Москву ехать нельзя. Затем, тысячи людей, знающих кремлевские условия в сто раз лучше тебя, кончают застенками НКВД. Успокойся, обдумай создавшееся положение и, если у тебя не пройдет желание борьбы, — приходи ко мне. Тогда я с тобой кое о чем поговорю.

— Коля! Если бы ты знал, как я ждал русских, как любил их и как ненавижу их теперь.

— Ты не русский?

— ...Русский...

— Почему же ты говоришь глупости? Ненавидеть нужно большевиков. Миллионы же русских обижены ими сильнее, чем ты.

Разговор наш затянулся часа на два. Я успокаивал Никиту, как мог.

Месть — чувство слепое. Руководствуясь только местью, можно сложить голову за пустяк.

В советских условиях с большевиками может бороться только тот, у кого уменье везде и всегда владеть своими чувствами вошло в привычку. Только холодный ум, знающий до тонкости советскую действительность, может рассчитывать на успех. Иначе, рано или поздно, дело кончается в тюрьмах НКВД. Точно так же может кончиться и Никита.

Во вторник в 7 часов вечера, ко мне в комнату вошел среднего роста подполковник. Его строгое лицо, надменные, словно продуманные, движения и пристальный взгляд немного смутили меня. Где-то я его уже видел. Вспомнил. Это тот самый подполковник, который ведет пропаганду о добровольном вступлении в Красную армию. Интересно, зачем он пришел ко мне?

В дверях стоял высокий белобрысый капитан. В коридоре у стены мялись два бойца с автоматами.

— Вы будете... — и полковник назвал мою фамилию. — Одевайтесь. Пойдемте с нами.

Началось?! Глупости. Это не НКВД. Здесь что-то другое. Я вспомнил слова Андрея Горняка о загадочных военных. Возможно, что и эти... Неужели так быстро докопались до меня. Ну, да мог же быть и случайный срыв.

Бойцы шли в двух шагах за мной.

Не доходя до здания городского управления, подполковник остановился и приказал капитану „припрятать” меня.

Бойцы завели меня в темный погреб, закрыли двери и ушли.

В темноте я не мог ничего разобрать. Судя по тишине, в погребе, кроме меня, никого не было. Я нащупал какие-то доски и, чтобы ни о чем не думать, лег на них с твердым намерением уснуть.

Проснулся я ночью от сырого холода. Фосфорная стрелка моих часов показывала три часа ночи. Пожалел, что не курю, что нет при мне спичек.

Время шло мучительно медленно. Я нажал на дверь.

— Чего? — послышался сердитый голос из-за двери.

Погреб оказался небольшим. Всего пять шагов в длину и четыре в ширину. Кроме досок, сложенных в правом углу, в нем ничего не было.

Я несколько раз пытался уснуть, но мне это не удавалось.

Завтрака мне не принесли. Я ждал, что хоть в обед откроется дверь. Напрасно. Обед мне тоже не дали.

В шесть часов вечера я начал стучать в дверь.

— В морду хошь? — спросил кто-то с той стороны двери грубым, немного сиплым басом.

Я лег на доски, стараясь ни о чем не думать. Усталость, сырость, холод, грязь — все ерунда. Спать надо.

Следующий день прошел еще более мучительно. Голод давал чувствовать себя все настойчивее. Неужели меня хотят замучить голодом?

Я снова начал стучать в дверь.

— Молчи!

Я не переставал стучать.

— Перестань стучать, не то... — и пятиэтажная брань обрушилась на меня.

Не оставалось ничего другого, как залечь на доски и уснуть.

На следующий день, в 8 часов утра, дверь открылась, и веснушчатый солдат повел меня к капитану.

— Садитесь! — проговорил тот самый капитан, который приходил за мной с подполковником. На его лице играла лукавая улыбка. Умеем, мол, укрощать зазнавшихся.

— Кушать хотите?

— Да.

— Успеете! Сначала потолкуем.

С нетерпением я ждал его вопросов, надеясь выяснить, с какой стороны мне угрожает опасность.

— На вас поступила жалоба, что вы ведете пропаганду против вступления добровольцев в Красную Армию.

— Это неправда.

— Нам лучше знать... Так вот, или вы своим примером покажете путь всем вашим друзьям и знакомым, или мы тебя, мать твою так трижды растак...

Откуда только в нем столько злобы и такой отборной ругани? Вылив всю свою ненависть и к изменникам, и к трусам, и к вредителям, капитан твердо добавил:

— Для таких, как ты, у нас в Сибири места много.

Я понял: несмотря на все, положение мое неважно. В последнее время дело с вербовкой добровольцев обстояло плохо. Никто не шел в Красную армию. Неудачные пропагандисты — и подполковник, и капитан, — решили прибегнуть к хитрости. Выбрали человека с широким кругом знакомых, с известным авторитетом среди мукачевской молодежи и заставят его поступить добровольцем, в надежде, что его пример послужит сигналом к массовому вступлению в Красную армию.

Жаль, что этим человеком оказался я.

— Хорошо! Я согласен с вашим предложением.

Капитан ликовал. Затея удалась.

— Но ради этого не стоило мучить меня голодом.

— Так-то оно вернее...

Судьба явно начинает вмешиваться в мои дела. Это мне не нравится. Армия — не поле моей деятельности. У меня иного рода задание. Нужно связаться с В. и принять конкретное решение. Я мог бы „поте-

ряться”, но и это не выход из положения. Мне нужно быть, с точки зрения большевиков, незапятнанным и надежным человеком.

24 декабря

Прохожу курс военной подготовки в запасном полку в Сваляве. Чувствую себя неважно. В пять часов подъем, потом все остальное. Самое тяжелое — это учеба в поле. Везде холодная грязь. Развертывание, ползание на животе, стрельба из винтовки, бросание гранат — „удовольствие ниже среднего”, как говорит сержант Ленька. Одеди меня — насмех! Ботинки — на медвежью лапу. Фуфайка — на богатыря былинных времен. Точно такая же шинель. Впрочем, у шинели моей есть одно нехорошее свойство — кусаться. Нельзя повернуть голову, просто режет.

Ленька — бравый сержант. Он задает тон всей роте. Ругается после каждого слова. Я уверен, если бы ему пришлось когда-нибудь разговаривать со Сталиным, то говорил бы он, примерно, так: „Товарищ Сталин, мать твою растак! Я жизнь готов отдать за Советскую родину, мать ее трижды поперек”.

У Леньки сапоги подвернутые, шапка на затылке. Это модно в Красной армии.

Со мной Ленька разговаривает вежливо. „Ты заграничный инженер. Понимаешь толк в жизни”, — такими словами он всегда начинает наш разговор.

Роту, в которой я числюсь, он называет „сбродной”. В ней 40 русинов, 10 венгров, 5 галичан, остальные русские и украинцы.

Ленька не любит говорить на политические темы. Вчера посоветовал и мне раз навсегда бросить это

дело, не то... „у нас строго на этот счет. Донесут — мать родную больше никогда не увидишь”. Он, конечно, прав. Вместо солдата думает компартия и „мудрый Сталин”.

„Великий вождь” учел опыт разложения царской армии. Ему известны все слабые стороны русского солдата. Сеть шпионов, доносы, беспощадная расправа с мудрствующими — все это создано для ограждения красноармейца от возможной пропаганды со стороны враждебных большевикам элементов.

О чем может говорить Ленька в таких условиях? О бабах и о водке. Буйная фантазия доводит его до пределов нахальства и изворотливости.

В бабах он знаток. С какими только он ни имел дела! И со своими медичками, и с польскими шляхтичками, и с гуцулками. Разве всех припомнишь? А сколько их еще будет впереди?

„Берегись, Европа”, часто говорит Ленька и плутовато улыбается.

1945

1 января

Вчера мы встречали Новый Год. Никаких тостов не было. Шло умопомрачительное пьянство.

Ленька напился до чертиков и всю ночь проспал на дворе. Проснувшись, начал опохмеляться. Это дело затянется у него, по меньшей мере, на два дня.

Мне жутко. Кругом нет ни одного трезвого человека.

Офицеры до сих пор не возвратились из города. Загуляли по-настоящему, с „бабами”.

Больше всего меня убивает собственное бездействие. Я не нашел ни одного человека, с которым можно начать серьезные разговоры. На кой черт я только согласился на предложение капитана? В Мукачеве или Ужгороде я мог бы сделать много. Здесь же, в этом царстве пьяных, чего доброго, сам загуляю и пойду с Ленькой баб ловить.

Глупости. Баб ловить я, конечно, не пойду. Но на себя все же сержусь.

Настоящий революционер должен уметь бороться в любых условиях. Я, к сожалению, не настоящий революционер, ибо в данных условиях не нахожу никакой возможности борьбы. Единственно, что я могу делать, это приобретать себе друзей.

15 января

В 6 часов вечера наша „сбродная” рота возвратилась в „казармы”. Командир приказал не расходиться. „Приехало начальство” — передавали друг другу уставшие люди. Начало смеркаться, а начальство все не появлялось.

Но вот, во двор вкатил „виллис”.

— Смирно!

Наступило гробовое молчание. Из „виллиса” вышел высокого роста майор. Он медленно подошел к командиру роты и поздоровался с ним.

Я позавидовал майору. Настоящий боевой офицер. Выправка, походка, движения — все говорило в его пользу.

— Кто из вас владеет иностранными языками — три шага вперед, шагом марш!

Большая половина роты сделала три шага вперед. Командир роты смутился.

— Нет, нет! Только те, кто хорошо владеют русским языком.

Владеющих и русским и иностранными языками оказалось немного, всего пять человек, в том числе и я.

Майор подходил поочередно к каждому из нас и спрашивал национальность, социальное положение

родителей, профессию и знания иностранных языков.

Подошла моя очередь. Майор пристально оглядел меня с ног до головы, потом заглянул в глаза и еще раз оглядел. Мне стало противно. Не лошадь же я, чтобы меня так осматривать, хорошо еще, что не заставил рот открыть и показать зубы.

— Какими языками владеете?

— Русским, украинским, венгерским, чешским и немецким. Понимаю по-французски и по-румынски.

— Вы из Закарпатской Украины?

— Есть, товарищ майор, из Закарпатской Украины.

— Кто ваши родители?

— Крестьяне.

— Ваша профессия?

— Инженер.

Майор не сводил с меня пристального взгляда. Красивый человек этот майор. Правильные черты лица, волевой подбородок, тонкие губы, большие умные глаза, высокий лоб. Если бы не этот неприятный холодок в глазах и не эта надменность, — я был бы в восторге от майора. Но почему он подчеркивает всеми своими движениями свое превосходство, — „я, мол, особая статья, не то что вы, простые смертные”.

— Так. Этого возьму, — проговорил майор, обращаясь к командиру роты. — Завтра в десять утра приеду за ним.

Ленька недоволен моим уходом. Говорит, превращусь в „штабную крысу”. Предлагает распить бутылку водки.

— Кто его знает, увидимся ли еще когда-нибудь?

— Увидимся, Леня! Дорог в жизни не так много, как кажется.

Загадочный майор не выходил у меня из головы. Завтра узнаю и кто он такой, и куда меня увезет. Главное, что кончилась моя учеба и ползание по грязи.

Работа переводчика в армии не может не быть интересной. Попаду в какой-нибудь штаб, познакомлюсь поближе с советскими генералами. Они-то, наверное, думают не о бабах и водке, как Леняка! Их отношение к Сталину, к войне, к советской действительности может играть в будущем решающую роль.

21 января

Во вторник 16 января „виллис“, в котором мы ехали, остановился у небольшого домика на городской площади.

Я вошел в небольшую комнату и удивился, — полно знакомых: Мефодий, Ева, Соня и другие.

Начались расспросы: откуда, куда, почему?

Оказалось, что никто ничего не знает.

Через два часа майор вызвал меня в соседнюю комнату.

— Садитесь и пишите свою автобиографию.

Я коротко изложил на бумаге, где и когда я родился, где и когда учился. Не забыл приписать о своем участии в партизанском движении.

Майору не понравилась моя лаконичность, и он заставил меня писать еще раз, более подробно.

— Кто ваши родители, братья, куда вы ездили, с кем из ваших карпатских политиков встречались, в

какой партии числились или косвенно принимали участие?

Я и раньше догадывался, что попал в серьезное учреждение. Чрезвычайное же любопытство майора окончательно убедило меня в этом. Не что иное, как НКВД.

Вторая моя биография успокоила майора. Он развернул перед собой специальную карту генерального штаба и, отыскав село, в котором я родился, заставил меня перечислить все соседние села. Убедившись, что не обманываю, он подал мне какую-то бумагу с венгерским текстом.

В бумаге говорилось: „Я, житель села Росвигова, подтверждаю, что у коммуниста Варги каждую среду и субботу происходят собрания...”.

— Эта бумага из Кеймелгаритов, — проговорил майор. При этом он посмотрел на меня так пристально, словно хотел проникнуть в сокровеннейшие уголки моей души. — Доносчик был расстрелян...

Но я был уже равнодушен, так как майор перестал смотреть на меня и с видом удовлетворенности зашагал по комнате.

— Идите вот в ту комнату. Капитан даст вам анкеты.

Началась канитель с анкетами. Каких только вопросов в них не было! Я благодарил судьбу за то, что родился в семье крестьянина и что никаких выдающихся людей между моими родственниками не было.

В 12 часов ночи меня и еще пятерых, прошедших все испытания, посадили в открытый „газик”.

— Куда едем? — спросила Ева.

— Не знаю.

„Газик” миновал Мукачево и выбрался на ужгородское шоссе. Кругом непроглядная ночь. Сырой ветер пронизывает до костей.

Ева прижалась ко мне. Чувство отвращения пробежало по всему моему телу. Про Еву ходили в Мукачево нехорошие слухи. На вид она некрасивая: веснушчатое лицо, глупые глаза, курносая, чувственные губы. Какие побуждения заставили ее записаться в переводчицы? Скорее всего — жажда новых впечатлений. В армии много интересных мужчин и спрос на женщин большой.

Другое дело — Соня! Она хорошенькая, милая, скромная. Тяжело будет ей переносить солдатскую грубость.

*

Утром, в десять часов, майор собрал нас и отвел в левое крыло здания. По всем коридорам шныряли, как муравьи в муравейнике, щегольски одетые капитаны, майоры и подполковники. Все они с подозрением смотрели на нас, но никто с нами не заговаривал.

— Войдите, — обратился ко мне майор.

Я вошел в большое помещение. На паркете — персидские ковры, по сторонам — красивые шкафы для бумаг и картотек. В правом углу — массивный письменный стол.

В кожаном кресле за столом сидел полковник. Проворный следователь из уголовного розыска описал бы его так: среднего роста, полный, лицо круглое, бритая голова, серые глаза, правильной формы

нос, косматые черные брови, бычья шея. Особых примет нет.

Я не следователь из уголовного розыска, и полковник произвел на меня иное впечатление. Строгие, холодные глаза, непреклонная воля и решимость во всей фигуре, быстрые движения и уверенность в себе.

Одет он был, в сравнении с офицерами, которых я видел в запасном полку, более чем хорошо. Китель, с красной окантовкой пехоты, галифе, начищенные до блеска хромовые сапоги — все было первосортного качества и пригнано по фигуре.

На стуле, перед письменным столом, сидел смуглый капитан.

— Товарищ капитан, проверьте его немецкий язык.

Голос полковника звучал твердо. Он врезался в мое сознание, как холодная сталь.

Капитан спросил меня, где я учился немецкому языку. Акцент у него был чисто русский. Убедившись, что я свободно говорю по-немецки, полковник поднялся из кресла и устремил на меня свои холодные глаза.

— В Кеймелгарито не работали?

— Нет.

Мне показалось, что он действительно читает мои мысли, так сосредоточенно смотрел он на меня. В Кеймелгарито я и в самом деле никогда не работал и потому ответил спокойно.

— Впрочем, мы узнаем... Вы, наверно, не подозреваете, в какое учреждение попали?

— Нет.

— В управление контрразведки СМЕРШ Четвертого Украинского фронта.

Произнося эти слова, полковник следил за выражением моего лица. Он, видимо, думал, что чрезвычайно удивит меня. Я же остался спокоен. Хотел было сначала удивиться, но вовремя раздумал, — чего доброго, подумает, что мне раньше было известно про СМЕРШ.

— Запомните, что СМЕРШ значит — смерть шпионам!

В последние слова полковник вложил всю силу своей огромной воли. Я не только понял, — я ощутил это всеми фибрами души.

*

Майор заставил меня подписать в трех экземплярах бумагу, примерно такого содержания: „Обещаю, что нигде и никогда, даже под угрозой смертной казни, о работе своей в Управлении контрразведки СМЕРШ Четвертого Украинского фронта говорить не буду. Мне известно, что в противном случае я подвергнусь строгому взысканию вплоть до высшей меры наказания — расстрела”.

— Если вы убежите от нас в какое-либо иностранное государство, одна из этих бумаг с вашей подписью будет доставлена контрразведке приютившего вас государства. Этого будет достаточно, чтобы вас там пустили в расход...

Я поблагодарил майора за отеческое предостережение. В душе я с нетерпением ждал конца всем этим запугиваниям, но, увы, пришлось пройти еще одно испытание.

Фотограф, безобразнейший сержант с глазами уловника, снял меня в профиль. Огромной лапи-

щей он поворачивал мою голову то справа налево, то слева направо. Я начал злиться. Что же это такое, наконец?

Отдел кадров определил меня на должность переводчика в третье отделение второго отдела.

Товарищ Колышкин, заведующий складами коммандатуры, выдал мне офицерское обмундирование.

Майор Гречин, начальник 3-го отделения, плотный мужчина средних лет, с круглым веснушчатым лицом, с маленькими припухшими глазками и подозрительной улыбкой уголками губ, прочитал мне наставления.

— Никуда без моего ведома не отлучайтесь. С гражданским населением не связывайтесь. Строго предупреждаю вас относительно женщин (при этих словах майор хитро подмигнул). У нас в Управлении их много. Можете с ними возиться, но ни в коем случае не входите в сношения с местными.

Я внимательно слушал майора. Он говорил официальным тоном, что означало — беспрекословное повиновение и безоговорочное выполнение.

Вдруг майор перешел на приятельский тон.

— У нас народ грубый, дерзкий и бессердечный. Таким должны быть и вы. Если вас кто-нибудь обидит, не ходите ко мне с жалобами, рассчитывайтесь сами на месте с обидчиком. Следите за собой. Нянек у нас нет, ухаживать за вами некому. Стирку белья, починку и прочее — обеспечивайте себе сами.

У меня закружилась голова от всех этих наставлений. Я ждал с нетерпением ухода майора. Куда там! Майор засыпал меня десятками вопросов относительно моего прошлого. Я отвечал вяло и скупо.

Майор, должно быть, хороший следователь. Я с трудом прошел ряд его перекрестных вопросов.

Лишь в 10 часов вечера майор ушел из моей комнаты. Я долго не мог успокоиться. Как быть? Что делать? Квартира В. недалеко отсюда. Надо обязательно посоветоваться с ним, пока не поздно...

Приняв все меры предосторожности, я вышел из здания суда. К моему счастью, В. был дома.

Мы разговаривали недолго. В контрразведке надо остаться. Таково решение В.

Игра с огнем. Но разве до сих пор вся моя жизнь не была той же игрой? Как вести себя в контрразведке? Лучше всего будет, если я буду вести себя естественно, скажем, так, как вел бы себя на моем месте обыкновенный мукачевский мещанин. Нельзя быть слишком скромным в расспросах. Это вызовет подозрение у начальства. Но и чрезмерная любознательность вредна. Постепенно я узнаю все, что меня интересует.

22 января

Распорядок дня в Управлении таков: в 8 часов завтрак. С 8-ми до 12-ти рабочее время. С 12-ти до 3-х обед и „основное время отдыха”. С 3-х до 10 вечера рабочее время. В 10 часов ужин. После ужина — до часу ночи — опять рабочее время.

Майор Гречин говорил, что работы в Управлении очень много.

— Иногда работаем и целую ночь напролет.

В 8 часов утра я отправляюсь в столовую.

В большом помещении стояли длинные ряды столов, покрытых скатертями. На столах в мисках гор-

ки нарезанного „белого” хлеба. (В запасном полку хлеб был гораздо темнее.) Сотни чекистов молча приходили, завтракали и уходили. Странные люди эти чекисты. У всех мрачное настроение и усталость на лицах. Я нарочно долго не уходил из столовой, пытаюсь найти кого-нибудь с радостными или хотя бы не гневными глазами. К большому моему удивлению, ни одного такого человека не нашлось.

Маша, запуганная некрасивая девушка, спросила — сыт ли я?

— Еще бы!

— У-у на-а-с кормят хорошо. Завтрак всегда из четырех или пяти блюд. Голодать не-е-е будете.

Маша временами заикалась. Должно быть, последствия какой-нибудь тяжелой болезни или контузии.

Капитан Потапов вошел ко мне с папкой в руках.

— Переведите вот эти бумаги на русский язык.

Я улыбнулся.

— Неужели приходится переводить и на какой-нибудь иной язык?

— Разумеется.

Капитан Потапов картавил: вместо „разумеется” у него вышло „газумеется”.

— Что же это за бумаги?

— Последние распоряжения местным ячейкам Глинковой Гарды и списки ее членов.

Капитан Потапов (тот самый, который проверял мое знание немецкого языка перед полковником Дубровским, заместителем начальника) ушел.

Оставшись наедине, я принялся перелистывать бумаги. Почти на каждом листе стояло красным карандашом: „Строго секретно”, Полный список членов Глинковой Гарды Сабиновского округа.

СМЕРШ работает неплохо. Меня удивляет только одно: почему смершевцы интересуются не только вражеской разведкой, но и этими простыми крестьянами, которых злосчастная судьба заставила поступить в Глинкову Гарду. Впрочем, здесь нечему удивляться. Советская система не терпит никаких других идеологий. Она признает только себя — как незыблемо правдивую. Она построена на том же принципе, что и религия — „Да не будет тебе иного Бога, кроме Меня”. Разница только в том, что служители Церкви привлекают верующих силой божественной правды, тогда как служители советской системы, чекисты, заставляют людей верить в абсолютную правдивость социализма и коммунизма, не гнушаясь никакими средствами принуждения.

Компартия, проповедница советской системы, давно пришла к заключению, что социализм и коммунизм не обладают силой абсолютной правды, как Церковь, и потому компартии нужны были иные проповедники. Это чекисты во всех своих видах. Смершевцы — чекисты высшей марки. Их назначение — выкорчевать ту Европу, которая мыслит иначе, не признает советской системы. Притом, выкорчевать так, чтобы не осталось ни одного инакомыслящего очага.

Сабиновский крестьянин, не понимающий ни Глинковой идеологии, ни идеологии советской системы, — враг по многим причинам. Прежде всего, он был организованным противником коммунизма и мог бороться против Советского Союза. Но уничтожить его надо не только из-за того, что он враг, а и для того, чтобы окружающие видели смерть его и чтобы в умах их не зародилось отрицание советской системы и желание бороться с ней.

Иегова — грозный Бог, но Его никто не видел и никто не испытал непосредственно гнев Его.

Сталин — тоже грозный бог. Его многие видели. Гнев же его испытывает вся Россия уже десятки лет. Испытает и Европа. Десятки тысяч смершевцев тому порукой. Они рыщут, как волки, по занятой Красной армией территории и выкорчевывают свободолюбивую, непокорную духом Европу. И где они пройдут, там не останется ни одного очага свободной мысли, — будут только рабы советской системы.

Мне жутко. И я оказался в среде тех, которые превращают мир в рабов. Однако это не совсем так. Пока еще моя совесть чиста. Я постараюсь сохранить ее чистой и в будущем.

Египетские жрецы сообщали свое умение владеть массами только посвященным.

Сталин точно так же скрывает от мира свое умение владеть массами.

Постараюсь постигнуть это пресловутое сталинское умение. Оно, наверное, „мудрое“, — в противном случае Сталин не получал бы на выборах 100% голосов.

23 января

Вчера вечером я наблюдал интересный бой. Обстрелянный, овеванный ветром и пропитанный порохом дымом боец боролся не на жизнь, а на смерть с капитаном смершевцем.

— Мать твою так... — ругался боец, сжимая капитану горло. — Ты только кровь умеешь чужую пить... тыловая крыса...

Капитан отчаянно пытался вырваться из крепких рук бойца. Подоспели смершевцы и разняли борющихся.

Сколько презрения и злобы было в глазах бойца! Бедняга, должно быть, чем-то сильно обижен, если решился на этот смелый поступок. Не мог он не знать, что его ожидает. Смершевцы в таких делах действуют решительно. Не успел убежать, попался, — расплачивайся жизнью.

24 января

У выхода из столовой меня поджидала Соня.

— Я хотела бы с вами поговорить, — краснея обратилась она ко мне.

— В чем дело, Соня?

— Я не знаю, как приступить... — Соня волновалась и говорила несвязно.

— Пойдем ко мне, поговорим, — предложил я. Соня явно хотела сообщить мне что-то серьезное, и я не счел удобным разговаривать с ней на улице.

На столе моем лежали папки со строго секретными документами и пачки румынских папирос. Соня попросила разрешения закурить.

— В чем дело, Соня?

Она не сразу ответила. Волнение ее все усиливалось.

— Если бы вы знали, как мне неловко... Я может лучше поговорю с вами в другой раз.

— Как вам будет угодно. Однако со мной можете быть откровенной. Если я вам не смогу помочь, то, во всяком случае, и не поврежу.

— Вы такой неприступный...

— Это только на вид, Соня.

— Нет, нет. Я лучше поговорю с вами завтра.

Тем не менее, Соня не уходила. Она неумело выпускала изо рта струйки табачного дыма, задыхалась и кашляла.

— Вы могли бы мне помочь?

— С большим удовольствием, если это будет в моих силах.

— Дело в том... Нет, не могу...

Я покачал головой.

Соня отвернулась от меня и, глядя упорно в окно, сбивчиво заговорила.

— Офицеры преследуют меня на каждом шагу. Я чувствую, что не устою... Если бы вы согласились, так, только для вида, ухаживать за мной, они, наверно, перестали бы преследовать меня.

Так вот что так сильно волновало Соню. Что же? Услуга небольшая. Соня говорила искренне, в этом я был уверен. Не помочь одинокой, воспитанной в иных условиях, девушке — было бы преступлением.

— Попробую, Соня, — согласился я охотно.

Соня радостно поблагодарила меня и поспешно ушла.

Интересно, что получится из моего ухаживания? Как будет вести себя Соня? Работа в контрразведке не может не повлиять на нее. Выдержит ли она? Мефодий — крепкий парень, и то жаловался мне вчера на чрезмерную жестокость следователей.

Только беспринципная Ева не унывает. Успела уже обзавестись поклонниками. Я наблюдал за ней, во время обеда, — улыбается, шутит, громко смеется. Смершевцы по-дружески здороваются с нею.

Завтра управление переезжает в другое место. Куда — никому не известно. Строгая тайна.

Управление заняло половину Сабинова. Жители ругаются. Их выгнали из домов. Я живу в хорошей комнатке возле суда. Рядом со мной живут капитан Потапов, Виктор Михайлович, и майор Гречин, Георгий Лукьянович.

Вчера я познакомился с Галей. Интересная девушка. Она — старший следователь в четвертом следственном отделе. Красавица — стройная, золотые волосы, большие голубые глаза, тонкие губы, прелестные ножки, грудь...

Автобус, в котором мы ехали, часто портился. Галя ругалась на чем свет стоит. Пожалуй, сержант Ленька из запасного полка мог бы у нее поучиться.

Меня это удивило. С одной стороны — красивая девушка, с другой — грубый солдат: после каждого третьего слова следует матерная брань. Порою Галя нервно подергивала головой.

— Если еще раз у тебя заглохнет мотор, — сказала она шоферу сердито, — я тебе зубы выбью...

Шофер нахмурился, но промолчал. На меня эти слова Гали подействовали удручающе.

— Неужели у вас хватит на это силы? — спросил я.

Галя сидела рядом со мной, и мне было удобно разговаривать с ней.

Вместо ответа Галя зло посмотрела на меня и крепко сжала губы. Я улыбнулся. Да и как было не улыбнуться? Что могла сделать верзиле-шоферу она, эта стройная и красивая девушка?

— Вы меня еще не знаете, — сухо бросила Галя и закрыла глаза.

Густые ресницы, румяные щеки, вся ее очаровательная внешность как-то не совмещалась с ее поведением и словами.

— Я не стремлюсь к этому, — так же сухо произнес я.

Галя нервно дернула головой и открыла глаза. Она хотела что-то сказать, но воздержалась.

Сегодня утром, во время завтрака, капитан Потапов сказал мне, что Галя — самый жестокий следователь во всем четвертом отделе. Нужно будет поближе познакомиться с ней и выяснить причины, доведшие ее до такой жестокости.

27 января

Майор Гречин направил меня к капитану Шварцу в четвертый отдел. В здании суда, на втором этаже, в небольшой комнате, за письменным столом сидел капитан Шварц.

— Садитесь, товарищ переводчик, — обратился ко мне капитан Шварц. — Дежурный! — крикнул он, — приведи ко мне словака.

Капитан Шварц весьма похож на мясника: грузная фигура, толстое лицо, усталые глаза, грубый бас.

В руках Шварца — резиновая нагайка.

Дежурный открыл дверь и впихнул человекоподобное существо. Это был „словак” — лет 16-ти, грязный, худой, с безжизненными глазами, в лохмотьях и дырявых сапогах. От него несло неприятной смесью пота и грязи. Словак, заметив грозный вид капитана, начал дрожать.

— Садись.

Словак, дрожа всем телом, сел на стул и опустил голову.

Нет таких писателей в мире, которые, хотя с приблизительной точностью, могли передать словами то, что я видел во время этого допроса.

Капитан бил этого несчастного юношу с таким остервенением, словно хотел убить его.

Словак побледнел, посинел и свернулся в комок, поминутно вздрагивая всем телом.

Вдруг он бросился на колени перед капитаном и со слезами на глазах начал просить пощады.

Я многое видел в жизни, побывав в шести гестаповских тюрьмах, но такого унижения человека перед человеком, как это было в комнате у капитана Шварца, ни разу не довелось мне видеть: словак целовал сапоги у капитана, умолял, плакал.

Но на лице капитана не было ни тени сострадания.

— Встань, мать твою так... и отвечай мне на вопросы, — ревел Шварц. — Я тебя, сукина сына, проучу, ты у меня...

Словак все еще не вставал. Он не терял надежды умиловить капитана. Новые удары нагайкой и сапогами — и словак очнулся. Он с трудом поднялся и сел на стул.

„Сумасшедший”, — подумал я. Безумные глаза словака блуждали по комнате, но он ничего не видел.

— Пить... — простонал он и свалился со стула, потеряв сознание.

Шварц позвал дежурного и приказал убрать словака.

— Черт с ним! Все, что знал, уже сказал. Завтра расстреляем.

При последнем слове капитан Шварц вяло зевнул.

Я поспешил уйти. Мольбы словака глубоко потрясли меня.

Хорошо, что я не в следственном отделе.

Господи, помоги мне перенести все ужасы человеческого мракобесия! Дай мне силы устоять в этом омуте смерти не запятнанным кровью!

28 января

Управление контрразведки СМЕРШ делится на пять отделов.

Первый отдел непосредственно прикреплен к фронту. Главная задача его — зорко следить за политическим состоянием Красной армии. Нет такой роты, в которой не было бы смершевцев или их агентов. Первый отдел, как огромный паук, окутал весь Четвертый Украинский фронт сетью агентов, доносов и недоверия.

Грабить и убивать гражданское население красноармейцам разрешается. Истеричный Эренбург открыто натравливает на него Красную армию. До тошноты противно читать его статьи, где ничего, кроме „убей” и „убей”, — не увидишь.

Но попробуй кто-нибудь из бойцов или офицеров Красной армии сказать хотя слово против советского правительства, компартии или коммунизма, — в тот же день смершевцы его уберут, как „заразного больного”.

Второй отдел Управления называется оперативным. Начальник — подполковник Шабалин, заместитель — подполковник Душник.

Лишь только Красная армия займет какой-нибудь город или местечко, смершевцы налетают туда оперативными группами.

Они арестовывают всех организованных противников советской системы. Под этим понятием разумеются все видные члены всех отрицающих коммунизм партий. Здесь и венгерская „Нилош Парт“, и словацкая Глинкова Гарда, и немецкая национал-социалистская партия, и польская „Армия Крайова“.

Арестовывают смершевцы и актив всех демократических партий.

Не доверяют они и заграничным коммунистическим партиям.

Непримиримые враги смершевцев — русские эмигранты. С ними у смершевцев старые счеты.

Я хорошо знаю настроения русской эмиграции. Большинство эмигрантов относилось в последнее время благосклонно к Советскому Союзу. „Сталин спас Россию“, — говорили эти слабые духом.

Они не знают, что их ожидает. Десятки тысяч смершевцев, как коршуны, налетят на эту смирившуюся эмиграцию и разгромят ее до основания.

Верные хранители советской системы — смершевцы — не знают ни милости, ни пощады. Можно тысячу раз раскаяться самым искренним образом — смерть неизбежна. Это принцип смершевцев. Они не в состоянии поверить человеку.

Каждый, на ком лежит тень подозрения, кто уже раз провинился перед Советским Союзом, — должен умереть.

Русские эмигранты, примирившиеся со Сталиным, тоже узнают это, но, увы, узнают поздно. Где-нибудь в Колымских лагерях не один из них проклянет тот день, когда его мать на свет родила.

Третий отдел управления — секретный, держит непосредственную связь с Главным Управлением контрразведки СМЕРШ, находящимся постоянно в Москве.

Днем и ночью летят строго секретные сообщения генерал-полковнику тов. Абакумову, начальнику Главного Управления.

Представляю, какое это гигантское учреждение. В него стекаются все сведения от всех управлений фронтов, от управлений при военных округах и от заграничных центров шпионажа дальнего расстояния.

Оно дает координирующие указания управлениям фронтов, управлениям при военных округах и заграничным центрам шпионажа дальнего расстояния.

В один прекрасный день может прийти из Москвы список, в котором будет и моя фамилия. Что скажет генерал Ковальчук, наш начальник? Что будет со мной? Ерунда, — чему быть, того не миновать. Лучше об этом не думать.

Однако, учреждение Абакумова — что-то неслыханное. Оно окутало весь мир. Сколько интересных данных там сосредоточено! Вот куда бы мне следовало попасть. Если рисковать, — так не зря!

Четвертый отдел нашего Управления — следственный. В нем выжимают из людей „последние соки”.

Майор Гречин говорит, что в некоторых случаях допрашивают человека до трех месяцев.

Смершевцы довели мастерство допросов до предельной возможности. Мне часто приходилось слышать такую мысль: „нет человека, который, будучи виновным и располагая ценными сведениями, не сознался бы в своей вине и не сообщил эти данные”.

Еще бы! Если допрашивать человека подряд три месяца и днем и ночью, притом избивать его самым беспощадным образом, — не устоит.

Пятый отдел — прокуратура или, иными словами, знаменитые „тройки воентрибунала”. На основании материалов из четвертого отдела, военные трибуналы выносят приговоры.

О том, какими принципами руководствуются „судьи”, пока не знаю. Думаю, что в скором времени узнаю от Мефодия.

Отдел кадров — начальник его подполковник Горышев — следит за самими смершевцами.

Финансовый отдел выплачивает жалованье. Я получаю 1 500 рублей в месяц (кроме продовольствия, обмундирования, папирос и всего прочего).

Пока мне смершевцы верят и охотно посвящают во все отрасли работы.

Капитан Шибайлов пригласил меня на собрание партийной ячейки. Пойду непременно. Нужно выяснить очень многое.

29 января

Кошицы. Здание суда. Работаю в оперативной группе майора Попова. Работы очень много. Капитан Шибайлов „громит” чиновников кошицкой почты. Ему нужно выявить всех, кому приходили секретные телеграммы.

Для верности капитан обзавелся „агентурой”, т. е. людьми, которые, под угрозой строжайших взысканий, должны доносить ему о всех чиновниках, во время господства Венгрии выступавших активно против Советского Союза. В Кошицах нахо-

дился когда-то венгерский 8-ой годтешт (штаб 8-й Армии), отдел кеймелгаритов имел здесь свои специальные школы. Оперативная группа майора Попова пришла на помощь отделу Армейской контрразведки, чтобы сообща выловить всех „венгерских шпионов”.

Днем и ночью в здании суда кипит „работа”. По коридорам стоят часовые. В комнатах идут допросы сотен людей. Плач, крики, стоны, мольбы, словом, — невиданная мясорубка.

Капитан Миллер рассказывал во время обеда о своих похождениях. Он был сброшен с группой смершевцев, специально засланных Главным Управлением под командой полковника Белова, в глубокий немецкий тыл в Словакии. Отряд Белова не смел вступать в бой с немцами. Его задача была иного характера: связаться с центрами шпионажа дальнего расстояния в Братиславе и Праге.

Капитан „Саша” (не пожелавший сообщить мне своей фамилии) перебил Миллера и принялся рассказывать о том, как он ездил в Министерство внутренних дел Словакии.

— Представьте, в Братиславе полно немцев. В здание министерства не пускают словацкие полицейские. При мне был секретный пакет.

„Саша” говорил долго. Я слушал внимательно и приходил в ужас. Работники тисовских министерств — советские шпионы, в здании Министерства внутренних дел — явки...

В шесть часов вечера капитан Шибайлов начнет принимать донесения агентуры. Я буду присутствовать в качестве переводчика.

Через четверть часа иду с капитаном Шапиро на какую-то явку.

Завтра еду с капитаном Сикаленко ловить „красивую Елену”. Это венгерская шпионка, по сведениям, скрывающаяся в одном из сел южнее Кошице.

4 февраля

Сикаленко не поймал „красивой Елены”. На обратном пути он ругал начальство за неточные сведения.

— Жаль, не удалось поймать. Слушай, как характеризуют ее... — Сикаленко вынул из сумки лист бумаги и начал читать: — „Женщина исключительной красоты. Школу Абвера кончила в Прящеве. Проникла в штаб партизанского соединения...” — Сикаленко пропустил несколько строчек. — Это все ерунда... „Многочисленные знакомства...” Вот, тут интересно... „Графского происхождения”.

Сикаленко посмотрел на меня и подмигнул глазом.

— Понимаешь, графского происхождения...

Я простудился в дороге и весь дрожал от озноба. „Красивая Елена” меня не интересовала.

Теперь лежу в постели. Смершевцы ругаются, я им нужен до зареза.

Лучше быть больным, чем бегать весь день по городу, а ночью допрашивать арестованных.

Вечером придет ко мне капитан Шибайлов. У него есть какие-то срочные документы, которые надо, во что бы то ни стало, перевести на русский язык еще сегодня.

10 февраля

Капитан Шибайлов допрашивал „героя Венгрии”. Это чиновник кошицкой почты, побывавший в 1942 году на восточном фронте и получивший за смелость в боях золотую медаль.

В одной венгерской газете, издаваемой в Кошицах, какой-то патриотически настроенный редактор поместил коротенькую статейку под заглавием „Малые люди — великие герои”. В ней говорилось о неслыханной смелости простого чиновника кошицкой почты.

Агентура донесла Шибайлову и об этом чиновнике, и о газетной статейке, которую чиновник носит при себе в бумажнике.

Шибайлов вчера вечером арестовал „героя”. До четырех часов утра длился предварительный допрос. Я присутствовал в качестве переводчика.

В 8 часов утра Шибайлов возобновил допрос.

Упрямый венгерец отрицал все, что было написано в газете.

В десять часов утра на „героя” пришел посмотреть генерал Ковальчук. Шибайлов четко доложил генералу о состоянии допроса. Я смотрел на начальника Управления контрразведки СМЕРШ Четвертого Украинского фронта с большим любопытством.

Смершевцы рассказывают чудеса про его ум и влияние в высших чекистских кругах. И вот этот знаменитый Ковальчук, ликвидировавший восстание атамана Семенова в Сибири в годы гражданской войны, уничтожавший контрреволюцию в России при Дзержинском, Ежове и Берии, ни разу не бывший на подозрении у Сталина, на совести которого лежит убийство многих тысяч русских и дру-

гих национальностей людей, — стоял рядом со мной. Он пристально смотрел на „героя Венгрии”.

Ковальчук — среднего роста, стройный, со смеющимися, но пронизательными глазами, — чекистский генерал.

— Спросите его, — обратился он ко мне семейным тоном, — много ли в Венгрии героев.

— Не знаю, — сердито ответил допрашиваемый.

В глазах у генерала сверкнул холодный огонек. Меня охватила жуть. Вот его настоящая душа — холодная, решительная, беспощадная.

— Не возитесь с ним долго, товарищ капитан, — овладев собою, фамильярно заговорил генерал. — Он молодой, крепкий, 20 лет сибирских лагерей сломят его упрямство.

— Я слышал, что вы болеете, — обратился он затем ко мне. — Сходите в баню и крепко попарьтесь. Лучшее антигриппозное средство.

Глаза генерала смеялись. Должно быть, он уже успел забыть, что только что осудил человека на двадцать лет Сибири. Двадцать лет голодной и холодной жизни на каторжных работах в тайге!

Во имя чего может быть Ковальчук таким жестоким? Во имя идей, глубоко ошибочных по своей сути.

Ковальчук — идейный коммунист. Он не любит роскоши, не пьет, не курит, не связывается с женщинами, работает много, никогда не ложится спать раньше четырех часов утра.

В свое время инквизиторы были уверены, что, сжигая людей во имя Христа на кострах, оказывают Богу неоценимые услуги.

Человечество осудило инквизицию, как ложно понимаемое учение Христа. Христианские идеи

должны быть распространяемы среди людей проповедью, а не насилием и страхом.

Ковальчук служит идеям, придуманным зазнавшимися людьми. Он отверг Христа, но он уверен, что творит доброе дело для человечества, уничтожая десятки тысяч инакомыслящих людей во имя коммунизма.

Если бы он в это не верил, он захлебнулся бы проливаемой им кровью или сошел с ума. Только фанатическая вера в свою правоту дает ему силу переносить эту „работу” уже десятки лет, без угрызений совести и без мучительных переживаний убийцы.

Я глубоко верю, что со временем человечество осудит сталинское умение владеть людьми, зиждущееся на насилии, недоверии, страхе и миллионах убийств, осудит с еще большим возмущением, чем когда-то осудило инквизицию.

15 февраля

Капитан Шапиро, еврей по происхождению, не говорит ни слова по-еврейски. Он, бесспорно, умный человек. Кончил Институт иностранных языков в Харькове. Специальную школу контрразведки прошел при Главном Управлении в Москве.

Вчера вечером между нами произошел интересный разговор.

— Вы никогда не были в России?

— Нет.

Капитан Шапиро недоверчиво покачал головой.

— Странное дело!

— Почему?

— Если бы владели хорошо только русским языком, я бы не удивлялся. Но вам знаком и народный говор Смоленской области.

Я выдержал пристальный взгляд капитана.

— Вы, как знаток языков, должны понять меня...

— Пока не понимаю.

— Дело вот в чем. Много лет назад я решил стать карпаторусским писателем. Карпатская Русь или, как ее теперь называют, Закарпатская Украина, очень бедна литературой. У нас, в общем, нет литературы, как таковой. Чтобы вам было яснее, я скажу больше, — до сих пор у нас нет ни одного романа, написанного нашим местным писателем. Этот печальный факт меня огорчал...

— И вы задумали написать роман.

— Да! Но мне предстояли большие трудности. Я не владел ни русским, ни украинским языком настолько, чтобы справиться с задуманной работой. Местный говор не удовлетворял меня. Многочисленность иностранных слов, в особенности венгерских, отсутствие грамматики, ограниченный круг читателей, — все это заставило меня отбросить местный говор. После долгих обсуждений различных проблем, я остановился на русском языке. Пришлось начинать с азов. Пройдя грамматику, я принялся за чтение стихотворений, а впоследствии и за прозу. Семь лет сравнительно упорной работы, как видите, не остались без результата. Русские наречия мне знакомы потому, что в процессе работы я хотел выяснить, какой из русских говоров больше всего походит на наш карпаторусский. Хотите, я вам прочту несколько своих стихотворений?

— Нет, нет! У меня мало времени. Спешу на свидание. Замечательная словачка. Искусством любви

владеет в совершенстве, — при этих словах капитан многозначительно улыбнулся. — Только, прошу, никому ни слова. У нас на этот счет строго.

Странная психология у капитана. Сколько он мне наговорил о своей красавице-жене! Она ему не изменяет, он в этом головой ручается, она беззаветно любит его, через день пишет ему письма. Капитан ей тоже через день пишет письма, но это не мешает ему, связываться, при возможности, с иностранками.

Симонов написал полное искренности письмо полковых офицеров жене погибшего друга. Действительность же противоположна.

Однако мне надо быть чрезвычайно осторожным. Поверил ли мне капитан? Если смершевцы разоблачат меня — цианистый калий всегда при мне. Я вовремя убедился, что ни признание, ни раскаяние не помогут.

Мое отношение к смерти изменилось коренным образом. Раньше я не понимал психологии людей, решающихся на самоубийство, и считал их сумасшедшими. Теперь же я вижу, что самоубийство, в случаях, аналогичных моему, лучшее решение избежать лишних мучений и унижений, после которых все равно расстреляют.

Я чувствую в себе достаточно сил, чтобы в случае необходимости распрощаться с жизнью.

Пока это лишнее. Вообще, нужно поменьше думать о себе.

Что делает Соня? Она осталась в Управлении. Бедная Соня! Мне почему-то жаль ее. Я, мужчина, напрягаю всю силу воли, чтобы не поддаться впечатлениям, вызываемым фабрикой смерти. Представляю, как чувствует себя Соня, днем и ночью видя муки и смерть людей.

20 февраля

Завтра переезжаем в Закопане.

В разговоре с капитаном Сикаленко я узнал, что в Управлении есть специалисты по отдельным политическим организациям. Интересно, кто специализируется по НТСНП*. Сколько ценных сведений я получил бы, познакомившись поближе со специалистами по НТСНП. В этом направлении и надо действовать.

22 февраля

Закопане действительно чудный курортный город. Какие красивые отели! Какой великолепный вид у деревьев, сгибающих свои ветви под тяжестью пушистого снега!

Татры — неописуемы! Я видел их со словацкой стороны. Отсюда же они гораздо красивее.

Про Закопане поляки сложили песни. Недаром.

Когда-то, до разгрома Польши, здесь кипела веселая жизнь. Любители лыжного спорта бегали по этому искрящемуся белому снегу.

Жаль, что у меня нет лыж. С каким удовольствием я взобрался бы на эти белые верхушки гор... Нет, — такой радости, как раньше, я не испытую. СМЕРШ! Разве можно не думать о нем хоть минуту?

Жизнь непрерывно меняется. Польшу разрушили немцы, и вместо поляков красотами Закопане лю-

---

* НТСНП — Национально-Трудовой Союз нового поколения, позднее НТС.

бовались эсесовцы. Теперь Закопане во власти смершевцев.

Завтра день Красной армии, всесоюзный праздник. У подполковника Шабалина будет вечер — выпивка, музыка, танцы. В Закопане много подходящих помещений для таких вечеров.

Во время обеда я встретился с Соней. Она смутилась и отвела глаза. Я понял — она не выдержала.

Ева рассказала мне про нее любопытные вещи.

— Сонька очень жестокая, — серьезно говорила Ева. — Она бьет арестованных, хотя от нее этого никто не требует. Фуй, гадкая какая! В Мукачеве разыгрывала святую, меня презирала, а теперь сама гуляет вовсю. Связалась с капитаном из второго отдела, каждую ночь спят вместе.

— А как вы себя чувствуете, Ева? — перебил я ее с целью переменить тему разговора. Мне было неприятно слушать такие вещи про Соню. — Кажется, работа в контрразведке вас переменяла — не смее-тесь, не шутите...

— Долго рассказывать, — махнула Ева безнадежно рукой. — Пойдем, что ли, капитан, — обратилась она к неизвестному мне офицеру средних лет, — отдохнем.

Капитан поднялся из-за стола и последовал за Евой.

Потапов, один из культурнейших смершевцев, посмотрел ей вслед укоризненно и покачал головой.

— Я думал, ваши закарпатские девушки лучше наших. Ева своим поведением, разубеждает меня в этом. У нее в комнате публичный дом.

— Да! — согласился я с замечанием капитана Потапова. — Они в этих делах не отстают...

Мне кажется, что капитан Потапов так же случайно попал в Управление контрразведки СМЕРШ, как и я. Он ни с кем не дружит, не ругается, не пьет, не курит, работа у него миролюбивая. Он, знаток Англии, отлично говорящий по-английски, составляет радиосводки по передачам лондонских радиостанций.

Со мной он очень предупредителен и вежлив.

Ева и Соня не выходят у меня из головы. Потапов неправ в своих суждениях относительно наших девушек. И у нас, как и в России и других государствах, есть честные девушки.

24 февраля

Капитан Степанов — кадровый чекист.

„Пятнадцать лет безупречной работы” — любит он напоминать в подкрепление своих доводов по тем или иным вопросам.

Он принадлежит к числу „счастливых” смершевцев. Об этом свидетельствует его грудь — вся в медалях и орденах.

Вчера вечером, когда все пьянствовали, празднуя день Красной армии, он поймал „очень ценного человека”. Это был хорошо одетый, представительный поляк, видный деятель Армии Крайовой.

К Армии Крайовой смершевцы относились так же враждебно, как и к немецкому Абверу. Руководители этой организации им были известны, но где они скрывались — смершевцы не знали.

„Ценный человек”, случайно пойманный капитаном Степановым в доме какой-то старушки в Зако-

пане, знал, где скрывается руководство Армии Крайовой.

Его кормили, поили водкой, обещали отпустить.

Я видел список, составленный этим „ценным человеком”, — около двадцати фамилий руководителей Армии Крайовой. Точные адреса (в большинстве краковские) свидетельствовали о том, что поляк не обманывал.

Закипела работа. Капитан Степанов не спал целую ночь. Одно за другим летели сообщения в Москву на имя тов. Абакумова.

Могу представить, что из этого выйдет. Пойдут сотни арестов, допросы, новые сведения, новые аресты, и не только в Кракове, но и по всей Польше. Вот что значит „поймать ценного человека”. Тысячи людей попадут на каторгу, сотни будут расстреляны, а у капитана Степанова появится на груди новый орден.

„Счастливый чекист”!

Потапов не любит Степанова. Он считает его глупым человеком. Во время обеда я присутствовал при их разговоре.

— Прочти телеграмму, которую послал тебе генерал Вириш, — обратился Потапов к Степанову.

— Ерунда. Теперь я занят другим делом.

— Смотри, на Отечественной-то у тебя появилась ржавчина, — съязвил Потапов.

— И впрямь. Чёрт возьми, не умеют даже медали сделать как следует!

Разговор о медалях и орденах был коньком Степанова. Об этих побрякушках он мог говорить часами, притом с таким упоением, словно дело касалось его любимой жены или детей.

Историю с генералом Виришом я знал только по-наслышке. В Мукачеве капитан Степанов проверял этого венгерского генерала. Высшее начальство давало ему инструкции. Воображаю, что это были за „инструкции”!

Политика, однако, большая гадость. Вся она построена на насилии, угрозах и подкупах.

Венгерский народ никогда не узнает, что генерал Вириш — ставленник смершевцев и что Главному Управлению контрразведки СМЕРШ будут известны все действия венгерского правительства.

Точно так же никогда не узнают югославы, что в Управлении контрразведки СМЕРШ Четвертого Украинского фронта проходят практику офицеры штаба Тито и что эти-то офицеры и будут помогать Тито управлять Югославией „по-сталински”.

Завтра уезжаю с оперативной группой майора Гречина ликвидировать склады Армии Крайовой.

1 марта

Новый Сонч. Сборный пункт по репатриации советских граждан.

Оперативная группа майора Гречина уничтожила всего один склад с оружием.

Советская шпионка „Зина”, красивая девушка лет 23-х, год тому назад была сброшена из самолета в районе Нового Тарга, с целью проникнуть в ряды Армии Крайовой. Ей удалось выполнить задание. Поляки приняли ее за свою („Зина” отлично говорит по-польски). С приходом Красной армии отряды польских партизан вышли из лесов. Но, видно,

они считали, что война для них еще не окончена, и потому оставляли в лесах склады оружия.

„Зина“, связавшись со смершевцами, сообщила много ценных сведений об Армии Крайовой.

Вместе с оперативной группой майора Гречина она бродила по лесам, занесенным снегом, и разыскивала места, где были скрыты склады оружия.

Бродить по лесам зимой — развлечение не весьма приятное. В душе я проклинал и „Зину“, и все на свете.

На второй день нам удалось разыскать небольшой склад. Судя по его устройству и упаковке оружия, поляки считались с возможным далеким будущим.

Второй склад „Зина“ не нашла. Снег мешал ориентироваться, и майор Гречин решил отложить дальнейшие поиски до весны.

Теперь оперативная группа майора Гречина работает в лагере по репатриации советских граждан.

Капитан Шапиро, лейтенант Черноусов, младший лейтенант Кузякин и я работаем в лагере немецких военнопленных. С нами группа бойцов и опознаватель „Ганс“.

„Ганс“ — бывший шофер Абвера армейского штаба группы Центр. Он знает многих немецких шпионов, почему смершевцы и таскают его с собой по лагерям военнопленных. „Ганс“ работает добросовестно. Он опознал уже семь шпионов. Смершевцы кормят его, как на убой, мясными консервами, белым хлебом и шоколадом. Дают папиросы, водку. Одним словом, „Ганс“ чувствует себя превосходно.

Лагерь военнопленных находится в здании тюрьмы. В лагере нет ни воды, ни света. Сырые помещения, битком набитые военнопленными, грязь, тяже-

лый запах пота и человеческих испражнений. Не удивительно, что в сутки умирает человек по двадцать.

Лагерное начальство предоставило нам две комнаты.

В лагерях военнопленных приходится работать „вслепую”.

Капитан Шапиро с утра проверял офицерский состав и „закидывал агентуру”. Черноусов, Кузякин и я присутствовали при этом.

Бойцы с „Гансом” ходили по лагерю и „проверяли чистоту”.

Пока результаты нашей работы равны нулю. Капитан Шапиро надеется на агентуру. Во время обеда он рассказывал, что немцы охотно доносят друг на друга.

— У меня известный опыт в работе с военнопленными. Предложить папиросы, пообещать свободу — и из десяти завербованных один сделает свое дело.

Майор Гречин, капитан Шибайлов и группа смершевцев из резервов работают среди русских репатриантов.

Меня пугает чудовищное недоверие смершевцев к своим же гражданам.

Если послушать московские радиопередачи или почитать „Правду” — можно расплакаться над судьбой несчастных людей, переживших немецкую каторгу. Советские журналисты, армейские политотделы, партийцы, агитаторы, писатели, — все кричат об этих людях-мучениках, достойных глубокого уважения и сострадания.

Смершевцы иначе смотрят на дело. Для них советские граждане, побывавшие на принудительных работах в Германии, — элемент, кишачий шпионами и зараженный ненавистью к советскому строю. По-

этому они проверяют каждого репатрианта самым тщательным образом.

И между репатриантами бродят опознаватели и раскинута сеть агентуры.

Лживые обещания, недоверие, доносы, угрозы, допросы, пытки и смерть — стихия смершевцев.

Что же ждет репатриантов на Родине — страшно подумать. Майор Гречин говорит, что большинство из них пройдет двухлетние исправительные лагеря.

За что? Это же мученики, достойные сострадания! И неужели эти миллионы людей, переживших немецкую каторгу, ничего другого не заслужили, кроме концлагерей, то есть другой, советской каторги?

Я ничего не понимаю.

Можно лгать, обманывать, убивать, но не в таких же колоссальных масштабах. Ведь, кроме людского суда, превращенного тоталитаризмом в фабрики смерти, есть еще и Суд Божий!

Не нахожу слов для выражения всей этой мерзости, охватившей современное человечество.

„Смерть шпионам“! Нет, уж лучше было бы называть контрразведку не так. „Смерть противникам коммунизма“ — более соответствовало бы действительности.

4 марта

Сегодня до обеда я был в лагере по репатриации иностранцев. Майор Гречин приказал мне и лейтенанту Черноусову взять „Ганса“ и вместе с ним „пройтись“ по лагерю.

Французы, бельгийцы, англичане, голландцы, датчане, норвежцы, чехи и сербы уныло бродили по

длинным коридорам грязных полуразрушенных зданий. Они смотрели на нас с большим недоверием и избегали встреч с нами.

Кроме презрения и ненависти к нам, их лица ничего не выражали. Еще бы! Смершевцы и среди них раскинули свои смертоносные сети. Резервы контрразведки, прикрепленные к лагерям по репатриации иностранцев, работают днем и ночью. Постепенно исчезают приверженцы сербского короля, сторонники чешской аграрной партии и другие иностранцы, так или иначе проявившие свое несогласие с коммунизмом.

Для смершенцев не существует международного права. С гражданами иностранных государств они расправляются по-своему. Здесь, на территории, занятой Красной армией, они делают то, чего не могут делать за границей, — уничтожают контрреволюцию.

Когда-то я слышал одну, очень характерную для Советского Союза песенку: „Слава вам, железные чекисты”...

Славны чекисты в России кровавой и темной славой, совсем не такой, как поется в песне. Иностранцы же слышали про чекистов только одним ухом. А теперь у них есть возможность непосредственно убедиться в существовании этих легендарных героев пролетарской диктатуры.

15 марта

Вадевице. Дом заместителя бургомистра.

Из нового Сонча мне и Кузякину пришлось добираться попутными машинами. Я не думал, что это так сложно. Начальник КПП в Новом Сонче останав-

ливал проходящие грузовики, но посадить нас ни на один из них ему не удавалось. Шоферы отказывались принимать кого-либо, ссылаясь то на плохой мотор, то на слабые шины или опасный груз.

Лишь после четырех часов ожидания мы взобрались на один из грузовиков, доставивший нас в Вадевице.

Лагерь русских репатриантов был уже занят резервами контрразведки. Капитана Шапиро и лейтенанта Черноусова мы нашли в лагере военнопленных.

— Здесь заживем, — встретил нас восторженный капитан Шапиро. — Начальства нет, работы мало. Баб в городе — ни пройти, ни проехать. На квартире у лейтенанта — три, у меня — две. Не зевайте и вы!

Кузякин поселился вместе с Черноусовым. Я занял комнату в доме заместителя бургомистра.

Черноусов достал водки. Задумал сегодня вечером устроить „настоящую выпивку с бабами”. Пригласил и меня. Пойду непременно.

16 марта

К Черноусову я пришел с небольшим запозданием. В просторной комнате, вокруг столов, заваленных закусками и заставленных бутылками водки, сидели хмельные польки. Офицеры танцевали под звуки патефона.

Польки нахально осматривали меня, перешептывались.

— Садись сюда, Коля, — обратился ко мне Черноусов.

Я сел на предложенное мне место. Справа от меня — девушка лет двадцати, блондинка с шустрыми глазами, слева — полная черноволосая молодая дама.

— Пан младший лейтенант неточный, — заговорила блондинка.

— Не беда!.. Как тебя звать?

— Янина.

— Великолепно.

Янина была трезвее остальных. Она засыпала меня десятками вопросов, на которые приходилось отвечать. После двадцатиминутного разговора я убедился, что моя новая знакомая очень милая и хитрая гимназистка восьмого класса.

— Родители у тебя есть?

— Нет. Немцы два года назад убили папу. Мама умерла давно, когда мне было пять лет.

— Как же ты живешь?

— Помогает сестра...

Черноусов танцевал с черноволосой дамой, Кузякин обнимал совершенно пьяную женщину лет тридцати пяти, Шапиро „заговаривал зубы” шестнадцатилетней девушке.

— Ты бы отвел домой свою любовь, Кузякин, — шутливо заметил Черноусов.

— Пойдем, что ли?

Пьяная „любва” послушна встала и, с трудом передвигая ноги, последовала за Кузякиным.

Высокая рыжая полька, все время сидевшая без кавалеров, затянула хриплым голосом гуральскую песенку. На второй строчке голос ее оборвался.

— К черту всех панов советских офицеров! — прокричала она и повалилась на пол.

— Гадость! — не выдержала Янина. — Проводи меня домой, пан.

— Почему? Хозяин обидится...

— Прошу тебя!

— Если так настаиваешь — пожалуйста. Далеко живешь?

— Да.

Я помог Янине одеться и мы, распрощавшись с гостями, вышли на улицу. Янина взяла меня под руку, и мы пошли по грязным тротуарам, часто сворачивая то вправо, то влево.

— Ты не русский, — обратилась ко мне Янина неожиданно.

— Глупости, я русский.

— Где служишь?

— Это военная тайна, — сказал я, рассмеявшись.

— Впрочем, не говори, я и так знаю.

Янина произнесла эти слова с такой уверенностью, что я невольно заинтересовался.

— Ты служила у немцев, Янина.

— Служила, на кухне в одном госпитале.

— Врешь!

— Почему ты думаешь, что вру?

— Ты служила в военных частях. Помнишь, у лейтенанта ты рассказывала мне, как в тебя был влюблен один эсесовский офицер?

— Помню. Он лежал у нас в госпитале.

— Врешь. Ты говорила, что он бывал у вас на квартире.

— Это потом, когда выздоровел.

Янина умело выворачивалась и мне никак не удавалось смутить ее. Почему-то я был уверен, что эта хитрая гимназистка пристала ко мне не только по одним любовным соображениям.

— Ладно! Не будем спорить. Ты мне скажи, в какой части я служу.

— В контрразведке, — последовал уверенный ответ.

— Почему ты так думаешь?

— Ваша контрразведка плохо маскирует себя. Все офицеры опрятно одеты, культурны и умны. Это их сильно отличает от армейских офицеров. Взять хотя бы к примеру, вас четверых. Все вы владеете иностранными языками, умеете обращаться с женщинами...

— Слушай, Янина! Если б я был офицером контрразведки, я арестовал бы тебя.

— За что?

— За то, что знаешь много лишнего. Я уверен, что ты работаешь в Армии Крайовой. Считаю меня кем хочешь, я не стану разубеждать тебя. Но запомни мой совет: не заглядывай часто смерти в глаза.

Янина молчала. Пройдя еще метров десять, мы остановились.

— Вот я и дома!.. Зайдешь, что ли? Сестра уехала. В комнате у меня две постели, можешь переночевать.

Я видел хитрые глаза Янины, я слышал ее властный голос, ощущал теплоту ее тела. В душе у меня зашевелились сомнения.

— Нет, Янина, я пойду домой.

— Как тебе угодно!

Мы простились.

— Заходи завтра вечером. Буду ждать! — крикнула она мне уже с крыльца.

Я ничего не ответил и быстро зашагал по направлению к городу. Частые убийства, свидетельствовали о ненависти поляков к русским. Кто знает, что думает Янина. Она бесспорно связана с Армией

Крайовой. Откуда она знает столько интересных подробностей о советской контрразведке?

Нет, жизнь мне пока не надоела. Тем более, что предстоит ответственная работа.

18 марта

Вчера вечером наша маленькая оперативная группа собралась у Черноусова.

Началось пьянство. Кузякин рассказывал про свою „любву”. Шапиро громко смеялся и подзадоривал „неопытного ухажора”.

Черноусов пил стакан за стаканом.

— Коля, расскажи ты про свою блондинку, — обратился он ко мне, с трудом поворачивая язык и глядя пьяными глазами в пустоту.

— Мне не о чем рассказывать. Я проводил Янину и возвратился домой.

— Вре-е-ешь! Ты — не наш. Ты — недорезанный буржуй.

— Пошел ты к черту, — выругался я.

Черноусов устремил на меня свои бессмысленные глаза и приоткрыл рот. Рука его скользнула по кобуре.

Я видел, как глаза его наливались бешеной решимостью. Еще секунда...

Капитан Шапиро схватил его за руку и вырвал наган.

— Брось, Ваня!

— Я убью его! Он — не наш! Он — недорезанный буржуй!

Сколько ненависти было в его голосе! Так ненавидеть могут только кровно обиженные люди.

— Если бы ты не был пьян, я бы иначе разговаривал с тобой. До свидания...

Никто не задерживал меня.

На улице я облегченно вздохнул. Правильно ли я поступил? Да! Нужно быть твердым, нахальным, дерзким. Только так можно будет избежать подозрений.

В 7 часов утра я проснулся от стука в дверь. Вошел Черноусов.

— Извини, Коля... Мне стыдно, право, за вчерашнее. Виновата водка.

Я не поверил Черноусову. Он ненавидит меня и теперь. За что? За то, что я буржуй? Но я же не буржуй. Мои родители — бедные крестьяне.

Не играет ли во всей этой истории загадочную роль Янина? Эта хитрая полька способна на все. Ей немного лет, а с каким умением она владеет собой в таких тяжелых условиях.

Впрочем, возможно, что Черноусов ненавидит меня интуитивно. Он старый чекист. Многолетняя работа развила в нем особое чутье к врагам.

19 марта

В лагере, кроме нас, работает хозяйственная разведка.

Сегодня утром я познакомился с Ритой. Это умная, симпатичная девушка.

— Вы по какой линии? — спросила меня Рита.

— Как вам сказать. Ищем специалистов по излучению радия.

Рита удивилась.

— Мы тоже интересуемся этим, но только в об-

щем плане. Должно быть, излучение радия что-то весьма важное.

— Конечно...

Рита начала рассказывать мне про свою работу. Постепенно передо мной вырисовывалась грандиозная картина работы хозяйственной разведки.

Сотни тысяч допрашиваемых военнопленных дают сведения о промышленности и сельском хозяйстве Германии.

Где-то эти сведения сортируются по отдельным отраслям и дополняются данными из центров шпионажа дальнего действия.

Есть ли в Германии хоть одна фабрика, не имеющая соответствующей карточки со всеми сведениями в Москве? Мне кажется — нет.

20 марта

Свободного времени у меня много. Читать нечего. Поддерживать компанию Черноусова мне неохота.

В 8 часов утра прихожу с Черноусовым в лагерь.

Черноусов приказывает немецкому лагерному начальству привести пятьдесят человек для проверки.

В коридоре у нашей комнаты строятся в ряды грязные истощенные до пределов возможности немцы. Поочередно они входят к нам в камеру.

Черноусов задает вопросы. Я перевожу.

— Когда и где вы родились? Какие школы окончили? В каких частях служили?

Немцы отвечают на все вопросы механически, не задумываясь.

Черноусов присматривается к их внешности. Иногда он проверяет их карманы. Часов, колец и иных ценных вещей ни у кого из них нет. Зато при каждой фотографии жены, детей или любимой девушки.

У большинства Черноусов находит вульгарные стишки и эротические рисуночки. Все это аккуратно сложено в бумажнике вместе с последними письмами жены или родителей.

Когда я читаю эти похабные стишки, я улыбаюсь, и немцы стыдливо опускают головы, словно извиняются за свою житейскую слабость.

Черноусов внимательно осматривает эротические рисуночки и те из них, которые ему нравятся, откладывает в сторону.

Приняв серьезный вид, он начинает читать пострадавшему моральные наставления. Отпустив с миром „ограбленного“, он бережно прячет рисуночки с нагими женщинами к себе в сумку и вызывает „следующего фрица“.

Иногда какой-нибудь молоденький белобрысый немец начинает перед нами изливать свое горе. Я, мол, совсем не виноват, что Гитлер мерзавец. Я всегда поддерживал коммунистов. Я готов вступить в Красную армию и идти вместе с ней добивать палача Гитлера.

Черноусов внимательно слушает.

— Ты нам сказки не рассказывай. Мы тебе все равно не верим. Если же ты хочешь, чтобы мы тебе поверили, сделай нам небольшую услугу.

Немец смотрит недоумевающими глазами на предлагаемую сигаретку. Он чувствует серьезность момента, — иначе бы его не угощали.

— Так вот. Здесь, в лагере, скрывается много офицеров СД, СС, начальников лагерей и т. д. Скрываются и разного рода диверсанты, работники контрразведки, полевой жандармерии, переводчики и видные члены НСДАП... Если ты не будешь дураком и поможешь нам выловить всех этих преступников, мы отпустим тебя на волю. Тебе, чай, хочется на волю?

Немец утвердительно кивает головой, делает сосредоточенное выражение лица и обещает сделать все, что будет в его силах.

— Возьми еще вот эти сигаретки... О том, что между нами говорено, — никому ни слова. Мы шутить не любим. Если узнаем, что ты проболтался, расстреляем. Ты, наверно, слышал про НКВД. Так вот!.. Приходи послезавтра в пять часов после обеда.

Из пятидесяти человек мы завербовываем обыкновенно не больше пяти.

После обеда начинаем принимать агентуру. В большинстве случаев сведения, полученные этим путем, никуда не годны. Но случается узнавать, что такой-то работал в Мильамте или был начальником СД в городе Н.

На следующий день мы вызываем указанного военнопленного и устраиваем ему подробнейший допрос: где родился, кто были родители, братья, сестры, и десятки других вопросов. Начинается путаница. Немец чувствует, что нам многое известно, тем не менее старается нас уверить в своей невинности.

— Отправим в Управление, — решает Черноусов, убедившись, что данный человек может дать интересные сведения.

Следующий день проходит так же. Проверка, вербовка, допросы и прием агентуры.

Работа исключительно противная. Я чувствую себя отвратительно.

За пару сигарет человек предает человека.

Немцы охотнее венгров доносят друг на друга. Вообще, тяжелые лагерные условия превратили немцев в зверей. Они не моются, не бреются, не стирают белья. За кусок хлеба, за одну папиросу, готовы предать лучших своих друзей. Убогие юберменши. Интересно, если бы воскресший Ницше попал в лагерь, как бы он себя вел? Так ли, как и все?

Здоровенные пруссаки-офицеры, когда-то блиставшие своей военной выправкой, в лагере кажутся маленькими, серенькими и точно так же, как и рядовые солдаты, собирают у кухни картофельную шелуху.

Мало в мире людей, способных и в таких лагерных условиях сохранить свое достоинство.

Смершевцам это хорошо известно. Используя страх человека за свою жизнь, они работают наверняка.

— Результаты работы оправдывают средства, — говорит часто Шапиро.

Я с ним не согласен. Нет таких, поставленных даже великими пророками целей, во имя достижения которых можно было бы употреблять любые, доступные отдельным людям и государству средства.

Теперь я вполне убедился, что человек — существо слабое и что условия жизни могут переменить его до неузнаваемости, — могут превратить его в зверя.

Мне кажется, что государство, как и частное лицо, руководимое принципом „цель оправдывает средства”, творит глубочайшее преступление.

В мире не будет счастья и справедливости, пока этот гнуснейший принцип не будет отброшен, как ложный. Пусть намеченная цель будет самой светлой, пусть она обеспечивает будущее народов, — как это представляют коммунисты, все же обрекать на гибель миллионы людей во имя цели не только преступно, но и бесполезно.

Сталин, уничтоживший во имя коммунизма десятки миллионов русских людей, не только совершил преступление. Даже с точки зрения своих интересов он совершил ошибку. Он оттолкнул от коммунизма оставшееся население и, таким образом, отодвинул на неопределенное время достижение цели. Он совершил бесполезные убийства, даже с точки зрения нищенского „по ту сторону добра и зла”.

Но Сталин никогда этого не поймет. При наличии его возможностей, он в будущем может уничтожить еще сотни миллионов людей за пределами Советского Союза, все так же во имя коммунизма.

Если же я ошибаюсь и принцип „цель оправдывает средства” верен, то тогда не стоит жить. Мир превратится в концлагерь.

21 марта

Вчера вечером капитан Шапиро разговаривался.

— Теперь мы не такие, какими были раньше. Мы научились работать. В годы революции военные трибуналы выносили смертные приговоры очень бы-

стро, поэтому погибло много невинных. Но Чрезвычайные комиссии сделали свое дело: они избавили страну от контрреволюции. В годы НЭП'а кулаки подняли голову. С ними тоже расправились коренным образом. И поделом. Цель была достигнута: страна, очищенная от противников социализма и коммунизма, победоносно пошла вперед. Тем не менее, кое-что было упущено, иначе не было бы дела Тухачевского и сотен ему подобных. Ты знаешь Водопьянова?

Я утвердительно кивнул головой.

— Водопьянов пять лет наблюдал за одним гражданином в Москве. В течение этих лет он узнал все, что нужно было узнать: с кем этот гражданин встречается, куда ездит, в каких местах проводит время и т. д. Только после пятилетней слежки Управление сочло нужным арестовать этого гражданина, но вместе с ним уже и сотни других. Раньше этого гражданина арестовали бы сразу, расстреляли и почили бы на лаврах, тогда как сотни ему подобных притаились бы и ждали удобного случая. Утонченность в методах работы — самое главное. Без нее мы натворили бы много глупостей.

Я внимательно слушал капитана. Признаю, чувствовал себя неважно. Говорил со мной представитель контрразведки „эволюционирующего Советского Союза”.

Как жестоко ошибаются русские эмигранты и многие иностранные государства! Если они видят „эволюцию” Советского Союза в том, что там не расстреливают на виду у всех, что там нет тех неслыханных зверств, какие были во времена гражданской войны, — они жестоко ошибаются.

Чекисты научились работать — вот в чем заключается „эволюция” Советского Союза.

— Мы теперь можем позволить людям ходить в церковь, так как чувствуем себя настолько осведомленными и сильными, что в любое время, лишь только действия церкви примут нежелательные для нас формы, можем прекратить ее деятельность. В Мукачеве мне и Водопьянову выпало счастье познакомиться с двумя американскими журналистами. Они, конечно, были журналисты только для отвода глаз. На самом же деле это были самые настоящие шпионы. Шабалин послал меня и Водопьянова в качестве проводников к этим джентльменам. Ну, известное дело, мы показали им только то, что сами хотели, а затем выпили с ними, приставили к ним двух бабенок, и один из наших тем временем проверил все их вещи...

В дверь кто-то постучал. На пороге появилась та самая девушка, которой капитан „заговаривал зубы” на вечере у Черноусова. Заметив меня, она немного смутилась.

— Здравствуй, Зися.

— Я только на минутку к вам...

— Ладно! Присаживайся.

Зися рассеянно прошла по комнате, остановилась у пианино и начала стоя что-то наигрывать.

Я просидел еще минут пять для приличия и начал прощаться. Капитан проводил меня до дверей.

— Нравится тебе? — спросил он полушепотом.

— Хорошенькая.

— Если бы ты знал... — капитан не договорил, да и незачем было договаривать. Я прочел в его глазах все, что он мог мне сказать.

Бедная Зися! Она не знает, что капитан болен.

Управление контрразведки СМЕРШ Четвертого Украинского фронта расквартировано в пяти километрах от Рибника, в небольшом уцелевшем местечке.

Наша оперативная группа переехала из Вадевице несколько дней тому назад. На пути — сплошные развалины, до основания разрушенные деревни и села, разрытые снарядами поля, развалившиеся и сожженные города, взорванные мосты...

Майор Гречин встретил нас дружелюбно, отвел нам квартиры и приказал отдохнуть.

— Здесь, товарищи, уже пахнет Германией. Работы предстоит много.

В местечке, кроме смершевцев, никого нет. Гражданское население было выселено в соседние села.

Вокруг Управления часовые. На дорогах шлагбаумы, кроме своих, в Управление никого не впускают.

В столовой для младшего офицерского состава я встретился с Мефодием. Рядом с ним сидели хмурые смуглые сербы. Они разговаривали на своем языке и поминутно стучали кулаками по столу.

Сотни незнакомых мне офицеров, которых я видел впервые, входили в столовую, молча ели и также молча уходили.

— Это все из вашего отдела, — сказал Мефодий.

— Да, да. Но я их вижу впервые.

— Мне кажется, что у тебя нет и понятия о численности второго отдела... Я в Управлении все время, и у меня о вашем отделе создалось странное представление. Не ты один видишь вот этих офицеров впервые. И я до сих пор не видел. Каждый день при-

ходят все новые люди, пообедают и уходят. Ваш второй отдел что-то грандиозное.

Мефодий, несмотря на хорошее питание, похудел и постарел.

— Ты не болен?

— Нет... Болезнь, Коля, это полбеды. Я, Коля, заболел душою, а от этой болезни вылечит меня только могила.

Покинув столовую, мы долго шли молча.

— У меня совесть нечиста, — заговорил вдруг Мефодий. — Я часто присутствую в качестве третьего лица в военном трибунале и осуждаю на смерть людей... Если бы ты знал, как гадко происходит все это. Прокурор прочитает обвинение и предложит высшую меру наказания — расстрел. Наша тройка утвердит предложенное наказание — и человека уводят на расстрел. Потом прокурор прочитает следующее обвинение... Коля, если бы ты видел этих осужденных. У меня сердце надрывается, а судьи зевают от монотонной речи прокурора. Тут, Коля, не только похудеешь и постареешь. Тут, чего доброго, сам покончишь самоубийством. Впрочем, заходи когда-нибудь к нам. Я тебе уступлю свое место в воентрибунале.

— Что ты? Опомнись!

— Не хочешь замарать свою совесть? — и Мефодий дико захохотал. Я посмотрел на него пристально. В его расширенных зрачках было что-то безумное, отгалкивающее и одновременно вызывающее глубокое сострадание.

В тот же день, в три часа после обеда, майор Гречин послал меня к Гале в Четвертый отдел.

— Там у нее какой-то поляк, с которым она не может договориться.

Сержант Суворов, начальник тюремного караула, указал мне ее комнату.

Я постучал в дверь. Никакого ответа.

Я постучал сильнее.

— Войдите.

Галя лежала на маленькой койке в углу комнаты. Протерев глаза, она улыбнулась.

— Где же вы все время пропадали? — спросила она, застегивая гимнастерку.

— Работал в Вадевице.

— С капитаном Шапиро?

— Да.

— Воображаю, — сплошная охота на красивых полячек!

— Было и это.

— Эх, вы, мужчины! Своих русских девушек в Управлении хоть отбавляй! Так нет, вам подавай полячек, чешек, венгерок, немок и всяких...

— Только прошу вас, Галя, не ругайтесь. Это не идет вам.

— Разве? А я думала, что мне все разрешается. Чудак вы! В нашем деле нельзя быть разборчивым. Будете ли вы ругаться или нет, — это вам не поможет. Вы — чекист. Я когда-то ужасно ненавидела чекистов... Глупости! Что я хотела сказать? Да! Если вам не нравится моя матерщина, постараюсь избегать ее.

— Спасибо вам.

— Кажется, пора за дело. Вот упрямый поляк мне достался!

Галя вышла в коридор и приказала Суворову привести поляка.

Я окинул взглядом комнату Гали. Между окном и дверью письменный стол. Вокруг него три стула. В углу маленькая койка. Печка. Деревянный потолок,

грязные стены. На столе электрическая лампочка, папка с бумагами. Вот, кажется и все.

Через пять минут привели поляка. Это был высокий русский мужчина лет тридцати. Богатырская грудь, распиравшая рубашку, толстая шея, гладкое лицо свидетельствовали о том, что его арестовали недавно.

Поляк молча сел на стул, положил руки на колени и устремил глаза в окно.

В руках у Гали появилась резиновая трубка, напоминавшая нагайку.

— Исследуешь окно? Нет, брат, отсюда не убежишь. Встань! — голос Гали прозвучал резко, как пощечина. — Подойди к окну!

Поляк повиновался.

— Открой его и, если хочешь, беги, куда глаза глядят.

Поляк открыл окно и посмотрел вниз.

— Там часовой с автоматом.

— Ты плюй на него. Тебя все равно расстреляют. Чего тебе бояться?

Галя злорадствовала. Я не узнавал ее. От прежней Гали не осталось и следа. Передо мной стояла жесткая девушка, наслаждавшаяся предсмертными переживаниями человека.

— Трус ты, вот что я тебе скажу! Даю честное слово, что ты будешь все равно расстрелян. И неужели у тебя не хватает мужества, чтобы решиться бежать? Если ты останешься, погибнешь наверняка. Ну, прыгай в окно, пока не поздно.

— Нет!

— А еще шпион!.. Эх, ты, продажная душа! Садись на свое место... За сколько злотых ты продал себя?

Поляк молчал.

— Давно, видно, я тебя не била. Говори! За сколько злотых ты продал себя?

— Я никогда не продавал себя.

— Врешь, подлец! Ты продал себя точно так, как продают себя проститутки. Да что я говорю! Проститутки по сравнению с тобой — святые. Они продают только себя, а ты продал себя и свой народ.

— Это неправда!

— Если ты мне еще раз скажешь что-либо подобное, я сниму с тебя шкуру! Слышишь?

Поляк молчал.

Галя подошла к нему и потрясла перед его лицом своей резиновой нагайкой.

— Ты мне не ломайся! Слышишь?

— Не понимаю.

Я перевел поляку слова Гали.

— Врет он, подлец! Все понимает, мерзавец! В нем больше хитрости, чем во всей Польше. Слушай, пан!..

Поляк закрыл глаза и сжал зубы. Удар нагайкой по лицу оставил красный след, местами сочилась кровь. Второй, третий, четвертый...

Галя била поляка без передышки.

— Я из тебя выбью твой гонор, подлец... Я буду бить тебя до тех пор, пока ты не сознаешься, или не подохнешь... Слышишь, мать твою так, раз... — грубейшая уличная ругань полилась потоком из уст Гали.

Я отвернулся. Кровь ударила мне в голову, сердце усиленно забилося.

Действительно, поляк большой трус. У него нет даже мужества схватить Галю за руку и отвести удар.

После пятиминутной „работы” уставшая Галя отбросила нагайку и села за стол. Руки ее, перелистывавшие папку с делом поляка, дрожали, кончики губ как-то неестественно подергивались. В глазах было что-то безумное, в бледном лице — болезненное, нервное.

Лицо поляка превратилось в бесформенную массу. Тоненькими струйками кровь стекала с него и капала на грудь, рубашку, пиджак...

Поляк сидел неподвижно. В глазах его, залитых кровью, не было ни искорки жизни. Ни мускул не дрогнул на лице. Ни стоны не вырвалось из груди.

Нет, он не трус. Я напрасно обвинял его. Он очень крепкий человек. Трусы иначе ведут себя на таких допросах.

Возможно, что он одержим истерией страдания и не ощущает мучительных болей.

— Где ты был с 1-го по 10-е января — голос Гали звучал гораздо спокойнее, чем раньше. Бешенство ее постепенно проходило.

— В Освенциме.

Поляк говорил с трудом.

— Так!.. Что же ты там делал?

— Работал на заводе.

— На каком?

— И.-Г.-Фарбен.

— Кто был твоим мастером?

— Один немец. Фамилии его не знаю.

— Врешь ты, голубчик, врешь! — в голосе Гали опять послышались нервные нотки. — Мне известно, что с 1-го по 10-е января ты находился в Новом Солнце.

— Это неправда!

— Что?..

Галя взяла в руки нагайку.

— Это неправда!

Лицо Гали вспыхнуло гневным румянцем, кончики губ еще чаще задергались.

— Я убью тебя, мерзавец, гад, подлец, я...

Галя быстро поднялась из-за стола и, сделав пару шагов, очутилась перед поляком.

— Разрешите мне вынуть платок и протереть глаза.

— Не раз-з-зрешаю.

Послышался свист нагайки и приглушенный удар по голове.

— Галя, я, кажется, здесь, как переводчик, лишний...

— Что? Мягкое буржуйское сердце?.. Нет, вы останетесь здесь. Я буду допрашивать этого мерзавца до утра. Или он мне сознается во всем, или я убью его. Говори, подлец, говори, сукин сын! Мать твою... Говори, где ты был с 1-го по 10-е января?

— В Освенциме.

— Вот тебе. Вот тебе!..

Галя набросилась на поляка, как сумасшедшая. Она била его по голове, по лицу, ушам, шее, рукам, ногам... Я видел, что силы ее оставляют, что вот-вот она не выдержит напряжения. Но я ошибся. Еще минут десять она била несчастного поляка. Потом тяжело дыша, села за стол.

Я не помню всех вопросов Гали. Не помню и ответов поляка. Помню одно, что до ужина, то есть до десяти часов вечера, Галя не меньше десяти раз приходила в бешенство и начинала беспощадно избивать поляка.

Ровно в десять она позвала сержанта Суворова.

— Отведи его в камеру. Не забудь дать воды помыться.

Сержант увел окровавленного полуживого поляка.

— Теперь пойдем ужинать.

Я молчал. Мне не хотелось ни говорить, ни смотреть на Гаю.

Свежая ночь немного протрезвила меня от этого кровавого кошмара.

— Вы, Коля, не сердитесь на меня, — заговорила Галя.

— Я не сержусь. Какое мне до вас дело?

— Нет, вы сердитесь. Впрочем, мне все равно. Я сама не понимаю. Глупости... Расскажите мне про свои любовные приключения в Вадевице.

— У меня никаких не было.

— Seriously?

— Галя, я вас не спрашиваю про вашу интимную жизнь.

— У меня, Коля, и нет интимной жизни. Еще полгода назад я возилась с мужчинами. Теперь некогда, да и не охота. Днем работаешь, ночью работаешь. Какие тут могут быть мужчины! Я рада, когда есть пара часов свободных, чтоб выспаться... Да, жизнь чекистов, пожалуй, самая тяжелая. Есть папироска?

Я открыл пачку румынских сигарет. Галя закурила.

— Вот и хорошо. Больше мне ничего и не нужно... Былого не вернешь, а от будущего не убежишь, Коля. Так я и живу.

В столовой все места были заняты и нам пришлось обождать, пока не освободились стулья.

Я сел рядом с Галей. Передо мной на стене надпись — „Добьем фашистского зверя в его же собственной берлоге”.

Галя ела мало. Знакомые офицеры здоровались с нею, но она делала вид, что не замечает их.

— Пойдем, что ли?

— Посидите еще немного, отдохните.

— Отдохнем у меня в комнате.

Я пошел за Галей. По дороге она не сказала ни слова, только у себя в комнате заговорила.

— Вот мы и пришли. Садитесь.

Я посмотрел на засохшую кровь на полу, потом на Галя, потом опять на кровь.

— Вы, Галя, пережили какую-то страшную трагедию?

— Это что за интимности?

— Нет, это не интимности. Вы...

— Суворов! Приведи поляка.

Галя тщательно избегала разговора о прошлом. Я твердо решил, что она пропала безвозвратно, а потому не стоит с ней и разговаривать об этом. У Гали — чекистская карьера до самой последней минуты, когда она или сойдет с ума, или будет расстреляна, как преступница, совершившая сотни убийств.

Суворов привел поляка.

Началось продолжение кровавого кошмара, прерванного ужином.

В четыре часа утра дежурные вынесли умирающего поляка, а Галя, не раздеваясь, свалилась на койку и закрыла глаза.

Я с трудом доплелся к себе и, тоже не раздеваясь, лег и быстро уснул.

Вчера капитан Потапов долго разговаривал со мною на разные политические темы.

Он согласен с тем, что жизнь в западно-европейских государствах и в Америке лучше, чем в Советском Союзе.

— Тем не менее, будущее принадлежит нам. Экономический процесс неуклонно идет к социализму и коммунизму.

Капитан уверен в этом. Я — ничуть. Меня интересуют не экономические процессы, а те „специалисты” по вопросам русских эмигрантских организаций, о которых я только слышал, но о которых у меня до сих пор нет никаких конкретных сведений.

Я перевел разговор на русскую эмиграцию. Капитан охотно поделился со мной своими взглядами относительно эмигрантов.

— Впрочем, я мало знаю о русских эмигрантских организациях. Другое дело, майор Надворный. Он специализируется по НТСНП.

— Это тот, у которого в Ужгороде невеста?

— Тот самый.

Затем мы разговорились об английской разведке. Капитан считает, что советская разведка, в конечном счете, лучше английской.

— У нас не такого опыта, как у англичан. Зато наша разведка успешно работает в капиталистических государствах, пользуясь услугами коммунистических партий и либеральной свободой, позволяющей довольно легко проникнуть в любое святое святых. Кроме того, в капиталистических государствах плохие контрразведки. У нас же контрразвед-

ка, сами видите, работает чисто. Одно название чего стоит — Смерть шпионам!

*

Я остался доволен своими вчерашними достижениями. С майором Надворным я знаком. В Ужгороде он влюбился в одну девушку, — на этой-то почве я и сошелся с ним. Он любит меня расспрашивать про Карпатскую Русь. Что же. Распрошу и я его про... НТСНП.

15 апреля

Внешность майора Надворного — ничего особенного: брюнет, среднего роста, с круглым лицом и толстым носом.

Вчера, выходя из столовой, я встретил его в коридоре.

— Здравствуйте, товарищ майор.

— Здравствуйте!

Майор немного картавит, почему я при первом разговоре с ним и принял его за еврея. Но он русский.

— Я хотел поговорить с вами...

— Пожалуйста, пожалуйста.

— Я не знаю, что творится у нас, на Карпатской Руси. Отец пишет мне только про свои крестьянские дела. Вы же, наверное, осведомлены хорошо об общем положении.

— Да!.. Кое-что мне известно. Моя невеста теперь

работает в вашей Раде. Что же. Пойдемте ко мне, поговорим.

Я обрадовался предложению майора. Наконец-то я узнаю все, что так давно интересует меня! Узнаю ли? Некоторые вопросы можно будет поставить майору прямо, но большинство...

Майор жил довольно далеко от столовой.

У тюрьмы мы остановились.

— Подождите минуточку. Я зайду к Мещерякову и сейчас же вернусь.

— Пожалуйста.

К тюрьме подъехало три студебеккера. Около двадцати вооруженных бойцов соскочило с платформы.

Сержант Суворов, начальник тюремного караула, встретил их словами:

— Что же это вы так опаздываете?

Здоровенный лейтенант, должно быть, командир, злобно посмотрел на сержанта и произнес сквозь зубы:

— Не твое дело.

В здании началась суматоха. Кто-то бегал по всем коридорам и кричал. Через пять минут из тюрьмы вывели десять арестованных и посадили на автомашины.

„На расстрел” — промелькнуло у меня в мыслях.

Вид у арестованных был потрясающий: бледные, заросшие, грязные, со смертным ужасом в глазах...

Бойцы, вооруженные автоматами, покрикивали на них, — „Эй, куда смотришь?”, „Подвинься...”, „Ну, ты...”.

Я отвернулся.

— Трогай!

Моторы затрещали и студебеккеры уехали.

Во мне все смешалось и перепуталось. Тысячи вопросов и ответов, картины из прошлого, отец, брат, НТСНП, Вера, Галя, Ковальчук...

Я вынул папиросу и закурил. Спокойствие, спокойствие и еще раз спокойствие. Майор Надворный словоохотлив. Мне нужно узнать все, что ему известно про НТСНП.

— Я вас заставил долго ждать. Извините. Этот Мещеряков болтлив, как баба.

— Ничего, товарищ майор.

Комната, в которой жил майор Надворный, — это бывший кабинет зажиточного, любящего роскошь поляка: массивный письменный стол причудливой резьбы, кожаные кресла, картины, персидский ковер, шкаф с книгами в кожаных переплетах, вазы, статуэтки, мраморные чернильцы, телефон...

— Садитесь! — Майор включил радиоприемник. — Когда кончится война, я попрошу, чтобы меня перевели к вам, на Подкарпатье. Чудный край!

— Бесспорно.

— К этому времени, я думаю, у вас уже будет порядок. Начальник наших резервов на Подкарпатье, подполковник Чередниченко, — молодец. Он справится с вашей реакцией. По правде сказать, у вас был большой хаос в политической жизни, — Бродий, Фенцик, Аграрная партия, НТСНП, УН, десяток венгерских партий...

— УН — это украинские сепаратисты?

— Да. Это те, которые в 1939 году провозгласили Закарпатье самостоятельной республикой во главе с Волошиным. Когда мы были в Ужгороде, нам удалось многих из них арестовать. Волошин, пока, на свободе, но придет и его черед.

— Что такое НТПН, или как вы сказали? Признаюсь, я знал почти все наши политические группировки, но про НТПН никогда ничего не слышал.

— Не НТПН, а НТСНП. Это — русские националисты. Я не удивляюсь, что вы про них ничего не слышали. Они работают очень осторожно. Но, что они у вас были и есть до сих пор, — не может быть никаких сомнений. Мы поймали двух из них. Вы слышали про такого О. Г.?

— Нет!

— Жаль, что ни один из них ничего не знал. Жаль!.. Для нас НТСНП наиболее опасная эмигрантская организация.

— Странно! Как это я про нее ничего не слышал!

— У меня есть их литература, — газеты, брошюры для массового распространения, идеологические основы и т. д. Все это присылают из Москвы в качестве информации.

Два часа длился наш разговор. Признаюсь, я чувствовал себя как-то неловко. Подумать только!.. Однако, половину дела я уже сделал. Я знаю теперь, что известно контрразведке СМЕРШ про НТСНП. Остается вторая половина. Постараюсь сделать и ее.

Как я рад, право. Главное, что у нас нет провокаторов. Это — самое главное.

16 апреля

— Коля, — обратился ко мне Шапиро, — слышал новость про капитана Сикаленко?

— Нет!

— Вообрази, его отец был старостой при немцах!

Я понял все. Вот почему не видно Сикаленко! Докопались все-таки. Да. Они докопаются и до меня. Нужно как можно скорее выбраться из Управления. Жаль, что при мне нет никаких документов, кроме смершевских. Что ж, так или иначе придется заехать в Мукачево.

25 апреля

Три дня назад полковник Душник, капитан Шапиро, я и несколько бойцов сели на „шевролет“.

— Едем в Опаву, в Армейский отдел контрразведки, — сказал мне Шапиро.

В Опаву, так в Опаву. Мое дело маленькое — слушаться.

На дорогах творилось что-то невиданное. Мчались гвардейские минометы, студебеккеры, зисы, пушки всех калибров. Проходила пехота, скрипели перегруженные телеги. Кричали офицеры, ругались солдаты.

В воздухе гудели десятки штурмовиков. С запада доносились взрывы снарядов, перекатный гром гвардейских минометов, шум, крики, выстрелы.

Горели села. Дым заволок все небо. Пахло гарью пожарищ. Горели города. Никто не обращал внимания на развалившиеся дома, никто не тушил пожаров. Вперед! У каждого свое задание! Кому какое дело, что гибнет столько немецкого добра. Пусть!

В природе человека больше склонности к разрушению, чем к созиданию. Когда человеку приказывают разрушать, жечь, уничтожать — им не

редко овладевает слепой разгул. Он любит смотреть на огонь, на огромные тучи дыма, и сам охотно поджигает еще не захваченные пожаром дома.

В Опаву мы приехали на второй день после занятия ее Красной армией. Улицы были завалены горами кирпича, мебели, мешками с песком, балками и разным хламом.

Из погребов, засыпанных развалинами, пробивались струйки горького дыма.

„Мин не обнаружено” — то и дело попадались нам надписи.

Группы бойцов заглядывали в уцелевшие дома.

Мы проехали Опаву и остановились на уцелевшей западной окраине. Нигде ни одного гражданского лица. Хмурые часовые, шлагбаумы. „Не иначе, здесь должен быть армейский отдел контрразведки”, — подумал я. Так и оказалось.

Подполковник Душник вышел из автомашины и после короткого разговора с часовым вошел в красивую виллу. Вскоре из виллы вышел смуглый майор и приказал часовому пропустить нас.

В шесть часов вечера я уехал с капитаном Шапиро в небольшой лагерь, находившийся в нескольких километрах от Опавы.

— Тут, Коля, как в мертвом доме. Почитай во всем городе нет ни одной бабы, — сетовал капитан.

Вчера уехал и Шапиро. В лагере остался один я с двумя бойцами. Смершевцы верят мне, иначе они не оставили бы меня одного. Это хорошо, это очень хорошо.

Мои бойцы достали пять литров водки. Где и как, этого они не хотели сказать.

Я пригласил Зою, начальника санчасти, и мы начали встречать первое мая.

Зоя быстро опьянела. Бойцы отнесли ее в комнату и бросили на койку.

Начальник лагеря, веселый толстяк-капитан, присоединился к нам. Он выпил два литра сорокаградусной водки и не был пьян.

В четыре часа ночи мои гости разошлись. Капитан ушел спать. Бойцы захотели еще посмотреть, что творится в городе.

— Там теперь интересно. Пьяные медички...

В моей комнате поразительно много стенных часов. Каждые пять минут какие-нибудь из них бьют. Должно быть раньше здесь жил любитель-коллекционер. Бойцы нарочно заводят их. „Чтобы не было скучно”!

Какой сегодня замечательный день! Весна, цветы, зелень. Яркое нежное солнце. Тепло.

Буду ли я хоть раз в жизни еще счастлив? Выберусь ли я когда-нибудь из этого и Богом, и людьми проклятого учреждения.

Если б я снова мог теперь выйти на луг у себя в Карпатах и растянуться на теплой весенней траве, без единой мысли, без единого желания! Если бы я мог снова быть свободным и не чувствовать постоянное присутствие смерти!

Нет, таким счастливым, как раньше, я уже никогда не буду. Что-то переменялось во мне. СМЕРШ. Убийства и кровь, кровь и убийства. Везде кровь, везде страдания, везде муки, везде смерть!

Смерть шпионам. Смерть антикоммунистическим партиям. Смерть всему антикоммунистическому человечеству.

3 мая

Работаю мало, больше отдыхаю. Кто знает, что будет завтра? Пока пользуюсь случаем.

Вчера заходила ко мне Зоя. Скучная, неинтересная девушка.

Вот... опять бьют мои часы. Надо будет их убрать.

4 мая

Полчаса назад ко мне прибежал начальник лагеря.

— Вам приказ по телефону из штаба нашей Армии: немедленно вернуться в хозяйство Ковальчука, которое сейчас в Моравской Острове.

— Вот как!

— Я вам советую подождать до завтра. В восемь утра в Моравскую Острavu идут три мои машины.

Начальник лагеря ушел. Черт возьми! Что за спешка такая? Неужели?.. Глупости. В таком случае, они приехали бы за мной сами. Нет! Здесь что-то другое.

Начальник лагеря прав. Поеду завтра. Попутными не доберусь и за неделю.

Однако в чем дело? Наверное Ковальчук звонил в штаб Армии, а оттуда звонили сюда.

Поживем — увидим.

Моравская Острава.

Майор Гречин, мой ближайший начальник, встретил меня дружелюбно.

— Молодцом, добрались! Слышали, в Праге восстание?

— Нет, не слышал.

— Вчера по радио передавали.

— Откуда?

— Из Праги же. Чехи захватили радиостанцию. В городе идут бои. Я сначала не поверил. — уж слишком это не похоже на чехов. Но нет, представьте, держатся. Сегодня тоже передавали... Да! Генерал вызвал нас по телефону. Поедем в Прагу.

— Когда?

— Скоро!

Сообщение майора меня пугает. В Праге у меня много знакомых. Чего доброго, кто-нибудь увидит меня, ну и... Да. Нехорошо, совсем плохо. Однако поеду — там видно будет. Надо приготовить записку. Только, как передать ее? Чехи, правда, за деньги все сделают.

*

В тот же день, вечером, меня вызвали к подполковнику Душнику.

В большом зале, за большим столом, сидело около двадцати офицеров. Здесь были знакомые мне капитан Миллер, капитан Шапиро, капитан Потапов, майор Попов, капитан Водопьянов, майор Гречин, Ева и Соня. Остальных я не знал.

— Садитесь и переводите, — подал мне подполковник Душник папку со списками пражских членов организации „Влайка”.

Все присутствующие тоже были заняты переводами. Большинство из них умело читать по-чешски, но значения многих слов они не понимали. Капитан Миллер часто обращался ко мне с просьбой помочь перевести отдельные слова.

Подполковник Душник прохаживался по помещению, давая нам инструкции.

— Переводите только главное. У нас очень мало времени.

В одиннадцать часов ночи к нам пришел полковник Козакевич. Это наш новый заместитель начальника. Высокий, плотный, с кривым носом. Его все побаиваются. Он очень строг и требователен.

— Как идет работа, товарищи офицеры?

— Я думаю, что к утру все будет готово, — ответил Душник.

— Товарищ Синевирский, без вас здесь обойдутся, — обратился ко мне полковник. — Зайдите к капитану Степанову. У него очень спешное дело.

— Есть, товарищ полковник.

Управление занимало часть города возле парка. Только четвертый отдел и прокуратура находились возле тюрьмы.

Часовые останавливали меня и спрашивали пароль. Во всех домах кипела работа. Смершевцы готовились к крупному налету. Еще бы! Они давно точили зубы на Прагу. Там много антикоммунистического элемента. Русская эмиграция, украинские сепаратисты, чешские политики разных оттенков — от генерала Гайды до самых левых, как социал-демократы.

Нужно уничтожить всех, кто мешает коммунизму. Поэтому в Управлении такая напряженная работа.

Огромный муравейник не спит. Работают облавы, стучат шифровальщики, секретные и строго секретные телеграммы летят из Управления в Москву и из Москвы — в Управление.

А тысячи людей, которые через несколько дней будут арестованы, спокойно спят.

Я отыскал Степанова. В комнате у него сидел солидный господин средних лет. В течение шестичасового допроса я узнал, что допрашиваемый — видный член „Влайки”, лично знакомый с Бераном, Моравцем и другими политическими деятелями Чехословакии.

Капитан Степанов не поспевал записывать те сведения, которые сообщал член „Влайки”.

Меня, по правде сказать, удивляет один факт. Смершевцы в последнее время больше интересуются чехами и антисоветской эмиграцией, чем немцами.

9 мая

День победы. Праздновать начали с 11-ти часов вечера, когда Москва объявила о капитуляции Германии, подписанной Кейтелем.

Стрельба, песни, танцы, опять стрельба, водка, поцелуи.

Жители Моравской Остравы перепугались.

— Что такое? Немцы возвращаются? Почему такая стрельба?

— Конец войны, пан! Конец войны!

Комендатура разослала надзоры по всему городу, чтобы прекратить стрельбу. Куда там! Стреляли и надзоры. Таков русский обычай.

В 10 часов утра подполковник Душник собрал у себя весь второй отдел. (Начальник второго отдела, подполковник Шабалин, уехал ночью с оперативной группой в Прагу со специальным заданием поймать Власова.)

Более ста офицеров присутствовало в больших помещениях виллы, занимаемой подполковником. (Это, конечно, только те, которые постоянно находились при Управлении по занимаемой ими должности, и частично такие, как я, оперативные работники, вызванные в связи с заданием.)

Подполковник Душник встал.

— Товарищи! Поздравляю вас с победой.

— Ур-р-ра-а-а-а!

Вид у подполковника был строгий, хмурый, совсем не праздничный.

— „И на нашей улице будет праздник” — сказал тов. Сталин в 1942 году, когда враг был под Москвой. Его вещие слова сбылись. Мы празднуем победу. Однако нам, работникам контрразведки, не следует забывать, что кругом нас — враги. Наше социалистическое государство окружено капиталистическим миром. Я не ошибусь, если скажу, что для нас война не кончилась. Нам предстоит много, очень много работы, быть может, более тяжелой и ответственной, чем до сих пор. Мы — оплот нашей социалистической страны. Мы должны гордиться этим. Враг не дремлет. Пусть в газетах пишут о договорах, о любви и дружбе, — нас это не касается. Капиталисты были, есть и будут нашими врагами. И, как таковые, они тайно работали, работают и будут рабо-

тать против нас. Запомните это, товарищи! Каждый наш промах может обойтись очень дорого нашей стране. Партия и правительство доверили нам ответственнейшую работу. Мы обязаны оправдать это доверие. Тайная война ведется во всех уголках мира. Шпионы, члены разных организаций, диверсанты и иные наши враги просачиваются к нам самыми разными способами. Смерть им всем во имя победы идей Ленина и Сталина во всем мире... Выпьем же за победу над Германией, за нашего мудрого вождя тов. Сталина и за верных сынов нашей социалистической родины — работников контрразведки.

Подполковник поднял стакан и начал чокаяться с офицерами, сидевшими поблизости.

Для меня слова подполковника не были новы. В процессе работы я давно почувствовал, что Советский Союз не признает ни за кем в мире правды. „Диктатура пролетариата” во всем мире — это не пустые слова. Иначе зачем столько убийств, зачем такая „жертвенная работа” и днем и ночью, зачем списки и списки? Зачем столько смершевцев?

В шесть часов вечера уезжаем в Прагу. Интересно, много ли нас поедет?

10—22 мая 1945 года

Вечером 9 мая наши студебеккеры тронулись в путь. Оперативную группу, насчитывающую около 100 офицеров (кроме бойцов и опознавателей), возглавлял полковник Козакевич. Он ехал впереди на американском „виллисе”.

Наш студебеккер, был вторым в колонне. Рядом со мной сидел майор Гречин и майор Надворный.

Здесь же были капитан Шапиро, капитан Степанов, майор Попов, капитан Миллер, капитан Шибайлов и десять других, мне незнакомых офицеров.

У каждого из нас, кроме пистолетов, был автомат.

Тихий вечер, убаюкивающая идиллия весны, распускающиеся кусты и деревья, зеленая трава, — все это, как ни странно, ничуть не располагало к хорошему настроению. Наоборот, все раздражало своей красотой.

— Тебя, Костя, ожидает большая работа, — обратился майор Гречин к майору Надворному.

— Судьба улыбается и мне... Членов НТСНП в Праге много.

— И у меня много адресов, — вмешался в разговор майор Попов. — Я боюсь только одного, контрразведка Конева может обогнать нас.

— Верно. Они будут в Праге раньше нас, — согласился майор Надворный.

Капитан Миллер рассказывал про красоты Праги, где он был до войны.

— Это город, в котором вы найдете все виды архитектурных течений, начиная с готики и кончая небоскребами...

В Штернберге мы остановились. Полковник Козакевич распорядился относительно нашего ночлега.

— С рассветом выезжаем, а потому ложитесь сразу, чтобы успеть отдохнуть.

В пять часов утра мы выехали из Штернберга. Движение на дорогах было очень живое. Бесконечные потоки автомашин, обозов, пехоты, артиллерии и других видов войск с потрясающей быстротой устремлялись к Праге.

Все чаще мы встречали колонны военнопленных немцев.

— Куда? — спрашивал их капитан Шапиро.

— Wir wissen nicht, — отвечали пленные.

— Теперь вы, сволочи, увидите Москву! — ругался майор Попов.

Он был в исключительно плохом настроении, злой.

За Оломоуцем мы стали наталкиваться на пробки в движении. Козакевич съезжал с дороги и по ржи, пшенице и траве объезжал препятствия.

Чехи высыпали на дороги.

— Наздар! На-зда-а-ар! — взлетало до облаков.

Корпус генерал-лейтенанта Беккера сильно мешал нашему быстрому продвижению вперед. Двумя, а иногда и тремя потоками двигались автомашины. Все на Прагу. Немцы, вооруженные с ног до головы, хмуро смотрели на нас, но не решались нападать.

— Куда? — спрашивали мы их.

Ответ был один и тот же.

— К американцам.

Смершевцы злились и ругались, но должны были смириться. Немцев было больше, чем нас, и всякая попытка приостановить немецкие колонны кончилась бы безуспешно.

Порою из соседних лесов доносились выстрелы.

Вооруженные немцы выходили из лесов, стреляли в воздух, ругались, показывали нам кулаки, потом присоединившись к своим колоннам, тоже уезжали к американцам.

Пыль, расстилавшаяся на километры по обеим сторонам дороги, выедала глаза. К двенадцати часам дня вся шинель моя, фуражка и лицо были покрыты толстым слоем пыли.

В селах, местечках и городах продвижение было еще труднее.

— Наздар! На-а-а-а-ар!

Радостному возбуждению чехов не было предела. Они нас встречали как освободителей, спасителей, долгожданных гостей.

Нет! Мы не несли им свободу. Мы несли с собой смерть, одну только смерть! Ведь мы — смершевцы! Какое нам дело до этих ликующих, улыбающихся девушек и юношей в праздничных одеждах? Нам нужно как можно скорее, добраться до Праги, арестовать там тысячи людей и потом допрашивать, мучить и, наконец, убить их. Убить!

Смерть шпионам! Смерть сотрудникам немцев! Но смерть и всем, кто, хотя и не сотрудничал с немцами, но не согласен с коммунизмом. Смерть им всем!

— Ты знаком с Волошиным? — обратился ко мне капитан Шибайлов.

— Нет.

— Познакомишься.

Я стараюсь отогнать так сильно волнующие меня мысли.

С Волошиным я не знаком, но знаю его в лицо. Знаю, что в 1939 году он был 18 часов президентом Закарпатской Украины.

Мое расстроенное воображение рисует одну за другой картины из времен украинского господства в 1939 году: Закарпатская Сичь в Бевковой школе. Хустский сейм. „Новая Сцена”. Ревай, братья Брашайки, Клочурак, Клемпуш. Беженцы из Галиции. Потом бой за Хуст, Червона Скала и Красне Поле. Затем приход венгров, — аресты, расстрелы.

И еще не кончилась трагедия. Сегодня ночью или завтра днем мы арестуем Волошина и многих других украинских сепаратистов.

Майор Надворный — и НТСНП.

Я вспоминаю своих друзей... Да. При мне письмо. Его нужно передать во что бы то ни стало.

Если бы знал майор Надворный, как запутана жизнь. У него в сумке материалы против НТСНП, у меня же — письмо, разоблачающее все намерения майора. Кто из нас будет более быстрым и ловким, я или майор?

Мой ум бешено работает, как предупредить друзей об ожидающей их опасности. Ум майора, наверное, строит сотни планов, кого и как арестовать.

Между мной и смертью — один шаг. Пусть! Игра мне нравится. Разве не интересно? Сумка майора Надворного касается моей сумки.

— Товарищ майор, вы бы закрыли лицо платком.

— Верно. Эта проклятая пыль заполнила весь мир. Черт ее возьми! Мне кажется, у меня в желудке ее, по крайней мере, фунт.

Майор последовал моему примеру, завязал глаза платком.

В Чаславе чехи устроили нам организованную встречу. На площади оркестр играл чешские песни. Тысячи людей кричали „наздар”. Девушки в пестрых национальных костюмах махали платками.

Наша колонна нигде не останавливалась. В Праге нас ожидала „крупная работа”. Дорог был каждый час, каждая минута.

За Чаславом мы то и дело встречали препятствия. Колонны немцев, где-то и кем-то остановленные, двигались нам навстречу.

Шум, крик, гул моторов, ругань, выстрелы, пыль, пыль во всем мире.

Вперед! Вперед!

— Наздар! На-а-а-зда-а-а-ар!

— Мать вашу так... с вашим наздаром!

— Уходите в сторону, не то раздавим!

— Was ist los?

— Съезжай с дороги! Валяй по ржи!

— Назда-а-ар!

— Verfluchte Kommunisten!

— Стой! Держи правее! Там мины!

— Смотрите! Власовцы!

— Сволочи!

— Изменники!

— Расстрелять их надо, а они возятся с ними!

— Эй, стой!

Наш студебеккер остановился. Майор Надворный сошел.

— Слушай, фрицы! Вылезай из автомашины.

Из легковой автомашины марки BMW вылезли немецкие офицеры.

— Ты, шофер, оставайся!

— Молодец майор!

Через полчаса у каждого из нас была легковая автомашина. Я ехал с капитаном Шапиро в „Татре“. Полковник Козакевич бросил „виллис“ и отобрал у немцев „Опель-адмирал“.

— Товарищи! Держитесь вместе!

Каждая минута приносила новые препятствия и новые трудности. Только в 8 часов вечера мы въехали в Прагу.

Трупы, баррикады, отсутствие света, торопливые пешеходы, солдаты, офицеры, „наздар“.

— На-а-а-зда-а-а-ар!

В отеле „Алкрон” кипела жизнь. Не удивительно — штаб повстанцев.

Я с майором Поповым и майором Гречиным зашел в „Алкрон”. Остальные смершевцы ждали на улице. Ковры, люстры, лакеи во фраках, американские солдаты, чешские генералы...

— Где штаб?

Портье проводил нас.

— Нам нужны квартиры для ста офицеров.

— Для какой части? — спросил чешский штабс-капитан.

— Это не ваше дело.

Чех нахмурил брови, но приказал барышне-секретарше выписать нам ордер на квартиры в отеле „Централь”. Барышня украдкой смотрела на нас и покачивала головой. Еще бы! Мы были похожи на кого угодно, только не на людей. На лицах пыль, смешанная с потом. В волосах пыль, везде пыль, грязь.

— Смотри, какие надменные хари у янки!

— Капиталисты...

Через десять минут мы были в отеле „Централь” возле „Прашной браны”.

Лысый метрдотель начал было записывать наши фамилии, но майор Попов прикрикнул на него, и старик решил предоставить нам полную свободу действий.

— Это кто такой? — спросил я капитана Шибайлова.

— Это барон Бергштейн.

— Глупости. Мне знакомо его лицо.

Капитан улыбнулся.

— Вполне возможно. Это Ворон, украинский сепаратист. Он приехал с нами как опознаватель

Вот она, настоящая измена.

Припоминаю, Ворон играл значительную роль во время республики Волошина. Теперь же он барон Бергштейн. Он вместе со смершевцами будет ловить „братів“-украинцев. Он будет смотреть в глаза Волошину и говорить: „Вы, Волошин, президент Закарпатской Украины. Я вас знаю. А вы...“

На этот раз „уновцы“ сильно подкачали.

Осмотрев свою комнату, я спустился вниз.

В столовой было пусто. Кельнер подошел ко мне. Сплошное внимание и преданность.

— Слушай сюда, пан... Глупости... — Я заговорил дальше по-чешски. Кельнер удивился.

— Вы чех?

— Нет, я русский. У меня к вам просьба.

— Слушаю.

— Вот вам этот конверт, — я говорил с расстановкой, стараясь вложить в свои слова как можно больше твердости, — по этому адресу разыщите этого господина...

Кельнер внимательно слушал.

— Передайте ему это письмо. Но только ему лично в руки. Если его не будет дома, расспросите у соседей, где он. Никому ни слова, ни о письме, ни о поручении... Если вы хоть одним словом обмолвитесь, я расстреляю вас. Если же его не будет дома, возвращайтесь немедленно ко мне. Я буду ждать. Еще одно. Если бы на квартире оказались военные, не попадайтесь им в руки. Вот вам... Буду ждать. Помните, в случае чего — расстреляю.

Кельнер принял конверт и деньги. Немного побледнел, но обещал все в точности исполнить.

Час напряженного ожидания... Уже мог бы возвратиться. Это не так далеко отсюда. Что если квартира занята чекистами и кельнер арестован?

Еще десять минут. Кельнера нет... Еще пять минут...

Что за чертовщина? Я не могу никуда идти. Это может быть подозрительно. В дверь постучали.

— Да.

Это был кельнер.

— Господин убежал четыре дня назад к американцам.

— Кто сказал?

— Соседи.

— Ладно! Можете идти! Никому ни слова, не то — пуля в лоб...

Кельнер ушел.

Отель оказался благоустроенным. Ванная комната, теплая вода. Великолепно.

Я выкупался и лег спать. Усталость взяла свое, и я быстро уснул.

В 6 часов утра часовые разбудили меня.

— Торопитесь. Майор Попов уже оделся.

— Ладно.

Во время завтрака кельнер рассказывал нам самым добродушным образом:

— Прагу, фактически, спасли власовцы. Если бы не они, эсесовцы уничтожили бы все...

Смершевцы слушали внимательно. Майор Гречин попросил меня перевести слова кельнера.

— Смотри, как оно удачно выходит. Власов — спаситель Праги. Нет, брат, шутишь... Передайте ему, что это неправда. Прагу спасли танкисты Рыбалко.

Я перевел кельнеру слова майора.

— Пусть будет так, — согласился благоразумный кельнер.

Мне и раньше нравились пражские кельнеры. Правда, они большие плуты, но деловитости в них было всегда с излишком.

— Поехали.

Майор Попов взял с собой четырех бойцов, и студебеккер тронулся.

Моджаны. Там украинская гимназия, центр украинских сепаратистов.

Аресты...

В 12 часов дня мы возвратились. Наша опергруппа переехала в Стжешовице, на Делостжелецкую улицу. Узнаю тебя, чекистская застава. На улице шагбаум. Пропускают только своих.

Красивые виллы, когда-то здесь помещалось Гестапо.

Майор сдал арестованных. Приехал Шапиро, тоже с арестованными... 40 легковых машин, студебеккеры, виллисы, шевролеты, зисы... даже эмочка одна. Непрерывный гул моторов.

Вот полковник Козакевич. Он в гражданском костюме. О, какой он красавчик!

Майор Гречин торопит меня.

— Идите быстро обедать. Работы много.

Дом № 11.

Смершевцы собрали все пишущие машинки. Пересчитали — 80 штук.

— Изрядно! — говорит капитан Шибайлов. Гестапо было не плохим учреждением.

— Вне всяких сомнений, — соглашается майор Гречин.

— Жаль, что все бумаги уничтожены...

Я ушел обедать.

Быстрее! Быстрее! Надо ехать в здание Гестапо в Бубенче. Майор Гречин, капитан Шапиро, капитан Наумов... Едем. Загудели моторы.

Здание Гестапо в Бубенче — своеобразный замок. У входа чешский штабс-капитан с охраной.

— Вход воспрещен!

— Что-о? — протяжно спрашивает майор Гречин.

— Вход воспрещен.

— Мы — офицеры НКВД...

Штабс-капитан моментально сдается.

— Пожалуйста, пожалуйста...

— Кто-нибудь уже был здесь?

— Нет!

— Вы ничего не увозили отсюда?

— Нет!

Началась погоня за документами. Взламывались двери, шкафы... Немцы, видимо, пожалели нас — все сейфы были открыты. Но нигде ничего. Все полки — пустые.

— Черт их возьми! Быть не может, чтобы сожгли все бумаги.

— Сожгли или увезли.

Ни в подвалах, ни под паркетом... нигде никаких следов.

В одной комнате капитан Наумов нашел двадцать литров водки.

— Не отравлена? — с боязнью спросил майор Гречин. Он любил выпить, и его охватило беспокойство, — а вдруг водка была отравленной.

— Не бойся, майор! Не погибнешь.

Однако, майор не решился пробовать.

— Интересно, где документы?

На вопрос майора никто не отвечал.

Я смотрел на все эти пустые полки с непонятным чувством. Сколько людского горя когда-то лежало на этих полках. Если бы горе имело вес, то все здание Гестапо провалилось бы от его тяжести в преисподнюю...

— Поступили „честно”, — промолвил капитан Шапиро.

— Плохо! Очень плохо. Сколько шпионов ускользает от нас.

В 11 часов вечера, после напрасных поисков, мы возвратились на Делостжелецкую улицу, в дом № 11.

— Товарищ Синевирский, зайдите к капитану Степанову.

— Есть, товарищ полковник!

Капитан Степанов жил на самом верхнем этаже.

— Садитесь.. Интересные у меня люди...

В комнату ввели среднего роста господина. Таких я когда-то видел много в Праге. Они все похожи друг на друга, эти постоянные гости ночных баров.

— Ваша фамилия?

— .....

— Занятие?

— Юрист.

— Итак! Нам некогда долго возиться с вами. — Я быстро переводил слова Степанова. — С каких пор вы работаете в Абвере?

— С 1942 года.

— Какое было ваше первое задание?

— Поездка в Константинополь.

— Зачем?

— Установить влияние Англии на Турцию.

— Ерунда. Более конкретно.

— Я там должен был связаться с одним англичанином.

— Фамилия?

— .....

— Ваше второе задание?

— Поездка в Анкару.

— Так. Вы специалист по Турции?

— Нет.

— Третье задание?

— Поездка в Стокгольм.

— Зачем?

— .....

— Власта Б. ваша жена?

— Нет, невеста.

— Любовница?

— Да.

— Она ездила с вами?

— Нет.

— Врешь, пан. Врешь! Мне известно, что она ездила с тобой в Стокгольм.

— Нет.

— Что?.. Дежурный! Приведите Власту.

Через пять минут втолкнули в комнату девушку лет двадцати. По правде сказать, я мало видел таких красавиц. Каштановые волосы, лучистые глаза, благородство в каждом движении.

— Власта, вы ездили с ним в Стокгольм?

— Да.

— Слышишь, пан?

Степанов ударил юриста по лицу кулаком. Очки юриста слетели на пол и разбились. Из носа потекла кровь.

Юрист посмотрел на Власту. В глазах его отразился ужас. Он начал всеми святыми, своей честью и совестью уверять капитана, что Власта не замешана в это дело, что она ничего не знала о его работе у немцев.

— Пожалейте хоть ее... — умолял он.

Власта начала дрожать.

— Уведите его.

Дежурные увели юриста.

— Зачем вы ездили в Стокгольм?

— Я люблю путешествовать...

— Что-о?

— Пан доктор хотел сделать мне удовольствие, поэтому взял меня с собой.

— Врешь, Власта?

— Честное слово.

— Врешь!

В глазах у Власты появились слезы. Возможно, что ей впервые говорили прямо в лицо такие грубые слова.

— Зачем ты ездила с доктором в Стокгольм?

Власта молчала.

— Говори, проститутка...

Капитан подошел к ней и... погладил ее по голове.

— Не плачь, дорогая моя... Всему в мире приходит конец. Ты, вот б...ствовала с доктором, разъезжала по заграницам, а тысячи людей из-за тебя умирали. Теперь медаль повернулась другой стороной. Ты умрешь, а те, которые раньше страдали, будут жить и радоваться.

Власта молчала.

— Слушай! Хотя ты и красива, и благородства в тебе много, но если ты мне не будешь отвечать на

вопросы, я выбью тебе зубы... Понимаешь? Выбью тебе вот эти белые красивые зубы. — При этих словах капитан дотронулся пальцами губ Власты.

— В последний раз предупреждают тебя... Зачем ты ездила с доктором в Стокгольм?

Власта молчала.

Капитан ударил ее кулаком по зубам. Она зашаталась, но устояла на ногах. Капитан ударил ее вторично. Власта упала на пол.

Началась оргия избиения. Капитан наступил сапогом на лицо девушки, потом стал топтаться в диком танце на ее груди.

Изю рта Власты потекла тоненькая струйка крови.

— Проститутка, мать твою так... Ты не прельстишь меня своими продажными глазами...

В три часа ночи капитан Степанов кончил предварительный допрос.

Я сходил с ума. Спускаясь вниз по ступенькам к себе в комнату, я испугался: вот-вот он набросится на меня. Кто же этот он? Да этот, кровавый, разве не видишь его?..

Я закрыл глаза и с минуту стоял на месте.

— А, это вы! Я как раз ищу вас! — вывел меня из оцепенения капитан Наумов.

— В чем дело?

— Нужно срочно перевести документы одного гестаповца.

— Пошли вы к черту со своими гестаповцами! Я устал, я смертельно устал и спать хочу...

— Я тоже устал. Но работа — прежде всего.

Наумов потащил меня к себе в комнату.

Я открыл окно. На улице стоял гул моторов. Кто-то привез новых арестованных. Зачем только их

возят сотнями? Ведь все подвалы уже битком набиты. Больше нет места. То есть, я вру. Места еще много. Вечером отправили первую партию в Управление. Да. Места еще очень много. Хватит для всех. Смерть шпионам, смерть всему роду человеческому!

— Эй, ты, чего оглядываешься? — донесся с улицы голос.

— А ты его прикладом...

Я закрыл окно.

Наумов привел старика-немца, совершенно лысого.

— Он работал здесь, в этом доме.

— Интересно.

— Слушай, фриц. Ты нам скажи толком, где то золото, которое вы отобрали у евреев?

— Ich weiß nicht.

Капитан Наумов набросился на немца.

— Ich weiß nicht, ich weiß nicht, ich weiß nicht!

В четыре утра я ушел от Наумова.

Рядом со мной жил капитан Шапиро. За стенкой пьяные голоса.

— Выпей, Ваня. Черт с ним, с этим Волошиным, или как ты его называешь, — язык капитана заплетался.

— Выпью, Виктор, выпью за смерть Волошина... Мы же с тобой старые друзья. И ты чекист, и я чекист.

Я лег на постель.

„Возьми пистолет и застрелись”, — нашептывал мне кто-то на ухо. Да, это он, кровавый, которого я видел на лестнице. Прочь от меня! Все к черту! И чекисты, и Власта... Боже! Если бы Власта даже была виновата... Нет, не могу. Эта маленькая струйка крови, вытекающая из ее рта.

„Встань и возьми пистолет. Не будь трусом. Ведь это дело одной секунды. Раз, два, три, четыре, пять... Если боишься пистолета, выпей цианистый калий. Он есть у тебя. Трус! Жалкий трус! Ты же должен быть твердым, решительным человеком. Если не хочешь умирать зря, походи и убей Козакевича. Это будет геройство...” Оставь, прошу тебя, оставь меня в покое. Я хочу спать. Я хочу забыть эту маленькую струйку крови... Да, вспомнил. Он наступил ей на грудь и танцевал... Какой это был танец? Смершевский? Нет! Дьявольский? Нет! Какой же?.. Оставь меня, кровавый. Я спать хочу. Я смертельно устал. Ну, если хочешь, чтоб я пустил себе пулю в лоб, я это сделаю... завтра. Сразу же утром, как проснусь... Оставь меня.

Коля, возьми себя в руки. Еще немного, и ты сойдешь с ума. Сделай последнее усилие. Напряги всю свою волю и прогони все эти кошмарные картины. Сделай это сразу, потом будет поздно, останешься на всю жизнь сумасшедшим.

Сколько вас во мне? Чего вы все вдруг пристали ко мне? Говорю же, что спать хочу, спать хочу, понимаете, чтобы не видеть этой маленькой струйки крови...

— Ваня, ты мой лучший друг. И... ты чеки..ст, и я... чекист... Выходит... мы оба чекисты... Га-га-га-га...

Раз, два, три, четыре... Вот он! Капитан! Стой! Ты же помнешь ей грудь! Смотри, какая маленькая струйка крови вытекает у нее изо рта. Капитан, какой это танец... Прочь все мысли! Убирайтесь к черту! Не хочу больше! Прочь! Прочь! Раз-два-три-четыре...

— Виктор, у... тебя... дома... красавица-жена. Она... изменяет тебе на каждом... шагу... Вот ты здесь пьешь со мной... а она обнимает... в постели другого... И у меня красавица... жена... так должно быть. Каждый чекист... и ты... и я... все мы чекисты... народ скромный...

— Хочешь, Ваня, я приведу тебе... красотку... настоящую, чешку...

— Не-ет! Не надо. Завтра... я пить хочу.

Раз-два-три-четыре... Господе, Иисусе Христе! Прости мне все прегрешения мои, избави мя от лукавого...

„Ха-ха-ха! Теперь молишься! Нет, ты не виляй душой. Ты точно такой же чекист, как и все остальные. Ты видел эту маленькую струйку крови и не заступился. Струсил. Если хочешь исправить свою вину, возьми пистолет и приставь его ко лбу. Ну, сделай же так, как делают настоящие мужчины. Ведь всего одна секунда...”

Утро. Светает. Смотри, через полчаса взойдет солнце. Солнце! Солнце! Где же оно? Когда оно взойдет? Через полчаса? Я не верю. Неужели так скоро? Через полчаса? Солнце... Зачем мне солнце? Зачем, вообще, солнце? Что оно в сравнении с этой маленькой струйкой крови? Ничего! Пустое место.

— Ваня... смотри, уже утро... спать надо... Не поедешь же ты пьяный... арестовыв...ать... этого, как его ну...

— Ах, да... сейчас вспомню... как его... ну... они в республи...ках... буржуйских... бывают... Да, вспомнил... ну-ка, ты вспомнил Виктор?

— Вспом...нил. Президента... Ты, Ваня, великий... человек. Арестовываешь... президентов... Ха-ха-ха... Но этот, которого ты... арестуешь... завтра, какой-

то убогонький... он 18 часов... так, что ли, был этим... как его — президен..том...

— Спать... надо, Виктор...

— Постой, президент... не убежит... Да. Спать надо. И я... великий человек. Вот завтра... нет, сегодня... арестую эсесовского... генерала... генерала... с крестами... строгого... хмурого...

В тумане виден генерал... в тумане... Нет, он здесь. Кто? Ветер? Трава!.. Зеленая... Луг... Галя...

*

В 8 часов утра дежурный боец разбудил меня.

— Пора вставать, товарищ младший лейтенант.

Я открыл глаза. Комната залита ярким солнечным светом. Радостная дрожь пробежала по моему телу. О том, что было ночью, не надо никогда думать! Никогда.

Чтобы действительно не думать о том, что было ночью, я быстро встал. Вот ерунда. Хотел было одеваться, а это лишнее — я одет.

Окатив голову холодной водой, я вернулся в комнату и закурил. Пора приучаться ни о чем не думать.

— Пожалуйста на завтрак.

Столовая находилась в вилле напротив.

У входа я встретил Козакевича. На его лице играла самодовольная радостная улыбка.

— Здравствуйте, тов. полковник!

— Здравствуйте... Ну, как выспались?

— Хорошо.

— Идите завтракать. Работы много.

В столовой я встретил Еву. Гадость! Мерзость! Действительно подлая душонка. Надела гражданское платье. Ведь видно же, что платье с чужого плеча. Так нет, это не важно. Главное, что платье настоящее шелковое.

— Здравствуйте, Коля.

Я кивнул головой и сел за стол подальше, в угол.

Вошел капитан Шапиро. Сел возле меня.

— Черт возьми! Я плохо выспался.

— Гуляли?

— Да.

После завтрака мы сели в нашу „Татру”. Молодой шофер чех из Смихова, завел мотор.

— Куда?

— К Страговскому стадиону.

Бедный шофер. Его определили к нам из „народного Вибора”. Мы же ему приказали ни на минуту не отлучаться от нас. Даже спать он должен с нами.

Из Стжешовиц на Страгов несколько минут езды.

Чешский капитан, начальник караула, встретил нас словами:

— Мне приказано в лагерь никого не пускать...

Шапиро вынул свою легитимацию.

— НКВД.

Слова протеста замерли на устах капитана.

— Да, да! Пожалуйте.

На огромном стадионе творилось что-то невиданное. Нет, это был не слет соколов. Это были десятки тысяч немцев, только что выгнанных из квартир. С грудными детьми, босые, грязные...

В центре находились солдаты.

— Кто начальник лагеря?

— Ich...

— Пойдемте с нами.

Шапиро сел на одно из лежащих в стороне бревен.

— Вы кто такой? Вернее, кем были в армии?

— Я — полковник фельджандармерии.

— Вот как! Отлично. Что за люди у вас в лагере?

— Самые разные.

— Соберите всех офицеров, начиная с чина майора.

— Jawohl.

В течение трех часов мы „проверили” весь высший офицерский состав.

— Надо ехать. Полковника фельджандармерии и майора СД возьмем с собой, — решил капитан. — По мелочам нельзя разбазариваться.

На Делостжелецкой нас встретил майор Гречин.

— Слыхали новость?

— Что такое?

— Интересный факт. Сегодня утром я встретился с одним моим бывшим сослуживцем, совершенно случайно. Он работает в контрразведке Конева... Так вот. Он рассказывал мне, как нашли труп Геббельса. Вообразите. Опергруппа Конева первая разыскала мертвое тело Геббельса. Известное дело, — находка крупная. Надо составить подробный акт. Нужны разные специалисты. Коневцы решили доложить высшему начальству. Для верности оставили караул. Через час возвращаются с начальством, с разными фотографами, врачами и т. д. Открывают дверь... пусто! Трупа нет. В чем дело? Опрашивают караульных. Те ничего не знают. Повертелись, поискали и решили, что или Геббельс не был мертвым и убежал, или те, кто нашли его труп, страдают галлюцинациями. На этом и разошлись. К вечеру выяснилось: жуковцы были хитрее, — влезли в окно и украли труп Геббельса. Сообщили в Главное Управление...

— Молодцы! — восторженно заговорил Шапиро. — Это мне нравится. Настоящее соцсоревнование.

Я решил, что Шапиро глубоко прав: социалистическое соревнование наиболее необходимо между смершевцами.

После обеда — отдых. Это единственное время, когда никто не работает. Оно неприкосновенно и в пражских условиях. Я тоже решил отдохнуть.

Не прошло и десяти минут, как необычный шум заставил меня выйти во двор.

На бетонированном дворе лежал человек. Господи! Ведь это Рафальский! Это он! Нет никаких сомнений. Сколько раз я видел его в Николаевской церкви. Я всегда любовался его благообразием: белыми волосами, белой бородой, умным и выразительным лицом.

— Умирает, — проговорил майор Надворный.

— Ну и черт с ним, — отозвался майор Попов. — Одним белобандитом меньше.

Я смотрел на залитое кровью лицо, на мозги, смешанные с пылью.

Лубянка! Зачем ездить в Москву смотреть на Лубянку? Она здесь.

Бедный старик! Коварное время обмануло его, вернее, примирило с большевизмом. У времени есть это неприятное свойство. И вот, Лубянка нашла этого благообразного старичка в Праге.

Лубянка в Праге, в Стжешовицах, на Делостжелецкой улице, в доме № 11.

Какое проклятье довлеет над нашим народом? Неужели он больше виновен перед Богом, чем другие народы? Почему русский народ страдает больше,

чем все остальные? Ведь любой другой народ грешит перед лицом Господним не меньше, а наказаний несет меньше! Пути Твои, Господи, неисповедимы...

Мозги, смешанные с пылью, на этом холодном бетоне! За что? За то, что этот старик когда-то родился дворянином? А может быть, за то, что любил свободу и во имя этой свободы предпочел жить вне Советского Союза. Во имя свободы он и бросился со второго этажа...

Кровь! Кровь! Кровь!

Она у нас в подвалах, она у нас по комнатам, она у нас на дворе. Мы — чекисты! Без крови нам жить нельзя. Это наша стихия.

Иоанн Грозный выкорчевывал измену. Для этого ему нужны были опричники! Но что опричники по сравнению с чекистами? Маленькая и невинная свора собак, не больше.

Мы не носим ни собачьих голов, ни метел. Нам хватает наганов. Управляет нами не Грозный Иоанн, а „мудрый” Сталин.

Бойцы завернули тело Рафальского в одеяло и куда-то унесли.

— Пойдем, Коля!

— Куда?

— В лагерь на Смихов.

— Зачем?

— Как зачем? Там полно шпионов.

Шпионы! Кто же из нас не шпион? Если считать шпионом каждого, кто не коммунист, тогда капитан Шапиро, бесспорно, прав.

— Поедем, капитан.

Лагерь военнопленных находился в здании какой-то школы, около смиховского пивоваренного завода.

Снова проверка документов, допросы, вербовка агентуры.

В шесть часов вечера мы возвратились в Стжешовице с арестованным эсесовским генералом.

Я вышел из машины. Бойцы увели эсесовца.

Подъехала автомашина капитана Шибайлова.

— Здорово, Коля! — Шибайлов улыбался. Его пухлое розовое лицо выражало удовлетворение только что исполненной работой.

— Узнаешь?

Я посмотрел в сторону грузного монсиньора, выходящего из машины.

— Волошин?

— Да, он самый. Ваш бывший президент.

Старик Волошин как-то расстерянно посмотрел в мою сторону. Навряд ли он даже видел меня. Взор его блуждал...

Я знаю, что он всегда был лишь игрушкой в руках более хитрых и сильных. Эти более хитрые и сильные ускользают от чекистов, но Волошина они оставили рассчитывать.

— Куда смотришь, поп? На небо? Поздно, поздно! Нужно было раньше Богу молиться, а не политикой заниматься.

Волошин слушал Шибайлова как-то безучастно.

— Ну, валяй, валяй вот с этим бойцом в подвал. Живее!

Волошин заторопился. Он как будто еще не верил, что его арестовали.

— Садись, Коля. Поедем на квартиру к эсесовскому генералу.

— Да, да. Поедем.

Шофер завел машину.

— Куда?

— Под Градчаны.

Я взглянул в сторону удаляющегося Волошина. Боец толкнул его в спину прикладом.

Эсесовский генерал жил богато. Ковры, великолепная мебель, картины, библиотека.

Два часа мы рылись в вещах генерала. Нигде никаких документов.

Шапиро взял флакон одеколona.

— Пригодится! Пошли!

— Куда? — спросил шофер. Это было единственное известное ему русское слово.

— На Бендову улицу.

Я вспомнил про Бендову улицу. Там наша конспиративная квартира. Какой-то русский эмигрант будет передавать нам секретные сведения.

В 11 часов ночи мы возвратились в дом № 11 на Делостжелецкой улице. Быстро поужинали и принялись за работу.

— Товарищ младший лейтенант! К майору Надворному.

Я медленно поднимался по ступенькам. Конец... Наверное, майор поймал кого-нибудь из моих друзей. Иначе быть не может. Зачем я нужен майору Надворному?... Засыпали меня...

— Садитесь!

Отлегло. Майор был приветлив, улыбался.

— Я вам прочту акт о самоубийстве Рафальского. Вы подпишете в качестве свидетеля...

Выяснилось следующее: по поручению полковника Козакевича майор Надворный должен был допросить Рафальского. Во время допроса майор вышел в коридор приказать дежурному принести воды.

Арестованный Рафальский воспользовался случаем: открыл окно и прыгнул вниз, на бетонированный двор. Арестованный Рафальский разбил себе голову, сломал правую руку. Через десять минут после случившегося — умер...

Я подписал.

— Спасибо! До свидания!..

Капитан Шапиро допрашивал эсесовского генерала. Я переводил его личные документы.

— Товарищ младший лейтенант! К капитану Степанову, — доложил связной.

— Передайте капитану Степанову, что я занят.

— Есть. Передать, что вы заняты.

Связной ушел.

На улице гудели моторы. Кто-то приезжал, кто-то уезжал. Я бросил удостоверение генерала и зашагал по комнате.

Если все затянется надолго, я сойду с ума. Бежать? Можно. Но я должен непременно заехать в Мукачево. Там у меня целый ряд документов.

В комнату вошел капитан Шибайлов.

— Коля, на минутку... Я арестовал одного чеха, очень подозрительного. Его жена живет на другой квартире. Нужно узнать адрес.

Я спустился с капитаном в подвал.

— Дежурный, вызовите Скживанека.

Открылась дверь. В темном подвале жались друг к другу арестованные. Их было так много, что не было места сидеть. Они стояли.

— Скживанек!

— Здесь.

— Выходи!

Капитан записал адрес жены Скживанека...

Я возвратился к себе в команту.

Капитан Шибайлов поехал арестовывать жену Скживанека.

В три часа ночи я решил все бросить и лечь. Не могу больше! Нет сил! Все мне кажется таким странным и непонятным, словно я не в реальной действительности, а в кошмарном кровавом сне.

Раздеться... Зачем? Все равно легче не станет.

Внизу в подвалах стоят арестованные. На улицах гудят моторы. Кто-то ругается. На дворе, в пыли, лежит Рафальский. Мозги, смешанные с пылью.

— Ты, генерал, не ври! — допрашивает Шапиро эсесовца.

А теперь бьет его... Все ерунда.

Но мозги, смешанные с пылью, — не ерунда. Нет, это результат человеческого мракобесия. Кого обвинять? Некого! Себя? За что? За то, что родился? Но я в этом не виноват.

Спать надо! Философия всегда доводит до чертиков. Кому вообще нужна философия? Смершевцам? Зачем? Они великолепно обходятся и без нее...

Шапиро — подлец. Знает, что я спать хочу. Так нет чтоб работать потише, — орет как сумасшедший. Да ведь он и есть сумасшедший. Все мы сумасшедшие. Кто из нас может улыбнуться чистосердечно, как улыбаются дети? Никто... Что я хотел вспомнить?.. Да! Я подписал акт о самоубийстве Рафальского. Прочь все мысли! Прочь, прочь! Три часа ночи. Что делать, как уснуть?

— Du bist kein General, du bist подлец...

Шапиро не только подлец, но и хам. Если он не жалеет меня, то хоть бы пожалел себя. Ведь ночь, глубокая ночь! Спать надо... Что делает Волошин? Богу молится? Поздно.

*

Сегодня 14-е мая. Полный расцвет весны. Я рад, что капитан Шапиро „плюнул” на работу и занялся грабежом. Как все просто в наших условиях! Все двери открыты. Никто не решается рта открыть, чтобы сказать слово протеста.

НКВД. Чехи боятся чекистов больше, чем гестаповцев в свое время.

В течение трех дней их отношение к русским переменялось на все сто процентов. Уже не кричат „наздар”.

У подполковника Шабалина 10 чемоданов разных ценных вещей. Капитан Миллер „переплюнул” всех — у него 15 чемоданов.

Шапиро „приобрел” аккордеон „Höhner”. Шибайлов хвастается двумя фотоаппаратами „Лейка”. Гречин собирает „коллекцию” ручных часов. Попов грабит, но, как всегда во всем, очень осторожно и тайно.

Козакевич надел на себя хороший костюм какого-то арестованного товарища министра и ходит в нем.

— Шибайлова ожидает выговор, — обратился ко мне Шапиро.

— За что?

— Не поймал Власова. Ездил в Пильзен — тоже без результата. Мне кажется, что Власова скрывают американцы.

Шапиро вышел из машины.

— Я только загляну в одну лавку.

Едва он отошел несколько шагов в сторону, я почувствовал на спину чью-то руку.

Смотрю — Лиза Л.

Шапиро может возвратиться каждую минуту. Он знает, что я никогда не был в Праге. Составляя свою автобиографию в Мукачеве, я написал, что за всю жизнь, помимо пределов Карпатской Руси, я был только в Будапеште.

— Здравствуй, Лиза. Извини, я не могу с тобой разговаривать. Прошу тебя, уйди... Когда-нибудь я все объясню тебе...

Лиза смутилась, покраснела и заторопилась.

Она сделала не больше пяти шагов, как вернулся Шапиро.

— Лавка закрыта... Поехали...

Шофер завел мотор.

Должно быть, я умею хорошо скрывать свои чувства, так как Шапиро ничего не заметил.

В душе же у меня была целая буря. Простая встреча с бывшей одноклассницей могла выдать меня: выяснилось бы, что я жил раньше в Праге, что я был связан с русскими эмигрантами, что я врал, что я „очень подозрительный молодой человек”, контр-революционер, шпион, изменник.

Пять минут назад расстояние между мною и смертью было меньше шага.

Интересно, какие цели преследует моя судьба? Должно быть, какие-то особенные, иначе она б не отводила от меня вот-вот неминуемую смерть.

Пока не следует радоваться. Кроме наших оперативных групп в Праге работают смершевцы Конева и Малиновского. Их гораздо больше. Возможно, что они уже арестовали кого-нибудь из моих друзей, и моя фамилия где-нибудь выплыла.

Майор Гречин говорил мне, что мы приехали в Прагу „незаконно”. Это значит, что Прага территориально принадлежит чекистам Конева и Малиновского. Ковальчук не устоял, чтобы не „поживиться добычей” в Праге, и послал нас сюда.

Мы, кажется, оправдали его доверие. Сотни арестованных тому порукой. Если же мы останемся в Праге еще несколько дней, то число арестованных перейдет за тысячи. Ковальчук получит следующую звездочку и какой-нибудь крупный орден.

В шесть часов вечера в одной из комнат Смиховской школы произошел следующий случай:

Вошел худой, как и все остальные, военнопленный немец. На вид он ничем не отличался от тысячи других военнопленных.

— Я хотел бы с вами поговорить, — обратился он к нам.

— В чем дело? — спросил капитан Шапиро.

Немец откашлялся.

— Я работал агентом английской разведки...

— Интересно.

— Как рабочему гамбургских доков, — продолжал немец, — мне легко было давать ценные сведения англичанам.

— Так... Чего же вы хотите от нас?

— Чтобы вы отпустили меня на волю.

Капитан Шапиро хитро улыбнулся...

— Хорошо. Поедем с нами...

В доме № 11 между мною и капитаном произошел весьма короткий разговор.

— Однако, английская разведка хромает. Я удивляюсь англичанам...

— Почему?

— Они плохо инструктируют своих агентов. Агент не смеет (он должен запомнить это на всю жизнь!) никому и никогда говорить о том, что он агент.

— В данном случае это понятно. Человек попал в тяжелые лагерные условия. Подумал, что война окончена, и что его, как скрытого врага Гитлера, отпустят на волю... Своего рода оправданный обман.

— Как раз против таких возможностей и должны были англичане инструктировать этого немца.

— Что же будет с ним?

— Таких случаев у нас было много. Известное дело — смерть шпионам! Ну, поехали. Еще надо побывать на Бендовой улице, проверить одну квартиру в Бубенче, допросить этого английского агента...

В два часа ночи я лег спать с твердым намерением уснуть. Фабрика смерти продолжала свою работу. Приезжали автомашины и привозили новых арестованных. В соседних помещениях шли допросы. Слышались крики и стоны неизвестных мне людей. Под такую музыку тяжело засыпать... Если бы не смертельная усталость, я бы долго не уснул, но... есть пределы человеческой выносливости...

*

Весь народ высыпал на улицу встречать президента Бенеша. Дети, девушки, взрослые и старики — все в праздничных одеждах с флажками в руках.

Жители Праги и раньше отличались особой склонностью к разного рода встречам. Вывешивались флаги, жители выходили на главные улицы. Ни пройти, ни проехать. Так было и сегодня.

Капитан Шапиро ругается. Из Смихова нельзя попасть на Бендову улицу.

— Черт возьми... Как проехать? Опаздываем.

Я смотрел на радостные лица чехов и завидовал им. Действительно, счастливый народ. От войны они пострадали меньше остальных. Искренне радуются приезду своего президента.

Мы же, как проклятые, спешим, спешим и спешим.

Зачем?

Чтобы успеть арестовать как можно больше врагов советского правительства.

Европа должна стать коммунистической. Это делает не компартия, не московские газеты и радиостанции, а мы — чекисты, вернейшие из верных детей „мудрого вождя”.

*

Сегодня 20 мая. Вечером уезжаем из Праги в Пардубице. Смершевцы работают во всю: отправляют последние группы арестованных в Управление, грузят чемоданы с награбленными вещами, „заматают следы”.

Я все еще не верю, что опасность моего ареста миновала, вернее отдалилась на... неопределенное время.

Наши опергруппы никого из моих друзей не арестовали.

Опергруппа подполковника Шабалина не поймала Власова. Не поймали его и смершевцы Конева. Если бы кто-нибудь его поймал, нам было бы это известно.

Власов, бесспорно, у американцев.

23 мая

Пардубице. Блоки домов около городского парка. Шлагбаумы...

Я спокойно работаю... Проверяю архив Пражского опорного пункта по делам русской эмиграции. Архив был захвачен нами в Праге. Если бы Ефремов был здесь, я дал бы ему по морде... Неужели у него не было времени уничтожить все эти бумаги, картотеку и фотографии?

Только что я порвал свою фотографию.

В 1942 году я должен был регистрироваться у Ефремова. Тогда же я дал ему свою фотографию и притом какую! — настоящий белогвардеец. В черной гимнастерке, в фуражке с кокардой!

Порвал я и десятки фотографий знакомых мне людей.

Товарищ Ковальчук, не беспокойтесь, архив в надежных руках.

24 мая

Сегодня мне помогал младший лейтенант Кузякин.

— Слушай, Коля, — обратился он ко мне, держа в руках какую-то бумажку. Тут хорошо сказано... Это заявление какого-то русского эмигранта. „Я всегда считал себя русским. В годы кризиса, когда русских не принимали на работу, я ни разу не назвал себя чехом"... Молодец, а?

Кузякин — двадцатидвухлетний младший лейтенант-смершевец. Он плохо разбирается в запутанных делах внутренней и внешней политики Советского Союза. Он искренне радуется, что какой-то русский эмигрант в тяжелые минуты жизни не отказался от своей национальности.

В 12 часов ночи меня вызвали к Ковальчуку.

— Войдите, — сказал мне адъютант генерала, капитан Черный, показывая на большую белую дверь.

В глубоком кожаном кресле за круглым столом, сидел генерал-лейтенант Ковальчук. Яркий свет настольной лампы освещал его смеющиеся глаза.

По правую сторону от Ковальчука сидел подполковник Горышев, начальник отдела кадров.

— Садитесь, товарищ переводчик, — обратился ко мне Ковальчук своим привычным семейным тоном, выслушав мой рапорт.

— У меня к вам просьба. Переведите мне вот эту статью... — Генерал-лейтенант протянул мне чешскую газету с портретом Гитлера в черной рамке на первой странице.

— Дубень — это какой месяц? — спросил меня подполковник Горышев.

— Апрель.

— Так...

Я начал переводить статью, в траурных выражениях описывающую геройскую гибель Гитлера во время битвы за Берлин. Генерал внимательно слушал.

— Погиб ли Гитлер, или жив до сих пор — для меня большая загадка, — заговорил Ковальчук после того, как я закончил перевод. — Если и погиб, то не

в Берлине... Вас, товарищ переводчик, не замучили работой?

— Нет. Меня замучила работа...

— Привыкнете. В свое время и мне не нравилось сидеть по ночам и допрашивать арестованных. Но привычка победила.

Наступило молчание.

— Разрешите идти?

— Да. Спасибо вам!

Я вышел.

Советская контрразведка ничего не знает о судьбе Гитлера. Остаются следующие вероятности: или Гитлер погиб (но не в Берлине), или где-нибудь скрывается, или... во всяком случае, он не в руках у советов.

Вообще, все видные деятели гитлеровской Германии предпочли сдаться англо-американцам.

28 мая

Три дня я разъезжал с заместителем начальника фронтовой разведки по лагерям военнопленных.

На московский парад нужны немецкие знамена и разные другие военные трофеи.

Вчера вечером мы возвратились и доложили начальнику штаба полковнику Жукову: немцы никогда не брали с собой в походы боевых знамен, знамена оставались в штабах запасных батальонов, а потому никто из военнопленных и не знает об их судьбе.

Полковник Жуков начал ругать какое-то начальство.

— Всегда что-нибудь придумают, а ты отчитывайся... Спасибо вам, можете идти.

30 мая

В комнате капитана Шапиро было накурено. Вокруг стола сидели смершевцы.

— Выпьем, товарищи, — кричал Черноусов.

— За что же выпьем? — спросил Кузякин.

— А ни за что...

Майор Гречин посмотрел исподлобья на Черноусова.

— Вы, товарищ майор, не сердитесь... Я хочу выпить... Европа мне осточертела...

Черноусову все сходило с рук. Он был организатором выпивки по случаю своего производства в старшие лейтенанты.

— Европа, товарищ Черноусов, не так уж плоха. Мы ее прочистим, как следует, так сказать, выкорчуетем из нее буржуазную психологию, — тогда она станет совсем хорошей.

— Я тоже смотрю на Европу, — вмешался в разговор Шапиро. — Чем больше мы уничтожим всяких панов, панишек и их прихвостней, тем лучше для нас.

Вошел сержант Сашка и доложил, что по приказанию подполковника Душника я должен отправиться с ним в лагерь по репатриации советских граждан.

Мне не хотелось уходить. Я рассчитывал узнать много интересных сведений от пьяных смершевцев. Водка развязывала им языки, и они более открыто высказывали свои взгляды. Но — приказ приказом,

особенно подполковника Душника. Попробуй послушаться — сам не рад будешь.

Лагерь находился в десяти минутах ходьбы от Управления. Сашка провел меня к маленькому расторопному капитану.

— Садитесь, товарищ переводчик, — обратился ко мне капитан, показывая на свободный стул. — Мне нужен срочно перевод нескольких документов.

Я осмотрел хмурого белобрысого парня, сидевшего перед письменным столом. „Очередная жертва красного террора” — подумал я и принялся за перевод.

Белобрысого парня, как я узнал из документов, звали Андреем П.

— Как же так, — звучал строгий голос капитана, — ты, сукин сын, мать твою растак... не отступил вместе с Красной армией, а остался? Ведь ты подлежал мобилизации?..

Андрей П. молчал. Его хмурое взволнованное лицо говорило о глубокой душевной борьбе и на все готовом отчаянии. Он переводил напряженный взгляд с одного окна на другое.

Капитан, как будто, заметил что-то и немного понизил голос.

— Чего же ты молчишь? Ну?

Андрей нервно дернул головой и крепко сжал зубы. Видимо, он не слушал капитана, а что-то думал, волнуясь и решая... Вероятнее всего, он обдумывал план действий, — наброситься ли на капитана, потом на меня, а там... за окно. Или оставить нас в покое и сразу в окно. Ночь темная, не выдаст.

— Говори, сволочь, иначе я буду выбивать из тебя ответы нагайкой...

Андрей, словно очнувшись, вскочил... потом медленно сел обратно.

Капитан приоткрыл ящик письменного стола и взял наган.

— Пристрелить хочешь? — заговорил вдруг Андрей, медленно поднимаясь. — Сволочь, кровопийца... Чего же ты медлишь? Стреляй!

Он нервно дернул рукой пиджак, пуговицы отлетели. Вторым рывком он порвал рубашку и обнажил грудь...

— Стреляй! Сволочь!

Столько презрения, ненависти, а вместе с тем и отчаяния было в его словах, что капитан невольно опустил руку с наганом.

Наступило мучительное молчание.

Капитан, ошеломленный выходкой допрашиваемого, растерялся. Однако замешательство его длилось недолго.

— Так?.. Дежурный!

На крик капитана вбежал младший сержант.

— Есть, товарищ капитан!

Андрей бросил презрительный взгляд в сторону дежурного:

— Еще одного подлеца позвал!

Младший сержант замахнулся. Андрей вовремя схватил его за руку.

— Не тронь!..

Сержант вырвал руку... завязалась страшная борьба между младшим сержантом и Андреем.

— Убийцы! Душегубы! Кровопийцы...

— Караул!

Через несколько секунд в комнату вбежали еще два солдата.

Андрей погубил себя своей нерешительностью. Если бы он действовал быстрее, он мог бы убежать.

Но теперь сила взяла верх. Его скрутили и потащили куда-то.

Капитан нервно шагал по комнате.

— Я тебя проучу! Постой! Ты у меня... Сукин сын! Изменник!

Мне было не до писем.

Здесь только что подписал себе смертный приговор смелый русский человек, не побоявшийся называть чекиста сволочью. Если его не расстреляют, то дадут 20 лет принудительных работ, которые равносильны двадцати смертям...

А ведь по сообщениям московской радиостанции, этот русский человек, переживший немецкую каторгу, достоин глубочайшего уважения и сострадания. Но это только по радиосообщениям... На самом же деле, раньше немцы плевали ему в душу, как „остарбайтеру”, теперь же „свои” судят, как изменника. А „свои” куда страшнее. Нет, хоть убей, не могу больше. Нет сил у меня. Если бы мне не... Что говорить! Нет, надо сохранить твердость и непреклонность и довести дело до конца.

Где только ни гибнут русские люди!

Они умирали на фронтах за ненавистный им коммунизм, они умирали в немецких лагерях, в немецких тюрьмах. Они умирают в далекой Сибири, в застенках НКВД, СМЕРША...

Но никогда и никому не преодолеть силу русского народа. Он пережил татарское иго, пережил Смутное время, переживет он и коммунизм...

10 июня

Вчера майор Гречин разговорился о Закарпатье. Оказывается, наши карпатские коммунисты совсем не действовали хаотично, как мне казалось. Иван Иванович Туряница получал указания непосредственно от генерал-лейтенанта Ковальчука и от членов военсовета Мехлиса. Я был очень наивен в своих рассуждениях о нашей закарпатской компартии. Указания она получала из Москвы точно так, как и компартии всех стран.

Мне часто доводилось слышать неважные отзывы о маршале Жукове. Майор Гречин рассказывал, якобы маршал Жуков на одном из банкетов сказал: „Кто спас Россию? Я!”

— Это он слишком зазнался, — добавил майор.

На нашем фронте действия генерала армии Ефременко контролирует генерал-лейтенант Ковальчук. На фронте Жукова не может быть иначе. Знает же маршал Жуков, что в военсовете его фронта сидит надежный начальник управления контрразведки СМЕРШ.

Должно быть, маршал Жуков очень сильно надеется на свой авторитет и популярность в армии? Не мало ли этого для красного Кремля?

14 июня

Вчера было 13-е число... по всем признакам неприятный день.

Наша опергруппа (Шапиро, Черноусов, Кузякин и я) работали в лагере немецких военнопленных в Пардубицах, во фронтовом здании казарм. Мы про-

веряли высший состав. За генерал-лейтенантом Беккером и другими генералами последовали полковники и подполковники.

На этот раз я работал с капитаном Шапиро, а с Черноусовым работал младший лейтенант Кузякин.

Примерно часов в 10 утра к нам вошел толстый подполковник. Круглолицый, краснощекий, лысый, с пронизывающим взглядом, он выделялся чем-то из среды прочих немецких офицеров.

— Садитесь, — предложил ему капитан.

Я закуривал и по привычке протянул портсигар и подполковнику. Он взял сигарету и вежливо поблагодарил.

— Ваша фамилия? — спросил капитан.

Подполковник как будто нехотя назвал свою фамилию, с поразившим меня чисто славянским окончанием.

— Где вы родились?

— В Вене.

— Отлично! — капитан Шапиро был в очень хорошем настроении. — Великолепно!..

Я не понимал, что в этом великолепного, что подполковник родился в Вене!

— Судьба австрийцев гораздо легче судьбы немцев. Война кончилась. Вы отделаетесь несколькими месяцами плена и поедете домой...

Подполковник с редкой жадностью курил, глубоко затягиваясь. Его лицо выражало удовольствие. Взгляд его потерял характерную остроту.

Капитан Шапиро продолжал болтать о пустяках. Его интересовали самые элементарные сведения... как снабжалась в последнее время немецкая армия, сколько марок в месяц получал лейтенант немецкой армии, сколько подполковник и т. д.

Подполковник отвечал охотно на вопросы капитана.

— Я вижу, что вы человек серьезный. Скажите мне откровенно, верили ли немцы до конца в свою победу?

— Да.

— Интересно... На чем же основывалась эта их вера?

— Я боюсь утверждать, но слухи о новом, неслыханном оружии, по моему мнению, были не только пропагандой Геббельса для поддержания духа армии и населения. За этими слухами скрывалась обоснованная реальность...

Более точной информацией о новом оружии подполковник не располагал.

Капитан ловко перевел разговор на немецкую разведку. Он считал ее не плохой, но...

— ...были больше недочеты. Особенно в работе разведки в Советском Союзе.

— Вы правы. Наша разведка встречала в Советском Союзе весьма серьезные препятствия. Мне известны случаи крупных провалов.

— По достоверным источникам?

— Да... Мне самому довелось соприкоснуться с нашей разведкой. — Подполковник сразу же, видимо, спохватился, но было уже поздно. — Теперь война кончилась и обо всем этом можно говорить, как об истории...

— Конечно! Как же это вы соприкасались с вашей разведкой?

Подполковник молчал. В душе его, должно быть, боролись сомнения.

-- Вы не думайте, что вашими сведениями вы мне окажете серьезную услугу. Война кончилась, и ваши

сведения могут быть интересны только с исторической точки зрения.

— Дело в том, — начал подполковник с расстановкой, — что когда-то я был связным офицером между нашей разведкой и разведкой Румынии. Я хорошо говорю по-румынски...

Шапиро предложил подполковнику еще папиросу.

— По-моему, румынская разведка — дело не-серьезное.

— Я бы не сказал, — запротестовал подполковник.

Из этого разговора выяснилось, что подполковник „весьма серьезный человек”. Он сыпал, как из рукава, сведениями о румынской разведке, называл фамилии начальников ее, упоминал их темные дела. Круг знакомств подполковника — невероятных размеров. Он захватывает почти все правящие круги Румынии Антонеску.

Выяснился еще один важный факт. В последнее время подполковник занимал должность заместителя начальника отдела кадров „Мильамта” в Берлине.

Капитан Шапиро торжествовал. Он часто мечтал поймать „серьезного человека”. На сей раз не было никаких сомнений, подполковник — „серьезный человек”, пожалуй, весьма и весьма серьезный!

Подполковник продолжал делиться с нами своими „историческими” сведениями о немецкой разведке. Он долго говорил о Канарисе, потом о Кальтенбруннере, о важнейших новшествах с 1942 года. Благодаря этим новшествам, немецкая разведка перестала быть „настоящей разведкой”.

Память у подполковника была изумительна. Он помнил фамилии многих начальников и членов немецкой разведки заграничных округов.

По его словам выходило, что основную работу в Советском Союзе немцы вели через Турцию, Финляндию, а впоследствии и через Швецию.

После трехчасового разговора к нам в комнату вошли Черноусов и Кузякин.

— Это что за птица? — спросил Черноусов.

— Весьма „серьезный человек”, — спокойно ответил капитан Шапиро. — Не иначе как заместитель начальника отдела кадров Мильамта в Берлине. Лично знаком с Гитлером и всей верхушкой Германии.

— Неужели? Чего же ты возишься с ним? Отвезем в Управление... Там он у нас и то расскажет, чего не знает...

— Да. У вас есть какие-нибудь вещи в лагере? — обратился он к подполковнику. Голос капитана изменился до неузнаваемости. Это был голос не собеседника об „исторических событиях”, а голос смершевца.

Меня, по правде сказать, удивило поведение подполковника. Так глупо засыпаться мог только неопытный член „абвер-командо”, но не такой видный работник немецкой разведки.

Последний вопрос показал подполковнику, что он совершил непоправимую ошибку. И на лице капитана уже не было ни тени добродушия и откровенности.

— Что вы со мной сделаете?

— Это не ваше дело! — машинально ответил капитан.

Черноусов сделал у подполковника обыск.

— Смотрите, цианистый калий!

Я взял из рук Черноусова маленькую реторту полную цианистого калия.

— Этой дозы хватит на десять человек...

— Кто его знает! Вишь, какой он здоровенный...

— Зачем вы носите с собой цианистый калий? — строго спросил Черноусов.

— Так, на всякий случай. Впрочем, вы сами знаете — зачем.

Слова подполковника дышали полной безнадежностью. Фактически, его лишили последней надежды избавиться от предстоящих мучений. А что они его ожидают, он не мог не знать. Все разведки действуют по одному и тому же принципу: выведать как можно больше сведений у противника. Разница только в методах допросов. Советы действуют грубо, не стесняясь. Для достижения цели все установленные правила — предрассудок. Точно так действовали и немцы, и венгры, хотя и более осмотрительно.

Разница — в наказаниях. Во время войны Советы поголовно приговаривали к смертной казни. Теперь смертная казнь в большинстве случаев, заменяется 20-ю годами принудительных работ. По моему мнению, 20 лет концлагеря — более жестокий приговор, чем смертная казнь.

Венгры редко приговаривали к смертной казни. Немцы — чаще...

Глупо, очень глупо засыпался полковник. Его показания будут стоить жизни многим десяткам, если не сотням людей. Шутка сказать! — офицер связи между румынской и немецкой разведками. Сколько людей замешано в эти темные дела!

Вот что значит оплошать на одну минуту.

Слава Богу, я слишком хорошо знаю смершевцев, чтобы поступить подобным образом. Всякое

признание или раскаяние — смерти подобно. Или смерть во время допроса, или расстрел по приговору „тройки”, или многолетнее и верное умирание в концлагерях.

Капитан Шапиро доложил подполковнику Шабалину о случившемся. (Непосредственный наш начальник, майор Гречин, уехал сегодня утром в какой-то лагерь военнопленных. С окончанием войны число военнопленных сказочно увеличилось. Администрация не справлялась с возложенной на нее работой. В связи с этим пришел приказ из Москвы передать „заботы” о военнопленных в руки смершевцев. Генерал-лейтенант Ковальчук назначил на эту работу майора Гречина.)

Подполковник Шабалин доложил генерал-лейтенанту Ковальчуку. Последний послал запрос в Москву на имя генерала Абакумова.

Утром пришел приказ допросить немецкого подполковника на месте, с целью воспользоваться его сведениями, и затем отправить его самолетом в Москву.

Сегодня работа кипит. Больше всего достается мне. Какой бы следователь ни допрашивал подполковника-абверовца, я везде фигурирую в качестве переводчика. Наверное, и ночью не придется спать. Проклятая работа...

15 июня

Ходят слухи, что весь наш Четвертый украинский фронт будет переброшен на Дальний Восток... на борьбу с японцами. Этого еще не хватало! Нет, товарищи, как хотите, на японский фронт я не поеду.

Освенцим. Этот маленький городишко знаком всему миру. И знаком нехорошей, кровавой славой. Здесь были крупнейшие фабрики смерти гитлеровской Германии.

Я поселился у Яна Ляха, в поселке между городом и „кирпичным лагерем”.

Ян говорит, что в этих трех освенцимских лагерях немцы погубили не менее пяти миллионов людей разной национальности. Волосы становятся дыбом! Пять миллионов — небольшое государство.

В „кирпичном лагере” сохранилась первая, „пробная”, газовая камера, построенная по приказу Гиммлера. Через некоторое время были построены четыре камеры в „деревянном лагере”. Первая фабрика смерти была „сдана в эксплуатацию”.

Ян показал мне картину какого-то неизвестного художника-картожника. Я плохо разбираюсь в изобразительном искусстве и не берусь судить о ее художественном исполнении, но произвела она на меня жуткое впечатление. Нарисована цветными карандашами. Сюжет — музыканты-каторжники: люди-скелеты играют на разных инструментах... для увеселения эсесовцев.

Картина исключительно метко передает весь дух концлагерной Германии.

Я хотел купить картину у Яна. Но он — парень себе на уме: заломил такую цену, что только американскому миллионеру под стать.

В „кирпичном лагере” теперь военнопленные, а в „деревянном”, большем, — русские репатрианты. Их около двадцати тысяч. Кругом — часовые.

В лагере работают смершевцы (смершевские ре-

зервы). 50 человек офицеров. Отношение смершевцев (что равносильно отношению советской власти) к этим русским людям значительно ухудшилось. Объясняется это тем, что многие „остарбайтеры” не желают возвращаться на родину. Смершевцы вылавливают их и, ясно, сажают за проволоку.

При каждой комендатуре есть смершевцы. Они приказывают польским властям собирать „остарбайтеров” и передавать по назначению.

Что ждет этих трижды несчастных людей, — трудно сказать. Во всяком случае, многолетняя каторга...

Я работаю в опергруппе Шапиро. Нас 6 человек офицеров, 8 бойцов и 8 опознавателей. Работаем мы в „кирпичном” лагере.

Военнопленных здесь очень много. Около 40 тысяч. Опознаватели почти все немцы. Они одеты в русские солдатские формы. К каждому из них приставлен солдат. И вот, с утра до вечера бродят по лагерю 16 человек... Результаты налицо. Каждый день приносит значительный „улов”.

21 июня

Вчера приезжал майор Кравец с опергруппой (6 офицеров и 10 опознавателей). Майор родом из Одессы.

Он недавно возвратился из Ужгорода. Там работал у подполковника Чередниченко. Сообщил мне много интересных сведений. Оказывается, у нас идет жуткая чистка... Прямо страшно! Что будет с нами, русинами? Советы, видимо, хотят нас уничтожить как бытовую единицу. За что?

Кравец говорит о Прикарпатской Руси, как о чем-то таком маленьком и незначительном, о чем и не стоит упоминать. Он хвастается, не такой уж он сильный!

Вообще, я давно наблюдаю за странной психологией смершевцев. Для них Польша — так себе, странишка, с которой можно считаться, но не обязательно. Чехословакия для них — раз плюнуть! Венгрия, та Венгрия, с которой мы, русины, ведем тысячелетнюю борьбу, — не важнее Чехословакии.

Смершевцы говорят о государствах, как об Иване Ивановиче или Петре Петровиче: „Захочу — в морду дам, захочу — помилую”.

30 июня

Управление находится в Гинденбурге. Младший лейтенант Кузякин, только что возвратившийся оттуда, говорит, что в скором времени весь наш фронт будет посажен на автомашины.

Уже получен приказ передать всю занимаемую нашим фронтом территорию фронту Конева. Нашей опергруппе приказ — перейти на работу в лагерь русских репатриантов. Немцы все равно будут работать в Советском Союзе, и с ними возиться нет смысла. Работа в репатриационных лагерях в данное время важнее.

5 июля

Что-то страшное творится со мною...

Позавчера мы переехали в „деревянный” лагерь.

Погода была замечательная. Солнце, плавно скользящее по небу, бесчувственные, немые облака. Развесистые деревья, телеграфные столбы, перекре-

стные дороги, трава, кусты, река... Смотрел я на этот мир, как будто живущий своей особой, непричастной к нашей, людской, жизнью...

Вечером, по окончании связанных с устройством жилья хлопот, я вышел подышать свежим воздухом.

Наши бараки охранялись часовыми. В ночной полутьме как-то зловеще сверкали их длинные трехгранные штыки.

По левую сторону тянулся ряд проволочных заграждений. Острые крючки, освещенные электрическим светом, напоминали расставленные лапы пауков, подстерегающих добычу.

По другую сторону проволочных заграждений прохаживались мерным шагом часовые, тоже с трехгранными штыками.

Дальше — темная ночь. Мне казалось, она с коварным любопытством смотрела на наш лагерь. Странная! Могла же она и раньше насмотреться вдоволь на лагерь смерти.

По правую сторону виднелись ровно расставленные маленькие деревянные бараки. Последние из них тонули далеко-далеко в тусклом свете электрических фонарей. В бараках темно, там, может быть спали, а может быть волновались, страшась неизвестного будущего, русские репатрианты.

В самых крайних бараках помещены власовцы. Они отгорожены от остального лагеря проволокой и охраняются тщательнее остальных.

СМЕРШ их не трогал. Допрашивать не было смысла. Их судьба давно была решена красным Кремлем. Все они были обречены на многолетнюю каторгу.

Кругом царила мертвая тишина. Только шаги часовых зловеще напоминали о бдительности советского правительства, об „отеческой” заботе его о своих гражданах.

В смершевских бараках кипела работа. Снаружи этого не было видно: все окна были замаскированы одеялами.

Нечего смотреть на колючую проволоку, — решил я и поспешил возвратиться к себе в комнату.

Стол мой завален разными документами и письмами репатриантов. Я принялся за работу.

Как-то стыдно было мне читать эти письма. Люди, которых я никогда в жизни не видел, вставали передо мной, как живые.

Вот письмо матери, писавшей своему сыну в Берлин: „Дорогой мой Ванечка... Мы, слава Богу, все живы...” В конце письма: „Да хранить тебя Господь Бог! Целую тебя крепко, крепко...”

Совсем так писала и мне моя мать...

Я вложил в конверт все документы и письма „Ванечки”, не найдя в них ничего подозрительного.

В этот момент в дверь постучали.

— Товарищ младший лейтенант! К майору Глазунову.

Комната майора Глазунова находилась в конце соседнего барака.

Зачем я понадобился Глазунову? Наверное, срочный перевод каких-нибудь документов.

По коридору прохаживались дежурные.

— Сюда, товарищ младший лейтенант.

Я перешагнул порог...

У окна стоял майор Глазунов. В душе у меня что-то дрогнуло. Майор смотрел на меня безумными, безжизненными глазами. Лицо его выра-

жало какую-то устремленность в загадочный мир. Угловатый, выпяченный вперед подбородок, бледность, растрепанные волосы, сжатые тонкие губы.

Но этот безумный взгляд! Он бывает только у душевнобольных.

Длинные опущенные руки, растопыренные пальцы. Вся фигура выражает готовность на что-то броситься...

— Переведите мне вот этот документ! — сказал майор, не меняя позы.

На столе валялись папки, документы, разбросанные окурки вокруг пепельницы, пепел. Тут же лежала небольшая дамская сумочка из старой потертой пластмассы. Рядом с сумочкой — фотографии, письма, документы...

Густой табачный дым, окурки на полу...

Меня настолько поразил вид майора, что я даже и не заметил щупленькой девушки, сидевшей в углу на табуретке.

Девушке было не более двадцати двух лет. Она сидела, сжавшись, комочком. Руки ее дрожали. Каштановые волосы свисали на сторону. В глазах ужас, трепет и еще что-то непонятное... Бледное лицо без единой кровинки, пересохшие, воспаленные губы. Она приоткрыла рот и усиленно дышала, как будто ей не хватало воздуха. Ее впалая грудь под белой кофточкой высоко поднималась...

Я взял в руки документ для перевода и собрался уходить.

— Куда вы? Переведите здесь. Мне нужен перевод срочно.

Девушку звали Зоей. Почему-то мне показалось, что иначе ее звать не могли. В моем представлении

имя Зои было всегда связано с образом щупленькой, безобидной и хрупкой девушки.

Зоя как-то безучастно посмотрела на меня и опустила голову.

Милая Зоя, почему ты здесь? — хотелось мне спросить ее. Ты, наверное, попала сюда по ошибке? Какой из тебя шпион? Какая ты изменница родины, когда одно дуновение ветерка может сбить тебя с ног. Ты, наверно, чахоточная. Тебе, милая Зоя, очень тяжело дышать...

Зоя словно почувствовала мои мысли. На воспаленных ее губах мелькнуло что-то вроде улыбки.

Майор Глазунов медленно приближался к Зое. Он смотрел на нее в упор, как колдун, своими безумными глазами.

Руки Зои задрожали сильнее. Вот-вот она умрет от испуга. Безумный страх еще шире открыл ее глаза.

Еще секунда, и майор вплотную подошел к ней. Он осматривал ее со всех сторон как-то нарочито медленно.

Меня охватила жуть. Все это мне показалось чем-то невероятным, сумасшедшим... Нет, не то. Что-то большее было во всем этом.

— Так! Так! — закричал неожиданно майор.

Зоя задрожала, даже глаза закрыла.

Голос майора повышался.

— Я не понимаю, почему ты так нахально врешь? Скажи, почему ты так нахально врешь? Я все знаю. Понимаешь ли ты, что я все знаю...

Зоя хотела что-то сказать, но слова замерли на ее устах. Вместо слов из ее груди вырвались какие-то несвязные звуки, похожие на стон умирающего.

Майор отошел от Зои на несколько шагов. Глазами он словно старался загипнотизировать ее.

Какие-то неясные, но нехорошие предчувствия вкрались мне в душу.

Я боялся одного. Если майор начнет бить Зою, она не выдержит, она умрет от страха. Умрет здесь, на моих глазах. А мне не хотелось, мучительно больно не хотелось видеть ее смерть... Какая бы она ни была, но она также страстно хочет жить, как и я, как и каждый человек! Бог дал ей жизнь...

Если бы на месте Зои сидел крепкий мужчина, мне, пожалуй, не было бы так мучительно больно. А тут — чёрт знает что! Здоровенный майор с руками гориллы и с сумасшествием в глазах — и хрупкая, щупленькая девушка...

Майор снова подошел к Зое.

— Слушай, красавица, — опять закричал он. — Ты вот говоришь мне, что немецкий солдат, приходивший к тебе, привез посылку от твоих родителей. Мне же известно, что это было совсем иначе. Солдат приходил к тебе за сведениями о поведении и настроениях рабочих в нашем лагере... Я докажу тебе, что это было так!

Я понял, в чем дело. Зою обвиняли в шпионаже! Глупости. Ложь, подлая ложь! Зоя не могла быть шпионкой. Не могла быть! Да и, в конце концов, какие сведения могла Зоя передавать солдату? Разве о том, как тяжело жили русские девушки у немцев на каторге? Но это немцы знали и сами, без Зои. Все это блеф, гнусный блеф!

Наверное, какая-нибудь из подруг Зои, завербованная смершевцами, донесла на Зою, чтобы оправдать себя как агента. Посещение же солдата можно было объяснить, как угодно...

Зачем все это нужно? Зачем между людьми сеять ненависть, презрение, распри, доносы?.. Зачем заставлять людей убивать друг друга? И та Зоина подруга, донесшая на нее, такая же жертва СМЕРША. Завтра ее ожидает то же, что переживет Зоя сегодня.

В документе, который я переводил, не было ничего особенного. Это было написанное на очень плохом немецком языке письмо Зои к какому-то господину Миллеру, с просьбой быть любезным и, в случае возможности, переслать посылку родителям в Чернигов.

Майор заставил меня просмотреть и все остальные письма и документы Зои.

В комнате было невероятно жарко. Запекшиеся губы Зои шевелились. Она жадно смотрела на стоявший в углу на табурете графин с водой. Ей, наверное, очень хотелось пить, но она не решалась попросить разрешения.

Майор Глазунов подошел к двери.

— Дежурный! Приведите брата арестованной.

Зоя, казалось, не сразу поняла слова майора и спохватилась лишь через некоторое время.

Я забыл про перевод ее писем и наблюдал за ней. Зрачки ее невероятно расширились, руки дрожали, дыхание стало сдавленнее и реже...

Через десять минут в комнату втолкнули мужчину лет двадцати шести. Чертами лица и всей фигурой он был очень похож на Зою.

Его лицо дрогнуло от ужаса. Он робко опустил голову, искоса поглядывая на сестру.

Я не знал, о чем он думал, да навряд ли и он сам это знал. Люди, попавшие в кровавые объятия СМЕРША, превращаются в воплощение животного страха. До сих пор мне довелось встретить лишь

двух-трех, оставшихся мужественными до конца. Все же остальные — боялись, дрожали... Человек вообще располагает весьма ограниченными возможностями поведения...

— Сколько раз к твоей сестре приходил немецкий солдат?

— Я не знаю, — робко ответил брат Зои.

— Врешь!

— Нет, не вру...

Майор подошел к нему вплотную. Ребром ладони он ударил его по затылку... Брат покачнулся.

— Говори.

— Я не знаю... Я жил в другом лагере.

Майор еще несколько раз ударил брата Зои.

Зоя, при каждом стоне, вырывавшемся из груди брата, закрывала глаза и ниже опускала голову. Ее лицо переменялось до неузнаваемости. Она побледнела еще больше.

Майор нервно зашагал по комнате, размахивая руками. Только глаза его оставались прежними — неподвижными и безумными.

— Дежурный! Уведите его.

Мне показалось, что Зоя облегченно вздохнула. Дежурный увел брата.

Майор продолжал нервно размахивать руками. Вдруг он остановился.

— Слушай. Я тебя... убью... если ты... мне не скажешь... правду...

Его слова, падавшие с расстановкой, дышали не пустой угрозой, а — действительным решением сумасшедшего человека.

По моему телу пробежал мороз. Руки задрожали. Я выпустил перо и поднялся со стула... но было уже поздно.

Майор с неожиданной быстротой подскочил к Зое и ребром ладони ударил ее по левому виску.

Зоя комочком свалилась на пол. Пряди рассыпавшихся волос спрятали ее лицо. Рядом валялся окурок...

Майор смотрел на нее безумным взглядом, будто не понимая, в чем дело.

Я подбежал к Зое.

— Дежурный! — крикнул я показавшимся мне вдруг чужим и далеким голосом.

Вбежал дежурный.

Майор как будто очнулся. Он медленно отошел в сторону и, открыв портсигар, стал закуривать...

В коридоре послышались торопливые шаги. Потом прозвучали чьи-то несвязные слова.

Я нагнулся над Зоей, чтоб определить, жива ли она. Она была еще жива, но жизнь оставляла ее...

Я расправил ее волосы. На меня смотрели уже мертвые глаза. В них застыл испуг и что-то еще покорное, робкое...

Я помог дежурному вынести Зою в коридор. Подбежало еще несколько солдат. Вышел из комнаты Черноусов.

— Что случилось, Коля? — спросил он меня.

Я ничего ему не ответил. Как мы ни старались привести Зою в сознание, все было напрасно. Зоя была мертва.

Черноусов взял меня за руку.

— Что с тобой?

Я молчал. Он повел меня к себе в комнату.

— Оставь меня, Ваня!

— Что с тобой, Коля? Ты такой бледный.

Черноусов позвал дежурного и приказал ему отвести старика, бывшего у него на допросе.

— Выпей немного водки.

Я молчал. Мое обостренное восприятие болезненно отзывалось на какие-то неясные звуки и шум. В коридоре продолжали суетиться и кричать.

Все напрасно. Зоя умерла — осмеянная, беззащитная, замученная.

— Выпей, Коля.

Я машинально взял в руки стакан.

— Налей еще...

Черноусов дал мне второй стакан. Мне хотелось пить... пить... пить... до бесконечности, чтобы отогнать от себя эти проклятые загробные звуки и шум, чтобы затмить образ майора-садиста, смотревшего на свою жертву, закуривая папиросу...

На полу, у головы Зои, валялся окурок. Его бросил майор. На этот раз все обошлось без крови. Правда, крови нигде не было, нигде ни одной капельки... Но Зоя умерла, замученная, беззащитная, робкая...

Кто был в состоянии защитить ее. Робкий брат? — Нет! Я? — Нет! Кто же? Кто? Закон! Закон! Закон! Но закона в Советском Союзе нет.

Страшно жить, не имея закона.

Мне почему-то захотелось оградить себя законом... от смершевского кошмара, от произвола, от советского рая.

Какой-то злой демон вселился в мою душу.

— Налей еще, Ваня!

Водка не действовала на меня. Наоборот, мучительное осознание окружающего меня ужаса усиливалось. Оно грозило раздавить меня. Что-то бушевало во мне. Закон! Где же закон? Где он? Мне хотелось кричать.

— Ваня! Где закон?

Черноусов смотрел на меня недоумевающе. Я чувствовал, что говорю глупости и что язык мой заплетается.

— Какой закон?

— Закон! Неужели ты не понимаешь?

Черноусов оглянулся на двери.

— Молчи. Ложись на постель.

— Нет! Глупости! Где закон, скажи? Где закон!

Черноусов молчал. Он налил еще стакан водки и предложил мне.

— Не хочу.

Он сам опрокинул залпом стакан. Налил второй и опрокинул его также.

— ...закона нет, Коля!

— Как нет?

— Молчи! — Черноусов говорил шепетом.

— Почему молчать? Ты видел Зою? Видел, какая она была беззащитная?

— Молчи, — Черноусов пригрозил мне кулаком.

— Я тебя понимаю. Я, ведь, тоже в душе не плохой человек.

Черноусов что-то путает. Когда-то он хотел меня пристрелить за то, что я... буржуй. Ха-ха-ха!

— Ты, Ваня, не плохой человек... Почему же смотришь на все это равнодушно?

— Брось, Коля, прошу тебя.

— Нет, не брошу...

— Так слушай же. Тебе, кажется, не известно, что по поручению майора Гречина я должен следить за каждым твоим шагом и доносить майору. — Эти слова немного протрезвили меня... Черноусов продолжал смотреть на меня в упор. — Если бы я сказал майору, как ты ведешь себя в некоторых случаях, поверь мне, тебе бы не сдобровать. Но я тебе гово-

рю, что в душе я человек не плохой. Ты думаешь, смерть Зои на меня не подействовала? Ты ошибаешься. Я, может быть, мучительнее тебя переживаю... Эх, Коля, что и говорить, не все у нас в Советском Союзе, так хорошо, как говорят по радио. Далеко не все!...

Черноусов замолчал.

К прежней путанице, к надрывающим мне душу переживаниям прибавились новые сомнения.

— Что же ты говорил майору Гречину про меня?

— Поверь мне, ничего такого... А я, ведь, знаю многое. Я читал твои стихи. Брось ты это дело. Какой из тебя поэт? Ну, скажи откровенно, какой из тебя поэт?

Вот оно... Самый главный психологический момент, самый главный. Всю важность этого психологического момента я ощутил до предельной глубины.

— Осторожным всегда надо быть, — продолжал Черноусов. — Поверь мне! Откуда я знаю, не следишь ли ты или кто другой за каждым моим движением? Нельзя поддаваться настроениям, или, как у нас говорят, „телячьим нежностям”.

Психологический момент обрисовался еще более ярко...

На недоверии, на боязни друг перед другом покоится сила Советского Союза.

Черноусов прав. Стыдно мне. Именно мне! Ведь я, все же, активный враг Советского Союза. Только благодаря заданию я здесь... Тем более надо быть осторожным. Если бы Черноусов был бесповоротно плохим человеком, я погубил бы себя со своими законами, стихотворениями и прочим...

Преграда между нами, пробитая самим Черноусовым, исчезла.

— Коля, мне жаль тебя. Скажи, как помочь тебе? Хочешь еще стакан водки?

— Нет, не надо.

Вдруг я почувствовал себя менее несчастным. Кровавый круг как будто порвался. Нашелся и между смершевцами понимающий меня человек. Мало того, готов помочь мне и избавить меня от лишних страданий. Такая услуга в моем положении дороже денег, дороже всего на свете... Живу я один, как отшельник, ни с кем не делюсь ни радостями, ни своим горем.

Однако правило революционера гласит, что там, где настоящая работа, нет места чувствам. Кто знает, что имеет в виду Черноусов, пробивая преграды в моей душе.

— Я пойду спать, Ваня. Спасибо тебе...

Черноусов засуетился.

— Ложись у меня.

— Нет, спасибо.

— Коля, о том, что я тебе сказал — никому ни слова. Понимаешь?

— Понимаю.

В коридоре было тихо. Только дежурные молча прохаживались перед дверями следователей.

Куда они унесли Зою? Вот она, настоящая жизнь. Жила девушка, радовалась, что скоро вернется к родителям. Предчувствовала ли она, снилось ли ей когда-нибудь, что погибнет она от руки следователя-садиста в застенках СМЕРША? Она, наверное, никогда и не знала, что в Советском Союзе существует такой СМЕРШ. Похоронят ее где-нибудь в лесу, как

собаку... Нарочно не оставят и следа, чтобы не узнали люди...

*

Проснулся я очень рано, хотя почти не спал всю ночь.

По коридору кто-то бегал, слышались отрывочные фразы.

Я быстро оделся.

— В чем дело? — спросил я младшего лейтенанта Кузякина.

— Новость! Ночью кто-то убил майора Глазунова. Пойдем посмотрим.

— Нет, я не пойду.

Кузякин ушел. Я вернулся к себе. „Собаке — собачья смерть” — подумал я.

Перед моим окном проходил отряд репатриантов. Охранные войска вели их на работу. Охрана с двух сторон, вооружена автоматами. Так не охраняют и немецких военнопленных.

Под Освенцимом крупнейший завод И.-Г.-Фарбен-индустри. Советы демонтируют завод и отправляют оборудование в СССР. Работы много. Нужны дешевые рабочие руки...

14 июля

Перемьшль.

Я пережил тяжелый душевный кризис, Одно время мне уже казалось, что я сошел с ума. Последствия кризиса ощущаются еще и теперь. По ночам я страдаю галлюцинациями.

Я думаю, у меня не хватит сил пережить еще одно, аналогичное смерти Зои, событие. Как физической, так и душевной выносливости есть предел.

Вся моя энергия, мысли и усилия должны быть направлены теперь к одному, — выбраться из СМЕРША. Судя по всему, это будет наиболее тяжелой проблемой. Все, что я мог сделать, уже сделано. Оставаться дальше в контрразведке нет смысла. Надо, как можно скорее, выбраться из СМЕРША и попасть в Ужгород или Мукачево.

Вчера я разговаривал с капитаном Потаповым. Думаю, что он единственный человек, с кем можно говорить открыто. Если он и не поможет, то, во всяком случае, не выдаст.

— Возможно ли, в принципе, уйти из СМЕРША?

— Нет. Во всяком случае, мне лично не известны такие случаи. Но вы не унывайте.

— Я не унываю. Но я хочу выбраться из контрразведки.

— Мой вам совет, — не разговаривайте с маленьким начальством. Оно вам скажет: „сидите и молчите”. Обратитесь прямо к генерал-лейтенанту.

— Я тоже считаю этот путь наиболее верным, но сначала все же поговорю с подполковником Душником.

— Это лишнее. Он выругает вас и прикажет „не совать нос в чужие дела”.

— Но это не „чужие дела”! Это касается меня самого.

— Я не спорю. Но у подполковника таков обычай.

Потапов тоже „комбинирует”, как бы и ему выбраться из СМЕРША.

— У меня гораздо меньше шансов на успех, чем у вас.

— Мне кажется, что шансы у нас одинаковы. Вернее, ни у вас ни у меня никаких.

В 6 часов вечера я постучался к подполковнику Душнику.

— Войдите.

— Товарищ подполковник! Разрешите доложить...

Вкратце я изложил касающиеся моей просьбы доводы. Подполковник сдвинул брови.

— Это что за новости? Как вы осмелились прийти ко мне с таким заявлением? Выбросьте это раз и навсегда из головы... Можете идти!

Я ушел. „Бомбой бы в тебя, сукина сына”, — думал я, спускаясь по лестницу.

Завтра же пойду с рапортом к генералу.

15 июля

Какая досада! Генерал уехал куда-то и неизвестно, когда вернется. Вообще неизвестно, что будет дальше. Ходят слухи, что наш фронт будет переформирован в Черновицкий военный округ. Скоро переезжаем в Станислав.

17 июля

Станислав.

Майор Гречин собрал свое отделение.

— Товарищи! Наш фронт будет переформирован в Черновицкий военный округ. В Черновицах я работал до войны с Германией. Опыт говорит мне, что здесь, в Галиции, нужно быть весьма осторожным. По нашим сведениям, вооруженных украинских

сепаратистов не так много. Всего 4 200 человек. Но эта цифра ничего не говорит. Нельзя забывать, что по городам и селам живет много людей, рассуждающих точно так, как и те в лесах. Я думаю, что с вооруженными сепаратистами мы справимся быстро и легко. Хуже обстоит дело с другими, живущими мирной и спокойной жизнью. Они для нас наиболее опасны. Не знаю, как решит наше правительство... Но, каково бы его решение ни было, нам придется работать в двух направлениях: уничтожить вооруженные банды в лесах и вылавливать притаившихся в городах и селах.

Далее майор говорил о конкретных возможностях борьбы.

Из его слов я понял, что Галиция будет постепенно переселена, хотя открыто он этого и не сказал.

Я настолько привык к коренным действиям чекистов, что ничему не удивляюсь. Практика расселения, примененная к казакам, оправдала теорию. Очаги сопротивления были уничтожены. Так, должно быть, будет и с Галицией. Судьба, во всяком случае, незавидная.

Вполне возможно, что такая же участь ожидает и нас, русинов. В глазах чекистов мы — националисты.

19 июля

Вчера, в десять вечера, я вошел в приемную генерала. Капитан Черный встретил меня недоброжелательно.

- Генерал никого не принимает.
- Когда же мне прийти?

Дверь открылась и на пороге появился генерал.

— В чем дело?

Капитан доложил генералу о моем деле.

— Пожалуйста...

Я последовал за генералом. Мое состояние было незавидное. Я был полон сомнений и волнения. У меня был лишь один козырь, на который я больше всего надеялся.

— Садитесь.

Генерал улыбался глазами. Судя по всему, он был в хорошем расположении духа.

— Вы твердо решили уйти от нас? — пристально посмотрел на меня генерал.

— Да.

— Почему?

Я решил, что выкручиваться нет смысла. Генерал, все равно, поймет „истинные причины”, побудившие меня обратиться лично к нему.

— Я уверен, что работая по своей специальности, я принесу советскому правительству гораздо больше пользы. Работа в контрразведке мне не нравится.

Генерал встал и зашагал по кабинету.

Наступило минутное молчание.

— Дальше?

— Затем, я хотел бы работать у нас, на Подкарпатской Руси...

— Следующая причина?

— Это все, товарищ генерал-лейтенант.

— Причины у вас не особенно веские. Но, чтобы вы не считали меня толстокожим, я сделаю все, что в моей возможности. Что же я в состоянии сделать? Отпустить вас на все четыре стороны — не могу. Вы слишком много знаете для простого смертного. От нас есть два выхода: или в тюрьму, или на такую же

работу в ином месте. В тюрьму вас сажать не за что. Остается второй выход. Перевод на работу, скажем, в Ужгород, — вас устраивает?

— Да. Если действительно нет иной возможности.

Я чувствовал, что говорю с генералом весьма по-семейному. К сожалению, другого тона я не мог подобрать.

Генерал подошел к телефону.

— Подполковник Горьшев... Здравствуйте. У меня к вам небольшое дело. Напишите сопроводительную записку товарищу Синевирскому в Ужгород, в распоряжение подполковника Чередниченко... Как поживаете? Жарко? Да. И я страдаю от жары. Днем почти нет возможности работать... До свидания.

Генерал положил трубку.

— Вы можете добиться больших успехов и на работе в наших органах. Подполковнику Чередниченко нужны такие люди, как вы. Условия в Закарпатской Украине вам хорошо известны... Влияние капитализма там пустило глубокие корни... Советую вам быть беспощадным ко всем врагам советской власти... если нужно будет, то и к родному отцу... Можете идти.

Я поспешно поблагодарил генерала и вышел из кабинета. Капитан Черный проводил меня недовольным взглядом.

В 12 часов меня вызвали к подполковнику Душнику.

— Как вы смее поступать подобным образом? Вашим непосредственным начальником является майор Гречин и вам надлежало обратиться к нему.

Душник повышал голос. Брызги слюны падали на разложенные на письменном столе папки. „Черт

с тобой! ругайся, как хочешь и сколько хочешь”, — думал я.

— Если бы вы были кадровым офицером, а не переводчиком, я бы отдал вас под суд! Я никогда не ожидал от вас такого... Это черт знает что! Оставьте мне ваш домашний адрес...

Я написал на обрывке бумаги свой мукачевский адрес...

Хочется кричать „ура”, но лучше пока не надо. Не сглазить бы преждевременной радостью...

20 июля

Через три часа уезжаю.

Я никогда не думал, что надо затратить столько энергии, чтобы уйти из Управления. С утра бегаю по всем отделам и собираю подписи. Комендант, начфин, заведующий библиотекой, заведующий складами, заведующий оружием, начальник отдела кадров, начальник второго отдела — все они должны были подписаться, что я им ничего не должен.

Проклятое учреждение! Вот, скажем, финотдел находится у черта на куличках. Разыскивая его, я часто видел на угловых домах надписи: „Хозяйство Ковальчука” и стрелку, показывающую направление в это хозяйство. Надписи, как надписи. Скромные, ничего не говорящие. Подобными надписями разукрашены тысячи городских домов Европы, где побывало наше управление.

Посторонний человек прочтет — „хозяйство Ковальчука”, и пройдет мимо. Я же читал эти надписи, содрогаясь... А какие они скромные на вид!

В Хусте я снял форму и надел гражданский костюм.

И. В., член нашей карпатской компартии, с десятилетним стажем, встретил меня как-то вяло.

— Как ты думаешь, к чему все это приведет?

— К коммунизму...

— Нет, это черт знает, что такое. Свободы — никакой, жизни — никакой. Я, Никола, зря подставлял спину под нагайки чешских полицейских. Зря, ей Богу, зря. Во времена господства Чехословакии была свобода и была жизнь. Плохо жил только тот, кто не хотел работать... Теперь же работаешь... эх, что и говорить, промахнулись мы.

— Глупости! Мы не промахнулись. Все будет хорошо, дай только срок.

— Нет, пока будут у власти большевики, никогда не будет хорошо. Я три года работал в шахтах Бельгии. Если бы мне удалось теперь попасть туда, я бы был самым счастливым человеком...

*

В Ужгород я попал 25 июля, в 8 часов утра. Около здания Народной Рады Закарпатской Украины встретил Василия П.

— Ты здесь работаешь? — спросил я его.

— Нет, я работаю вот там, — и Василий показал пальцем на здание суда.

— У Чередниченко?

— Да. Но откуда ты его знаешь? Ведь наша фирма работает под вывеской Ваша.

— Ваш? Знаю его. Как он поживает?

— Одно слово — персона. К нему теперь не подходит. Знать никого не знает.

— Чередниченко работает всюю?

— На полных парах... Видишь, сколько народа толпится у ворот тюрьмы.

Я посмотрел в указанном направлении. Босые крестьяне, старухи, матери, паны, у каждого какой-нибудь сверток в руках, для друга ли, для сына или отца. Передачи.

— В тюрьме люди пухнут от голода. Тут, брат, действуют черные силы. Если бы ты знал, как я мучаюсь тем, что нелегкая толкнула меня в чекисты... Ей-Богу, угрызения совести доводят иногда до того, что я беру в руки наган... Но, трус я. Не хватает мужества пристрелиться...

— У меня есть письмо для Чередниченко.

Василий посмотрел на меня удивленно.

— Какое письмо?

— Из Штаба фронта.

— Вот как!.. Пойдем, я помогу тебе разыскать подполковника. Сам ты в этом лабиринте запутаешься.

У входа стояли часовые.

— Это с вами, товарищ следователь? — спросил часовой.

— Да, со мной, но не арестованный.

— Тогда ему нельзя.

— У него дело к подполковнику.

— Я не имею права пускать посторонних людей. Сходите к начальнику караула за пропуском.

После объяснений я получил пропуск.

Здание ужгородского суда знакомо мне по былым временам. Длинные коридоры, сотни помещений.

Теперь здесь было, как в муравейнике. Смершевцев сменили чекисты НКГБ. Дело в том, что, после официального присоединения Подкарпатской Руси к Советскому Союзу, подполковнику Чередниченко было поручено организовать у нас госбезопасность.

В коридоре я остановился, пораженный неожиданной встречей. У дверей, лицом к стене, стоял И. И. Рядом с ним сторож, солдат охранных войск НКГБ. И. И. мой хороший знакомый. За что его арестовали? Ведь он действительно был за присоединение к Советскому Союзу!

Вид у И. И. жуткий: острые скулы, небритый, грязный, растрепанные волосы, грязная рваная рубаха... И. И. заметил меня и опустил голову. Наверное, проклинал меня.

Мороз пробежал у меня по телу. Досадно до бешенства, а помочь не могу. Даже папирос ему передать не могу.

Василий позвал меня.

— Слушай, ты не знаешь этого человека? — обратился я к нему.

— Нет.

— Это мой хороший знакомый. Если у тебя есть возможность передать ему несколько папирос, я прошу тебя, сделай это...

— Что ты, Никола?! Нет, этого я не могу сделать. Если бы его дело было у меня, тогда бы я еще мог передать... А так, поверь, — не могу.

Я подошел к часовому.

— Товарищ младший сержант. Я хотел бы передать пару папирос арестованному.

Сторож посмотрел на меня недоумевающе, оглянулся кругом.

— Передайте, но чтоб я не видел.

И. И. не принял папиросы. В глазах его было презрение ко мне. Я отшел смущенно. Нет, я не обвинял И. И. Он прав. Для него я был только чекистом.

Василий ввел меня в свой кабинет.

— Садитесь. Покурим, поговорим. Ты, надеюсь, не спешишь?

— Нет, не спешу.

— Скажи мне откровенно. Если убежать в Чехию, — выдадут чехи?

— Да. В Чехии то же самое, что и здесь, — свобода действий для чекистов неограниченная.

— К американцам?

— Не знаю...

— Вот дожили... Если бы мне раньше кто-нибудь назвал Советский Союз тюрьмой, я бы убил его, Никола. Да. А теперь, вот собственными глазами вижу, что это так. Я не уверен, не буду ли завтра сам, точно так, лицом к стенке, стоять у дверей какого-нибудь следователя, как сегодня стоит твой знакомый. Что делать?..

— Не знаю...

— Ты кажется, не веришь мне... Ох, и ты... Впрочем, и ты, и все, не верящие мне, правы. Я сам не верю. Будь она проклята, такая жизнь!

Я действительно не верил Василию. Раньше он был хорошим человеком. Каков он теперь, я не знал. Слишком откровенно он говорил против Советского Союза. При том, где? — В здании Карпатской госбезопасности...

Поговорив с Василием еще некоторое время, я попросил его показать мне кабинет подполковника Чередниченко.

В коридоре мы встретили хорошенькую барышню с папками в руке. Она посмотрела на меня подозрительно и прошла мимо. Я, как человек незнакомый, своим присутствием в этом учреждении, видимо, вызывал удивление, встречные косились на меня.

— Ну, вот и кабинет подполковника. Пока до свиданья.

— До свиданья.

План действий у меня был давно подготовлен. Я остановился на минутку перед дверью.

— Войдите, — послышался женский голос.

Я открыл дверь.

— Вам кого?

— Товарища подполковника...

— По какому делу?

— У меня для него пакет от генерал-лейтенанта Ковальчука.

Барышня мгновенно преобразилась. Небрежный тон исчез.

— Будьте любезны, присядьте. Я сейчас доложу подполковнику.

Она исчезла за большой, обитой кожей дверью.

— Проходите...

Подполковник Чередниченко — весьма представительный человек. Высокий рост, интеллигентное лицо, умные глаза, светлые волосы, высокий лоб. Одет в гражданский костюм светлой мягкой шерсти.

Отрапортовав, я подал ему пакет.

— Так... — пробежав глазами бумаги, находящие-

ся в пакете, заговорил он. — Я рад вашему приезду. Подполковник Горышев отзывается о вас весьма хорошо. Вы откуда родом?

Я назвал родное село.

— Это Хустский район?

— Так точно.

— Великолепно. Как раз на Хустский район мне нужен такой человек.

Подполковник начал что-то писать на одной из бумаг. „Резолюция” — мелькнуло у меня в мыслях. Надо действовать.

— Товарищ подполковник.

— В чем дело?

— У меня к вам большая просьба.

— Я вас слушаю.

— Нельзя ли мне получить хотя бы месячный отпуск?

— Зачем?

— У меня чрезмерное увеличение щитовидной железы.

— Базедова болезнь?

— Еще пока нет, но, если не сделать заблаговременно операцию, могут наступить осложнения.

— В таком случае я пошлю вас в военный госпиталь.

Я мысленно выругал подполковника. Боже, какой неподатливый.

— У меня в Мукачево есть знакомый хирург. Ему я верю...

— Давайте не будем торговаться. Езжайте в свое Мукачево и через месяц возвращайтесь, — произнес подполковник недовольным тоном. — Эту бумагу отнесите майору Денисову, начальнику отдела кадров.

Я отыскал майора Денисова. Пришлось ждать очереди. Чередниченко пополнял свои кадры. Чекисты со всех концов Советского Союза стояли в коридоре, ожидая оформления в отделе кадров.

— Вы откуда, товарищ? — обратился ко мне молодой капитан, стоявший передо мной.

— Я местный.

— Вот как. Тогда скажите, в каком городе здесь лучше всего жить?

— Один черт. Везде плохо. Край наш очень беден.

— Что вы?! А я в Киеве слышал, что у вас здесь не жизнь, а рай.

— Сказки, товарищ капитан. Мы, вот, думали, что у вас рай, потому и присоединились к Советскому Союзу.

— Да, у нас не плохо.

Капитан замолчал. Должно быть, мои слова не понравились ему, и он решил прекратить разговор.

Майор Денисов выписал мне месячный отпуск без лишних расспросов.

Итак, время я выиграл, а это самое главное.

*

Я свободно вздохнул, выйдя из здания ужгородской госбезопасности. Словно выбрался из тюрьмы. На всякий случай, я долго гулял по городу. Убедившись, что слежки за мной нет, я вошел в дом, в котором жил В. Хозяйка сказала мне, что В. уехал в...

Придется связаться с Васей.

Почему-то мне захотелось, как можно скорее, уйти из города и забраться в лесную глушь, где нет ни одного человека.

Когда я встречал офицеров НКГБ, я старался на них не смотреть. Вообще, я пытался ни о чем не думать. Вид чекистов вызывал у меня тяжелые воспоминания. Мне же мучительно хотелось забыть, вычеркнуть все из памяти.

В лесу, на поляне, я пролежал до поздней ночи. Увы, неотвязные воспоминания недавнего прошлого не оставляли меня. И все же, сознание, что я на свободе, что около меня никого нет, что в моем распоряжении целый месяц, что я вообще остался жив — наполняло мою душу радостью.

Впервые, после семимесячной работы в СМЕРШЕ, я почувствовал себя тем, кем я был раньше.

6 августа

Народная Рада Закарпатской Украины — самое хорошее здание у нас, на Подкарпатской Руси. Оно было построено во время первой чехословацкой республики, с учетом всех технических достижений строительства последнего времени.

Мне хотелось поговорить с Керчей, уполномоченным по делам просвещения, с Русином, уполномоченным по делам транспорта, с Линтуром, уполномоченным по делам культа, и с Путрашевой, секретаршей И. И. Туряницы. Кроме них, в Раде работают и многие другие мои знакомые. Нужно было бы повидаться и с ними.

В здание Рады может войти, кто угодно. Не нужно никаких разрешений.

По коридорам сновали люди самых разнообразных профессий. У некоторых дверей стояли большие очереди.

Вдруг внимание мое привлек шум у дверей уполномоченного по делам торговли Вайса. Из канцелярии выходил мужчина средних лет, на костылях.

— Черт вас всех возьми! — кричал он возмущенно. — Подлецы!.. Когда нужны были добровольцы для Красной армии, обещали золотые горы. А теперь, когда я без ноги остался, не хотите дать простой бумажки... — последовала густая уличная брань.

Женщины, стоявшие в очереди у дверей „министра Вайса”, смущенно опустили головы. Некоторые из мужчин присоединились к инвалиду Отечественной войны. Шум увеличивался.

Дверь приоткрылась и „министр Вайс” высунул голову.

— Если вы не уйдете сейчас же, я вызову милицию.

— Плевать мне на твою милицию, — прокричал инвалид и злобно затряс костылем в воздухе.

Я поспешил уйти. Слишком много неприятностей довелось мне пережить за короткий срок моего пребывания в Ужгороде. Этот случай мне был тоже неприятен.

— Спекулянтам выдаешь разрешения, а мне нет, я не даю взяток, потому... — доносился мне вслед голос инвалида.

Керча усиленно заботится о просвещении Подкарпатской Руси; открывает десятилетки, выписывает из Советского Союза преподавателей...

— Реорганизация школы отнимает много времени. Кроме того, у нас нет надлежащих кадров. Для советской школы самое главное — политграмота. Именно по этой-то части у нас и нет специалистов.

Линтур уехал по делам.

Юра П. обрадовался моему посещению. Он, кажется, ничуть не изменился.

— Садись, Никола. Рассказывай, где бывал, что видал...

— Ты давно работаешь здесь?

— Да. Представь, на этот раз я доволен. Работа интересная! Вот, хотя бы сейчас. Надо подобрать документы, на основании которых можно будет кафедральный храм греко-католиков передать православному. Кое-какие документы я уже достал, но этого еще мало. Подкарпатская Русь должна быть православной. И я уверяю тебя, что в скором времени она будет православной.

Юра настолько увлекся изложением своих планов о возвращении Подкарпатской Руси в лоно православия, что даже не слышал стука в дверь.

— К тебе стучат!

— Да, сейчас... — Юра направился к двери.

Вошел Василий с капитаном-чекистом.

Василий не показывал вида, что знает меня.

— Мы к товарищу уполномоченному, — заговорил он.

— Его нет.

— Как же быть?.. Нам нужны списки греко-католического и православного духовенства. Кроме того, списки учеников духовной семинарии.

Я стоял в стороне, тоже делая вид, что не знаю Василия.

Юра засуетился. Появление капитана-чекиста подействовало на него.

— Вам сейчас, или, может быть, обождете до завтра?

— Можем обождать, — сухо ответил капитан.

С уходом Василия и капитана-чекиста мы свободно вздохнули.

— Ты, Юра, сам не сделаешь Карпатскую Русь православной. Но те, которые только что ушли, делают. Им я верю, они не подкачают, — заговорил я. — Кого из духовенства арестуют, кому пригрозят, кого убьют и — дело пойдет. И пойдет так далеко, что у нас, в конце концов, не будет ни греко-католиков, ни православных. Для советской власти „религия — опиум для народа”. И если Советы в данный момент и поддерживают нас, то это только тактический шаг. Поверь мне! Потребовали же они у тебя списки православного духовенства? Потребовали! Почему? Потому, что они не верят православным так же, как не верят и греко-католикам... Нет, Юра, что ни говори, все это очень грязное дело.

Юра не соглашался со мной.

Он ослеплен идеей превращения греко-католиков в православных и не видит ничего дальше. Он согласен с любыми мероприятиями чекистов, лишь бы Подкарпатская Русь стала всецело православной.

Поговорив еще с полчаса, я простился с Юрой.

— Ну, до свидания, — пожал мне Юра руку и пошел отдать приказ секретарям приготовить списки духовенства для... чекистов.

7 августа

Не прошло еще года со дня прихода Красной армии, — а Подкарпатскую Русь уже трудно узнать.

Во времена первой Чехословацкой республики у нас было около двадцати партий. Все бывшие члены этих партий теперь враги советской власти. Под-

полковник Чередниченко действительно работает по-стахановски. Тысячи арестов тому свидетельство. В конце концов, он арестует всю Карпатскую Русь, всех, кроме коммунистов. Как это ни невероятно, но дело идет к этому.

Кто у нас не враг советской власти? Духовенство — враг. Крестьянин-собственник — враг. Интеллигент — враг.

Рабочих у нас мало. Но вряд ли наши рабочие пойдут с большевиками. Видят же они, что творится кругом!

При таком положении нечего удивляться, что интеллигенция убегает в Чехословакию и в... Венгрию. Злая шутка судьбы! Русины, так жгуче ненавидевшие Венгрию и с такой радостью ожидавшие прихода Красной армии, убегали теперь именно в Венгрию. Убегают от подполковника Чередниченко, от чекистов, от коммунистической власти и советского строя...

Большинство бежавших в 1939—40 гг. в Советский Союз попало на сибирскую каторгу и погибло на Колыме и в других концлагерях. Меньшинство вступило в ряды Армии генерала Свободы. Немало из них погибло в боях за Соколово, под Дуклей, в Словакии. Те немногие, что остались в живых, не захотели возвращаться из Чехословакии домой. Ужасам советской действительности они предпочли эмиграцию. Крестьяне боятся колхозов.

По отношению к крестьянам и торговцам большевики применяют хитрую политику. Всякое частное имущество они облагают такими налогами, что действительно ничего не остается делать, как отказаться от своей собственности и „добровольно” присоединиться к проводимой правительством линии.

Крестьяне явно ненавидят большевиков.

В неурочное время мы присоединились к России. Народ не отдает себе ясного отчета в том, кто, собственно, его настоящий палач. Карпатская Русь живет мучительной голодной жизнью и ко всему этому страх... за завтрашний день.

Если посмотреть беспристрастно — завтрашний день темен и беспросветен. Усиленная чистка, колхозы, переселения в глубь Советского Союза.

Да, в неурочное время мы присоединились к России...

Насколько велик был пафос воссоединения после тысячелетнего иностранного рабства, — настолько теперь сильно разочарование.

И виноваты в этом только большевики.

Разве можно быть счастливым —

— когда твой знакомый, боясь ночью быть ограбленным или убитым, принужден был провести ночь на вокзале;

— когда арестовали твоего брата и уже месяц не находишь его следа;

— когда неделю назад изнасиловали твою сестру, а отца убили за попытку защитить дочь;

— когда каждый день радиопропаганда и газеты уверяют тебя, что ты самый свободный человек в мире, в то время как ты не спишь по ночам и все прислушиваешься, не стучат ли в дверь, не арестуют ли тебя за то, что ты был демократом, а не коммунистом во времена Чехословакии;

— когда лучший твой друг, с которым ты делил и горе, и счастье, ни слова тебе не сказав, как вор, тайно ушел в Венгрию, ибо не верил тебе, боялся, что ты донесешь на него;

— когда за труд твой платят тебе такие гроши,

что на месячный оклад ты не можешь купить ничего, кроме десяти килограммов хлеба, тогда как раньше ты мог за эти деньги купить до двухсот килограммов;

— когда дядя твой, тот дядя, что всю свою жизнь на своей земле с ранней зари до поздней ночи работал, ни разу в кабак не зашел, все для своих детей копил, потом своим каждую борозду своего поля напоил, этот твой дядя должен будет завтра колхозу отдать свою землю и делать то, что ему прикажет всеми презираемый в селе плут и вор, пьяница и прощельга;

— когда через полгода, зимой, может быть в тридцатиградусные морозы, придут чекисты в твое родное село, начнут выгонять жителей и, как стадо, грузить их в теплушки и отправлять в Сибирь, заселяя их родину татарами.

А ведь когда-то ты ждал прихода Красной армии и думал, что она тебе принесет свободу и рай. Как жестоко обманули тебя!

Теперь ты, русин, видишь, что такое советская действительность!

Жизнь слагается из мелочей. Народу, в массе, не нужны гениальнейшие гимны о Сталине, о партии, и еще раз о Сталине и еще раз о партии. Народу не нужны лживые слова пропаганды радиопередач и прессы. Народу нужна жизнь.

Я не осуждаю никого из убежавших и убегающих в Чехословакию или Венгрию.

Я не осуждаю и тех, кто по робости души своей смотрит на советскую действительность, сложив за спиной руки.

Но я презираю тех, кто из желания быть вождем, начальником, директором, пользоваться куском

хлеба из закрытого распределителя, кричит вместе с советской властью о нашей „зажиточной, веселой и свободной жизни”.

Я преклоняюсь перед тем, кто, подняв голос протеста, гибнет в тюрьмах и концлагерях.

Изнемогая в крови, в страданиях русский народ борется с свирепствующим коммунизмом. Коммунистическую диктатуру свергнуть невероятно тяжело.

ЧК, ГПУ, НКВД, НКГБ, СМЕРШ.

На алтарь своего освобождения русский народ принес миллионы жертв. И возможно, что придется принести еще больше. Но я верю в русский народ, верю в его непобедимость, верю в то, что борьба рано или поздно кончится победой русского народа.

10 августа

Мукачево.

Вася обрадовался моему приезду.

— Никола, Никола, а я, грешный человек, думал, что ты погиб. Семь месяцев от тебя ни одной весточки. Дай-ка я ощупаю тебя. Ты, на самом деле ты. Что же это я? Садись, ради Бога. Я так удивлен, что, право, не соображаю... Мама, у нас гость. Угадай, кто?

Пришла мать Васи и расцеловала меня.

— Где же ты был, Никола? Ничего не писал. Нехорошо. Ладно, ладно. Не оправдывайся. Я ведь так, к слову... Ты, чай, голоден. Я сейчас...

— Что нового? — спросил я его. — Никого из наших не арестовали?

— Последнее время — никого. НКГБ, кажется, потерял следы.

— У меня к тебе дело.

Вася насторожился.

— Какие?

— Полный комплект, начиная с метрики.

— Хочешь еще раз родиться?

— Да.

Вася задумался. Лицо его стало серьезным и сосредоточенным.

— Все сделаю, Никола.

Я облегченно вздохнул.

— Все сделаю. В течение трех дней ты родишься, школу кончишь, отработаешь три года на каком-нибудь предприятии... Завтра поеду к дяде.

Я долго расспрашивал Васю про мукачевские новости. Хотелось мне спросить его и про Веру, но как-то неловко было. Когда-то я решил вычеркнуть Веру из своей памяти. Но не вычеркнул. Не смог. Вася же, как нарочно, не упоминал о ней.

— Ты не устал слушать меня? — неожиданно спросил он.

— Нет. Что с Верой?

— А, больное место! Вера вышла замуж.

Вот как. Я предполагал все, только не это. Что ж? Значит, не судьба.

— И счастлива?

— Да.

Я крепко любил Веру. Зачем скрывать и обманывать самого себя, — люблю ее и сейчас.

Вася перевел разговор на другую тему, но я не слушал его. Теперь всему конец. Я любил Веру так сильно, — полюблю ли я еще кого-нибудь? Если и полюблю, то уже не так. Такое чувство приходит раз

в жизни. Вера, Вера! Если бы знала, сколько мучений перенес я из-за тебя. Но, если ты действительно счастлива, я все прощаю тебе. Все. Как-нибудь переживу, может быть... забуду. Говорят, что там, где бессилён человек, всесильно время. Через год, два... Время — огромная сила.

Мать Васи подала ужин. И во время и после ужина все мои мысли были о Вере.

— Переночуешь у нас, — не отпускал меня Вася. — Куда тебе зря ходить? Места у нас хватит. В отношении документов — не беспокойся, все сделаю. Вообще, решим общими силами, что тебе делать дальше...

13 августа

Знакомые тропинки, знакомые изгибы дороги, с детства милые нивы и деревья. вот и церковь. Крестьянские хаты...

Приближаясь к родному селу, я испытывал волнующее чувство...

В жизни я только бродяга, но мне было приятно сознавать, что меня встретит сейчас деловитый отец-домосед и всепонимающая, всепрощающая мать. Встретят в родной хате, где я родился, где меня качали в люльке, где был мне знаком каждый гвоздь, каждая безделушка.

В августе работы очень много, и я не удивился, не застав никого дома. От соседей узнал, что отец косит в саду.

И на этот раз отец встретил меня по своему обыкновению.

— Пришел?

— Да.

Наступило молчание. Мамка долго разглядывала меня, потом заплакала.

— Как тебе нравится мой сад? — спросил отец с гордостью.

— Замечательный.

Отец любил сад, и я понимаю эту его любовь. Будучи мальчиком, он помогал деду сажать новые деревья. Сад — его рук дело.

Развесистые яблони, груши, черешни... Вот та яблоня, под которой лежали вилы и грабли, посажена мною, когда мне было десять лет. Выросла как! И плоды в ней будут хорошие. А было это давно, очень давно. Тогда я еще не знал, что, кроме Хуста, есть на свете и другие города, и что мир такой разнообразный и несовершенный. Да, тогда мне было хорошо. Как я переменялся с тех пор. Верить не хочется.

Мы присели на покос, в тени под грушей. Мамка рассказывала про сельские новости, про нового старосту, священника, почтальона.

— Я часто заходила к бохтеру*, все справлялась, нет ли от тебя писем... — в голосе мамки был едва заметный упрек.

Я опустил глаза. Действительно, в течение семи месяцев я не написал ни одного письма домой. Не мог, по серьезным причинам.

Я не стал оправдываться, я знал, мамка давно простила мне.

Отец в разговоре не принимал участия. Он сидел, сдвинув брови, глядя куда-то вдаль. Мамка продолжала посвящать меня в сельские новости. В течение

---

* Бохтер — сельский почтальон.

получаса я узнал, что цены на землю упали, так как крестьяне, боясь колхозов, продают ее, — но покупать никто не хочет; что многие убегают в Чехословакию и Венгрию; что в соседнем селе открыли десятилетку...

Каждое слово мамки будило во мне воспоминания. Одно за другим всплывали в моей памяти знакомые места, знакомые лица людей.

— Ты надолго приехал? — спросил неожиданно отец.

— Нет, на один день.

Мамка испугалась. В ее глазах появились слезы.

— Всего на день?.. — переспросила она, как бы не веря моим словам.

Впервые в жизни между мною и родителями пробежала тень недоверия. Такие теперь пошли времена. Даже родителям нельзя во всем доверяться.

— Я, сыну, никуда не поеду, — говорил отец с расстановкой, и я почувствовал по тому, как он говорил, что это было твердое, выношенное многими месяцами, решение. — Здесь, на этой земле, жил мой дед и мой отец. Здесь хочу и я дожить свои дни... Много ли мне их осталось? Твой дед был в Америке. Пять лет отработал в угольных шахтах. Возвратился домой, потеряв там здоровье. Нет, сыну, везде хорошо, но дома лучше. Я на своему веку пережил много режимов, — были у нас венгры, потом румыны, за ними чехи и украинцы. Опять пришли венгры... А теперь у нас русские. Видишь, мои руки — и отец показал свои мозолистые ладони — такими они у меня всегда были. Ты, слава Богу, не маленький. Поступай, как хочешь. Один Бог тебе судья.

Я и не пытался возражать отцу. Он прав, он глубоко прав.

Но, прав был и я. Мне было обидно, что я не мог поделиться с отцом своими мыслями. Да навряд ли он и понял бы меня? Живет он своей, крестьянской мудростью. Земля — его стихия. Он к земле прирос. Одна смерть может оторвать его от этого родного сада, родных нив и родной хаты.

У каждого в жизни своя дорога. Может быть, если бы я не получил образования, то работал бы точно так же на земле и был бы счастлив.

После же всего, что я видел и пережил, мне осталось одно — борьба.

Завтра утром я еду.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
1944	7
1945	52

Михаил Дмитриевич Мондич (псевд. Н. Синевирский) родился 5 марта 1923 года в селе Нанково, на Карпатской Руси. Это была крепкая русскими традициями и верой в Бога православная крестьянская семья. Отец и мать, дедушки, бабушки и трое сыновей. Средний из них, Михаил, по желанию родителей должен был перенять хозяйство. Но Михаил хотел учиться. После долгих просьб, на которые родители не поддавались, двенадцатилетний Миша, в одно прекрасное утро, „пошел учиться в Прагу”. К вечеру его догнали на лошадах и только обещанием, что „отдадут в школу” вернули домой. Обещание родители сдержали и отвезли в Прагу в русскую гимназию. Рос Михаил в среде ребят из первой русской эмиграции, учился у замечательных учителей, среди которых было немало университетских профессоров. После гимназии — Пражский университет, машиностроительный факультет. С юных лет солидарист, член НТС.

Война смела все планы... Немецкая оккупация... патриотическая, подпольная деятельность на территории России... Отступление и разгром немцев... Возвращение из России домой... Занятие Красной армией Карпатской Руси. Призыв в армию в чине лейтенанта, медаль за взятие Берлина. И неожиданный поворот судьбы — переводчик (знание языков: чешского, венгерского, румынского, немецкого) в СМЕРШ!

По окончании войны Мондичу удалось бежать на Запад.

В 1949 году М. Д. Мондич эмигрировал в Соединенные Штаты, в 1950-м женился, а в 1952-ом снова вернулся в Европу и с 1952 по 1968 г. был сотрудником исследовательского отдела радио Свобода, вплоть до ранней своей кончины в 46 лет.

В этой книге, написанной почти сразу же после удачного побега на Запад (1-ое издание ее вышло уже в 1948 году в специальном выпуске „Грани” под псевдонимом Н. Синевирский — взят от названия озера на Карпатской Руси), М. Д. Мондич в виде дневниковых записей живо передает обстановку в родных местах в последние месяцы войны, ярко рисует образы чехиков из СМЕРШа (в том числе и женщин) и методы их „работы” (ему приходилось, в качестве переводчика, присутствовать на допросах). Попав со своим отделом в Прагу, он сумел уничтожить многие личные дела и данные, хранившиеся в Представительстве русской эмиграции (председателем в то время был Ефремов). Неудивительно, что после выхода этой книги М. Д. Мондич был помещен в розыскные списки КГБ.

МИХАИЛ МОНДИЧ · СМЕРШ

МИХАИЛ МОНДИЧ

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Экз. № 21

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК

АГЕНТОВ ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК, ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ, УЧАСТНИКОВ АНТИСОВЕТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, КАРАТЕЛЕЙ И ДРУГИХ ПРЕСТУПНИКОВ, ПОДЛЕЖАЩИХ РОЗЫСКУ

МОНДИЧ Михаил Дмитриевич, 1923 года рождения, урож. с. Нанково Хустского р-на Закарпатской обл., украинец, образование среднее. Среднего роста, брюнет, лицо овальное, глаза карие, на правой щеке шрам. Отец Мондич Дмитрий Георгиевич, мать Мондич Фанни Анна Васильевна проживают в с. Нанково; братья Мондич Георгий (Юрий) Дмитриевич — в г. Соколов (Чехословакия), Мондич Николай Дмитриевич — в с. Стеблевка Хустского р-на.

До войны проживал в г. Праге (Чехословакия). В 1941 г. центром «НТС» привлекался в г. Польва для вербовки новых членов в «НТС». В 1943 г. возглавлял в г. Краке в качестве переводчика венгерского и чешского языков. В конце 1943 г. прибыл в г. Франкфурт-на-Майне, где установил связь с руководителями «НТС» в американской контрразведке «Си-Ай-Си». По предложению руководителей «НТС» Трушновича написал антисоветскую книгу «Смерш». В 1952 г. проживал в г. Праге, учился на медфаке Пражского университета. В 1953 г. в Западной Германии являлся резидентом американской разведки. Затем выехал в Америку, где работал личным секретарем председателя исполнительного бюро «НТС» Байдалакова. С 1960 г. по 1968 г. проживал в г. Миннеаполисе, работал на радиостанции «Свобода». По имеющимся данным в 1968 г. выехал в США. Имеются фотокартонка 1945 г. и образцы почерка.

Розыскное дело в УНГБ при СМ УССР по Закарпатской обл. (Ранее объявлен в розыск КГБ при СМ СССР алфавитным списком за 1963 г., стр. 854, сверху второй).

ФОРМЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА
СОВЕТСКОГО СОЮЗА